

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 10

Тольятти
2016 год

Главный редактор: Сергей Сумин
Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Ильдар Листопадов
Художник номера: Ульяна Канарейкина
Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

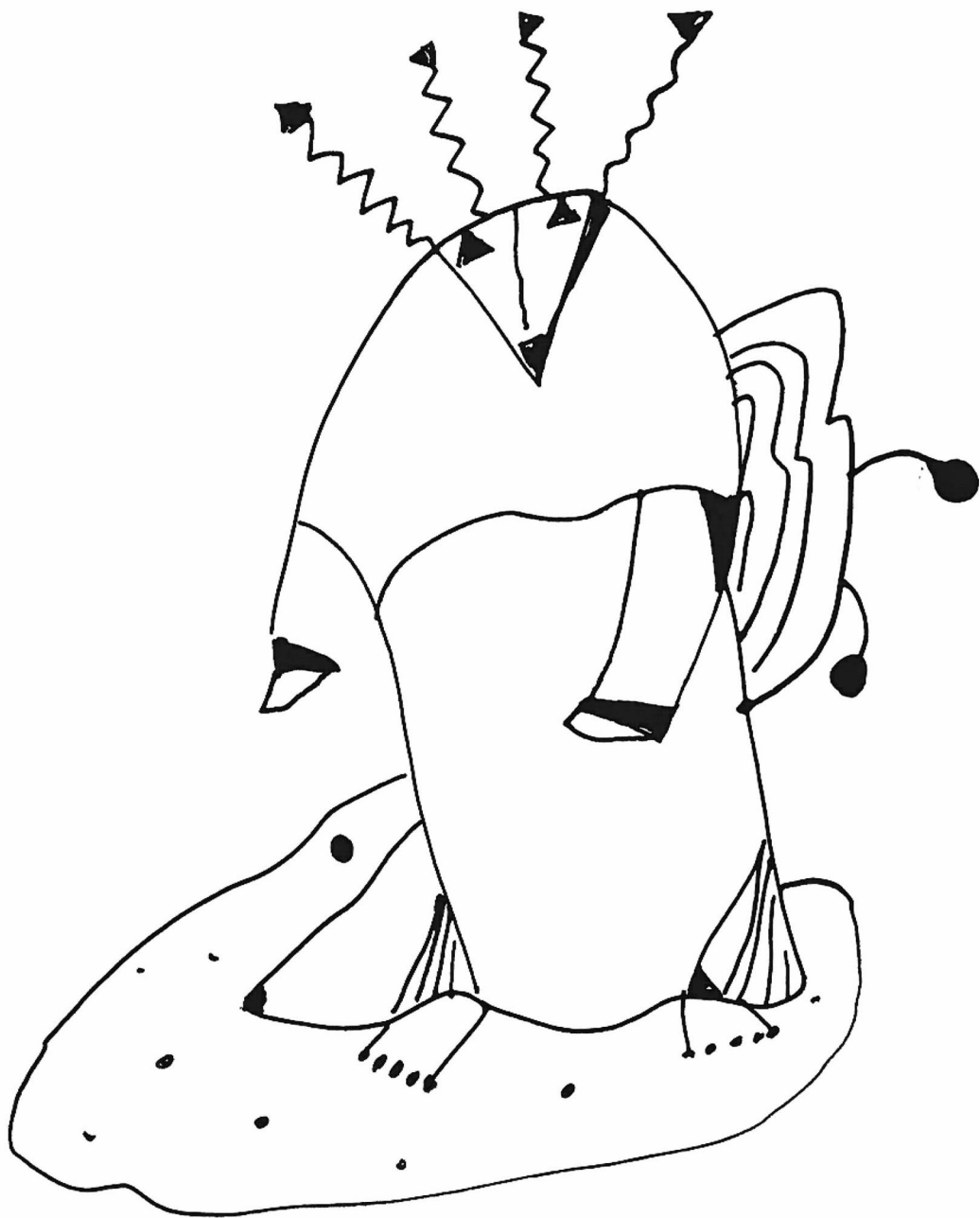
В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2016, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Александр Кабанов.....	5
Денис Липатов	9
Екатерина Деришева	14
Леонид Немцев	17
Александра Шиляева ..	21

АФОРИСТИКА

Дмитрий Дейч	27
--------------------	----

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Андрей Пермьяков	43
------------------------	----

ПРОЗА

Павел Крусанов	51
----------------------	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Евгений Морозов	67
Марат Багаудинов	71
Дмитрий Сопыряев.....	75

ПОСТСКРИПТУМ

Андрей Князев	80
---------------------	----

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Андрей Бауман	89
Лидия Чередеева	94
Вячеслав Крыжановский	97

В ФОКУСЕ

A. Grey, I. Key SATANITO	102
--------------------------------	-----

ИНАЯ ПТИЦА

ПТИЦА-2015	117
------------------	-----

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Валентина Степанова	126
---------------------------	-----

МИР-ЧУЖБИНА

Проект «Другое небо» (Французские поэты)	135
КНИГА ЗА КНИГОЙ	146
АВТОРЫ	160

Александр Кабанов

ДОСТОЕВСКИЙ

Сквозь горящую рощу дождя,
весь в березовых щепках воды –
я свернул на Сенную и спрятал топор под ветровкой,
память-память моя, заплетенная в две бороды,
легкомысленной пахла зубровкой.

И когда в сорок пять еще можно принять пятьдесят,
созерцая патруль, обходящий торговые точки –
где колбасные звери, как будто гирлянды, висят
в натуральной своей оболочке.

А проклюнется снег, что он скажет об этой земле –
по размеру следов, по окуркам в вишневой помаде,
эй, Раскольников-джан, поскорей запрягай «шевроле»,
видишь родину сзади?

Чей спасительный свет, не желая ни боли, ни зла,
хирургической нитью торчит из вселенского мрака,
и старуха-процентщица тоже когда-то была
аспиранткой филфака.

ЛИСЬЯ БУХТА

Где море перекачивает бревна –
секвойных волн, и выдохся пловец,
и жизнь его зависит хладнокровно –
от пересчета годовых колец.

Под сенью звезд, сработанных топорно,
не отличить вместилища от губ,
люблю тебя: как жаль, что это порно –
нельзя скачать и выложить в you tube.

* * *

Я извлечен из квадратного корня воды,
взвешен и признан здоровым, съедобным ребенком,
и дозреваю в предчувствии близкой беды –
на папиросной бумаге, плавая в воздухе тонком.

Кто я – потомственный овощ, фруктовый приплод,
жертвенный камень, подброшенный в твой огород,
смазанный нефтью поэзии нечет и чет,
даже сквозь памперсы – время течет и течет.

Кто я – озимое яблоко, поздний ранет,
белокочанный, до крови, расквашенный свет,
смаlec густеющий или кошерный свинец,
острый младенец, похожий на меч-кладенец?

* * *

То иссохнет весь, то опять зацветет табак,
человек хоронит своих котов и собак,
а затем выносит сор из ночных стихов
и опять хоронит рыбок и хомяков.

Вот проснулся спирт и обратно упал в цене,
но уже не горит, как прежде, видать – к войне,
погружая душу на всю глубину страстей –
человек хоронит ангелов и чертей.

К голове приливает мрамор или гранит,
зеленеют клеммы, божественный дар искрит,
человек закрыт на вечный переучет,
если даже срок хранения – истечет.

АННЕНСКИЙ

Достанешь Коктебель, как жемчуг из биде,
как героин из задницы у мавра:
и мумия Волошина, по пояс в бороде,
оседлывает чучело кентавра.

И вспыхнет над твоею головой –
джедаевским мечом неоновая лампа,
не вздрагивай с улыбкою кривой
на паспорте, без подписи и штампа.

Морские узелки – сквозь память завязать,
постельное белье прополоскать и выжать,
не потому, что нечего сказать,
а потому, что некому услышать.

* * *

Где короеды – корабли,
с медведками вступили в схватку,
твои стихи перевели –
на сухофрукты и закатку.

И полон косточек стакан,
и найден под гнездом омелы
косматый, как левиафан –
кочан капусты черно-белый.

Жизнь укорачивая, и –
своей любовью – продлевая:
ты – сад, в котором все – свои,
ты – хирургия полевая.

Где призрак женщины, врага
тебя преследует счастливо,
обнимешь – снится курага,
ее лобок из чернослива.

* * *

Зима наступала на пятки земли,
как тень от слепца в кинозале,
и вышла на лед, и тогда корабли –
до мачты насквозь промерзали.

И больше не будет ни Бога, ни зла
в твоём замороженном теле,
чтоб каждая мачта, желтея, росла —
соломинкой в страшном коктейле.

Чтоб жажды и мыслей последний купаж
хранить в саркофаге, как Припять,
и можно всех призраков, весь экипаж
из этой соломинки выпить.

БЕЛЯЕВ

Вспоминая Крым — я укрылся на дне холма,
и внутри меня приключилась одна работа:
покидая мускатный кокон — взошла долма
над внебрачным сыном кефали и звездочета.

Я клевал, пытаюсь уснуть, и сходил с ума —
как с крючка срывался, надеясь еще на что-то,
утоляя голод, сияла моя долма —
над внебрачным сыном кефали и звездочета.

Жил да был планшет — разделочная доска,
а когда пришел маяк из Кызыл-Аула,
через прорезь белую поисковика —
сквозняком зазубренным потянуло,

ядовитым медом из самых червивых сот
расползлась история, веря — отхожей яме,
этот Крым теперь назовут (через лет пятьсот)
пионерскими лагерями.

Я укрылся на дне холма, и почуял звук:
это время — ко мне прибило тоску почета,
Ихтиандр Беляев — был тот еще сукин внук
и внебрачный сын кефали и звездочета.

Денис Липатов

На самом деле здесь другое –
на самом деле жизнь прошла,
а нет ни воли, ни покоя –
такие тухлые дела.

Сидишь, как чёртик в табакерке
с пружинкой лопнувшей, увы,
и вот, хотя открылись дверки –
не выпорхнешь из темноты.

Опять весна на белом свете –
все репродукторы поют –
летит Гагарин на ракете,
Хрущёва замуж выдают,

а мы немного обалдело
кричим и «Горько!» и «Ура!»
тут политическое дело,
а в метафизике – дыра.

Наверно мы с тобой и правда
совсем не рубим ничего...
На карте есть кружочек Тавда –
поехали скорей в него.

Человек был, кажется, всем:
четвергом, водосточной трубой,
очень часто он был никем,
очень редко самим собой.

Человеку всего-то годов,
хотя в паспорте — сорок пять,
но он думает, что готов
всё с начала начать опять:

хочет снова побыть четвергом,
заболеть и побыть волной,
удивляясь всему кругом
по пути из больницы домой:

вот собака, вот снова апрель,
грязноватый под липами снег —
этих запахов чудный коктейль
обоняет опять человек.

Тяжелеет его голова,
говорит, что не жизнь, а — халва...

такой смешной вот старичок
с деменцией во лбу
сверчок, строчок, сморчок —
пора лежать в гробу.

а он чему-то лыбится,
спускается к пивной:
а вдруг чего обрыбится
от юности хмельной.

а юность беззаботная
глумлива и хмельна,
отзынь — велят — животное —
у нас в душе весна!

а ты тупой улыбкою
нам портишь всё меню
и счастье наше зыбкое
сгубил всё на корню.

Кто-то ходит наверху,
спать не хочет, колобродит,
варит за полночь уху,
или чёрта за нос водит.

То скребётся словно мышь,
то сучит мохнатой лапой,
то заплачет, как малыш,
вспоминая маму с папой.

Это всё фантом, мираж –
не живут над нами люди,
самый верхний наш этаж,
выше только неба студень.

Ничего не говори:
снова – слышишь – ходит, ходит,
повторяет раз-два-три,
в жмурки с чёртом хороводит.

В этот отпуск решил я остаться дома,
тем более – осень, везде холода,
и такая в душе накопилась истома,
что, ей-богу, не хочется никуда.

Буду словно Языков в пушистом халате,
развалясь на подушках, слагать стихи,
словно Дельвиг Антон, закурю в кровати,
словно И.А.Крылов – захочу ухи.

Кюхельбекером выйду на улицу кашлять,
возомнив о себе, стану строго судить:
никакие не след нам с правительством шашни
на коротком веку, на своём, заводить.

Разве, осень, и ты – прокричу – не подруга,
разве мы не найдём с тобой общий язык?
Золотая моя, окажи мне услугу –
в золотую орду свою выправь ярлык.

Нет ответа – ни *ой-ли*, ни *аюшки*,
не найдём, значит, общего языка,
вот и ходишь себе, как помешанный Батюшков,
непонятное что-то мычишь в облака.

Приметы вроде хороши,
а настоящее – не очень.
Пиши, а лучше – не пиши,
и будешь короток и точен.

Ты лучше никого не тронь,
угомонись, постой в сторонке:
сам по себе горит огонь,
и ветер кружится в воронке.

Сама собой и жизнь прошла,
как расторопная хозяйка –
с утра до вечера дела,
и ты ей лучше не мешай-ка.

Она сама всё приберёт,
одна управится прекрасно,
она всё знает наперёд,
да и с тобой всё ясно.

Только с тем, кто выходит на связь,
отбивая свой позывной,
можешь ты говорить, не боясь
безответно уйти в мезозой.

А иначе – все пальцы сотри,
бей морзянку, качай вай-фай –
не ответят тебе – не ори –
ну и ты им не отвечай.

Позабудь навсегда язык,
разучись узнавать алфавит:
словно Маугли – только рык,
да и то, если правда болит.

Что такого могли сообщить?
Удивить, рассказать, поведать?
Так капустой разит общепит –
зазывает тебя обедать.

Поеду я в Тольятти,
коль раньше не помру –
ни тёти там, ни тяти,
а я билет беру!

Зачем же я в Тольятти
на волжском берегу
спешу, как лань от татей
и на вокзал бегу?

Затем, что в той Тольятти
я не был отродясь –
в плацкарте на полати
поеду, взгромоздясь.

Встречай меня, Тольятти,
на волжском берегу!..
Ни тёти здесь, ни тяти,
ни здравствуй, ни гу-гу.

Екатерина Деришева

Безымянная

«Безымянная» на рабочем столе
Господа. Расширение – GIF. Дату – не помню.
За спиною – пара десятков лет,
а я, радуясь светлому дню, жду преиспо-дню...

Я забыла, кто я, и какие слова умолчать.
Наше время бежит молоком, не убавить конфорки.
Я закрою глаза, и представлю небесную гладь,
как хэбэшное сердце белеет от ревностной хлорки...

Закрываю глаза, и я – не раскрашенный лист.
Я – без сотен прожилок и без хлорофилла, –
можно запросто взять животворящую кисть,
чтоб раскрасить иначе, чем жизнь наделила.

Лестница

Человечество жаждет денег.
Человечество жаждет крови.
Человечество детство денет –
как билетик его уронит
на холодную землю быта
для сыреющего взавТРАТства.
Человечеством мирь разбита
и колючками бьёт акация
по лицу. Покалечено время – сломано,
костылями – перила лестницы,
замест гипса – здесь слово, но
не поможет, и перекрестишься,
и пойдёшь своею дорогою:
строить заново жизнь и не кланяться.
И подумаешь, чёрт, как здорово –
пусть всё катится, катится, катится...

В е р ю

Быть

накануне вечерней молит-вы,
слезами очерчивать пусто-ту
тут.

Верить, что за рассветом – рассвет,
а после рассвета ты – труп.

Ждать, что дождь из пшеничных круп
пройдет и день будет светл..

Ведь после десятка проклятых зим,
холод души – зрим.

День, как срубленное дерево, точит свой сок.

В. Хлебников

Мы стали чужими –
заявкой в литературу.

Чем уже мир
чувств, тем громче орут
мне: дура!

Глупые,
думают, научусь:

розы и жемчуг
пускать
из уст.

Пусть,

(как по мне)
боль
полнее
существующих
ноне
(на дне)
искусств

воспринятых
мною
вперемешку с
горечью
обороненной
обронённой
в речи...

И кричи, не кричи
чужие, чуждые,
но спрятал
страус
страсть
и чувств выю
в песок...

Вновь день, как берёза точит свой сок,
за песком следят часовые...

Искушение

В такую ночь
недосказанность
превращается
в белый лист;
друзья становятся
незнакомцами,
а чувства
червоточатся точками...

Но...
моё искушение
совсем не похоже
на яблоко,
ведь я – не Ева,
я не была рождена
из ребра Адама,
и даже дорогу перехожу
на зелёный,
а не на красное солнце.

Леонид Немцев

Конец игры

*Mein lieber Bruder, wann bauen wir uns ein Floss
und fahren den Himmel hinunter?*

Ingeborg Bakhmann «Das Spiel ist aus»

Возлюбленный брат, нам бы строить ковчег
И взмыть, небосвод изучая.
Возлюбленный брат, обречен наш побег:
Лишь только веслом обопремся о брег,
Как тонем не дальше причала.

Но ходим по дну, в небесах утонув
И смотрим сквозь высшую линзу
На то, как шлифует ее стеклодув
Лазоревым шелком, как верх изогнув,
Она растворяется снизу.

Нам нужно родиться и после узнать,
Как времени мало, но Феникс
Призналась, что вместо него благодать,
А старая выдумка любит витать,
По смертному миру развеясь.

Не надо о горе, застыла игра,
Где время – одно из условий.
Давно от неё отвернуться пора,
Но мучит мечта, что победа скоро
И короб наград бесподобен.

* * *

Как в клейстер вляпавшийся лапой,
Потом помазавший лицо,
Был век минувший ненадежен
На вид и говорил сквозь вату,
И бесноватым колесом
Ходил по маскарадным рожам.

Так сквозь потрепанный картон
В его раскрошенные щели

Сквозь мертвый лак пунцовых щек
То глаз мигает, то на тон
Слабее слышен смех, то еле
Кривится рот, и правды клок

Валяется средь общей пляски,
Мешаясь с дрожью конфетти.
Всё знак, всё символы свободы!
Она, как персонаж из сказки,
Мечтается, грозит прийти,
Намеком потрясая своды.

Уже для масок пробил час,
Они совсем в труху истлели
И в ностальгическом дыму
Похожи на остатки яств.
А лики, что пройти хотели
Сквозь отравляющую мглу,

Как после газовой атаки
Ещё бледны, ещё в тисках
Тоски смертельной, но на них
Ничто не выдаёт те знаки,
Что мельком отводили страх
Для героических шутих.

И всё внимание было жадно
К потокам воздуха, – как перл,
Губами скважину дверную
Обкатывая, – всем тирадам,
Гудящим глухо из каверн,
Поёт свобода отходную.

Щелокову

Скучает друг как будто вон из дома
И песню затянул о безвозвратной
Нетрезвой юности что так теперь знакома
Как будто просияла в окна дома
Но двери нет нигде шагнуть обратно

А помнишь мы припав к прохладным ставням
Всю нашу зрелость высмотреть старались
Друг друга забывая и отравлен
Восторг наш не был тем что мы не станем
Плодами ветви той где зрела завязь?

Наверно и слезы сейчас не стыдно
И наш язык в той песне воскресаёт
И мало унесла годов стремнина
Но также смутно эту зрелость видно
Как сквозь стекла туманного гризайль

Ирисы

Их небрежность дымится и над
Осторожной стрелой но раскрыта
Как туники бегущих менад
Застывающие лазуритом

Этот шёлк непрозрачен для тех
Кто подходит к штриховке ограды
Но неслышно сквозит в темноте
Как ожившие тайно менады

Был покров этот сброшен для нас
На рассвете в момент их рожденья
Он теперь оседающий газ
Им почти обездвижено время

Любованию так невдомёк
Где преследовать высшую негу
Миг – и нет их – лишь легкий намёк
Всю неделю наполнен побегом

Нестройные прыжки

Лиса. Её потравлен локоть
Она в увертливости строгость
Хранит но хочет всё собой
Переласкать и перетрогать
Но не касаньем только коготь
Щекочет мира тонкий слой

ПОЭЗИЯ

Хотелось быть ей тайным знаком
Что расцветёт нарядным знаком
У мудрой книги на полях
Но злак размолот и дрожжами
Разворошен и пухнет смыслом
Неловко зверем быть когтистым
Надежды новый путь стяжали
Как только преломили прах

Лиса забудь что ты из дыма
Из огненного ликования
И от луны твоё огниво
Метнулось прямо в телескоп
И окруженная словами
Ты можешь в них прожечь глазок
Не для себя Ведь твой галоп
Вдоль неба кто-то видеть мог

* * *

Прозрачную и солнечную саблю
Хочу я получить в своих трудах
И легкость при которой с ней управлюсь
И лезвие сшивающее страх
Рисунками где вместо краски – прах

Там солнечные очерки столпились
Желанья не устали на ногах
И если свет придёт ко мне на привязь
Он к ним дотянется предупреждая крах
Он будет словно отблеск на дарах

Потянет нас как поводок курцхаара
К ослабленным и заспанным богам
К живущим милостью войти готовым даром
В холодный вымерший и оголенный храм
Они нам в память шепчут свой «сезам»
Чтобы ей стать питательным отваром

Не знаю до какого детства мир
Способен обновиться и игрою
Заняться с камнем и насколько сыр
Окажется свод неба над землею:
Любовь уже не заменить другою

Александра Шиляева

Трава

Не ходи по траве.
Там трупики маленьких птиц,
Мышей, отощавших котят.
По тротуару ходи.
Отбивай ноги.
Две свои крепкие ноги.
Под коленкой связку связок
Надорви.
Всё равно
Не ходи по траве.
Терпи, девочка,
Маленькая, терпи.
Не ходи,
Не смотри на неё.
Разглядывай асфальт,
Осеннее небо, дома...
В траве не кузнечик сидел,
А чума.
Зелёная, мерзкая...
Фу.
Ну и, конечно,
Не трогай траву.

Рубцов

Я – демон. Я – восторг.
Я – хмурый пацифист.
Странно легко мне.
Странно тепло мне –
Жу-у-у-утко!
Таю печаль в дырявой сумке –
Гру-у-у-устно!
Моя дорогая жена,
Что ты хотела?

Где ты теперь?
Слишком много чего-то, но
Пу-у-у-усто!
Я вышел и упал,
В крапиву улетел
И долго там сидел.,
На яркий карнавал
Оттуда поглядел.
Я думал о тебе,
Что ангела люблю.
Я-демон. Я-сверло.
Что было, что назло
Губами просверлю!
Меня люби! Ты где?
Сток сена подожгу!
МЕНЯ МЕНЯ МЕНЯ –
ТЕБЕ ТЕБЕ твержу!
Ни дома, ни зимы.
Жестокие умы
Прервали мою песнь,
А я упал и сдох,
Не в силах ничего
Здесь больше предпринять.
Я – демон. Я – Рубцов.
Я выше облаков,
Но холодно в земле.
А ты легла в кровать,
Завыла обо мне,
Как волк на серебре,
Как ветер в голове.
Любимая моя!
Когда ты сможешь спать,
Я покажу тебе,
Как надо убивать.

Имя

На мягком серебре имя твоё ращу,
Я поливаю его тёплой водой
Верю в него,
Люблю.
Гладкое, словно лёд,
Имя твоё растёт,
Северным журавлём опылённое,
Воспетое херувимами,
Собранное в тюрьме грустными зэкАМИ.
О, Mon Ami!
Мало моей земли
Царствию твоему...
Аллилу-у-у-й –
Я всё из себя достану, в корни тебе сложу,
Каждый отдельный звук
Небу воздам без рук,
Чтобы никто не знал имени твоего!
Ом намасте намо
Имя твоё – клеймо!
Благослови, Аллах
Выжжено на губах!
Харе Рама
Харе Кришна
Снегом посыпали вишни
Имя-имечко твоё,
Имя-имечко моё.

О страдании

Волнами внутри
Боже упаси
Мне писать стихи
О страдании-и

В улице тоска
Бьётся, мельтешит
Крепкий мой рюкзак
Проволокой сшит

Боже упаси
Крепкие стихи
О страдани-и
О страдани-и

Верят города
Пролитым слезам
Двери распахнув
В Ярославский храм

Глушит вертолёт
Поезда гудки
О страдани-и
О страдани-и

Встану помолюсь
Расписанию
И предам себя
Ожиданию

Боже упаси
Вот мои стихи
О страдани-и
О страдани-и

Капелька грязи (письмо другу)

Ты знаешь, я рано вчера возвратился домой
И, стоя на лестничной клетке, вдруг осознал всю рутину.
Я – капелька грязи, наполненная тоской,
Яблоко, в котором червь выел сердцевину,

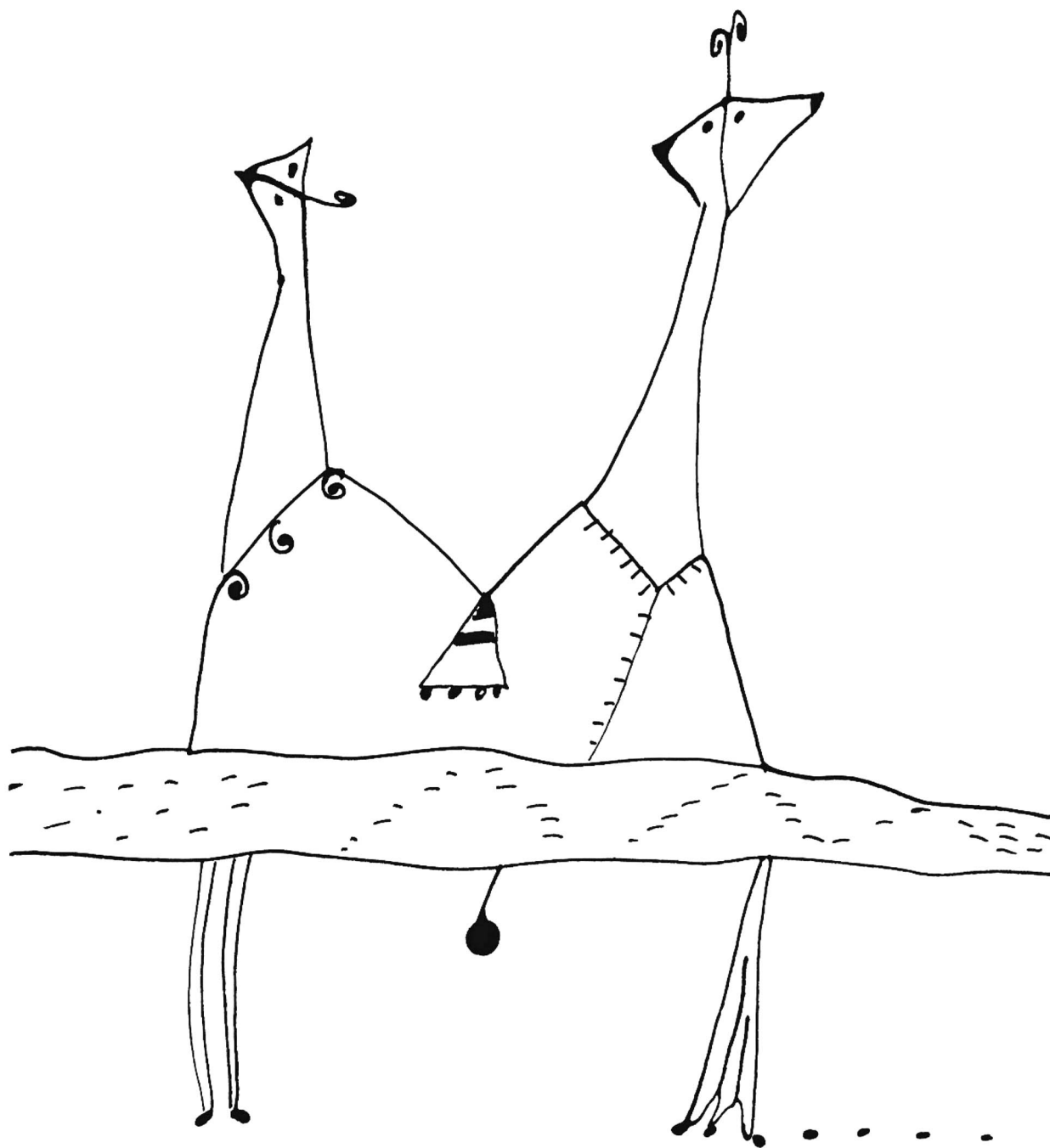
Маленький пидарас, выращенный в коммунальной теплице,
Старая женщина с новой сумкой в старом автобусе,
Веточка тополя, запутавшаяся в велосипедных спицах,
Посёлок в Удмуртии, не отмеченный ни на одном глобусе.

Я – грязь. Я – пыль. Господи, зачем я родился?
Ублюдок. Мудак. Господи, что тебе от меня нужно?
Извини, дружок, от темы слегка отдалился.
Продолжим. Я – нелепая звёздочка, вписанная в окружность.

Я пишу об этом, чтобы ты понимал немного
Что со мной сейчас, что и раньше такое было,
Что уже не спасает медведя его тревога,
Что уже состарилась сногшибательная кобыла.

Мне ужасно грустно смотреть на это.
В разноцветных линзах я чётко вижу,
Как уходит в гору моя карета,
Как растёт живот, и растёт в нём грыжа.

Приезжай, дружок, посидим нормально.
Я достану шнапс и сварю сардельки.
Поддержи меня интеллектуально –
С одного бюстгальтера мы бретельки.

ЯВЛЕНИЯ

Позднее пробуждение

Просыпаясь на час или два позже обычного, в самый миг пробуждения испытываешь лёгкую растерянность, буквально – смутное ощущение недостатка, потери – и это несмотря на то, что баланс сновидений и яви несколько не изменился.

Обстоятельства

Часто возникает стойкое ощущение, что я здесь – по делу, как бы в командировке. Напоминает ни к чему не обязывающее путешествие: туда, где – ни друзей, ни знакомых, и груз общих воспоминаний (предвосхищений, ожиданий) не давит, и дело движется словно само по себе, почти без моего участия.

Высокая температура

Что бы я делал без этих портретов и пейзажей, более ярких, чем сама явь, без этих сумрачных, напоминающих старые рождественские открытки, ландшафтов, бесконечно разматывающихся диалогов, принадлежащих персонажам, чьи лица мгновенно стираются в памяти, стоит кому-то войти в комнату – с чашкой горячего бульона, таблетками или микстурой. Тебе плохо? Мне хорошо, хорошо... Но у тебя жар! У меня превосходный, наистерильнейший жар. Голова ясная, ничего не болит, покачивает немного, что-то ощутимо меняется вокруг, будто выходишь из темноты на свет, и всякий раз удивляешься: вот – стул, спинка – гладкая, полированная, коричневая, гладкая, из дерева, деревянная, лесорубы, щепки летят, занозы, а всё же – гладкая, такой себе стул, на нём – сидят, бабушка на нём сидит, вот бабушка на стуле сидит, сидит и сидит... Бабушка твоя умерла Н-адцать лет назад. Верно... и вот – это её запах, запах её духов, корицы и лаванды...

Так я проживаю множество упоительных жизней длиной в минуту, час или день, и ни одна из них не является моей собственной, зато все вместе они принадлежат мне одному – как принадлежат предметы, найденные во время прогулок по тель-авивскому пляжу, вынесенные морем на сушу: фигурные камешки, вышедшие из обращения монетки, отполированные кусочки дерева и старинные пустые бутылки.

Раб кресла

Все стулья в моей комнате поставлены "лицом к стене", как если бы мне приходилось, подобно Бодхидхарме, проводить время, изучая сплетение

микроскопических трещин штукатурки. На самом деле я никогда не сижу на стульях, все они предназначены для гостей. Мне поставлено тяжёлое "хозяйское" кресло, подаренное каким-то доброхотом, чьё присутствие в моей жизни ограничилось единственно этим подарком, ни лица ни имени теперь уже не упомнить. Большую часть времени я провожу в этом кресле, забравшись на сиденье с ногами, меняя позу всякий раз когда меняется течение мысли. Возможно, всё происходит ровно наоборот: поза влияет на состояние сознания таким, например, образом, что письма я пишу, сложив ступни лодочкой, а стихи сочиняю исключительно в полу-лотосе. Вот и теперь я сижу в этом кресле, думая о том, что порабощён окончательно и бесповоротно. Я – раб кресла: точно так же, как во времена "Тысячи и одной ночи" добрым людям случалось повстречать раба лампы или джинна, приставленного охранять состояния, нажитые несправедным путём.

Мандариновые дольки

Автор мандарина был, по-видимому, настоящим джентльменом. Стоит представить себе этот фиктивный фрукт гладким, замкнутым на себе самом, не испытывающим ни малейшей потребности быть разъятым, – становится ясно почему мы должны испытывать благодарность всякий раз, когда дольки поддаются нажатию пальцев, разъезжаются в стороны, отмеряя необходимое количество мякоти: ровно столько требуется для укуса.

Счастье

Вышел на улицу Бен-Иегуда. Навстречу – бабушка с цветами. Розовые, и жёлтые, и синие: фейерверк в охапке.

Возьмите цветок, – говорит, – бесплатно и от чистого сердца.

Я взял один – синий.

Хороший будет день: безоблачный и счастливый, – сказала она (как в воду глядела).

Откуда вам знать?

Каков цветок, таков и день.

А если бы я не этот взял, а – тот, жёлтый?

А вы возьмите, и – посмотрим.

Я было протянул руку, но – передумал: куда мне одному столько безоблачного счастья?

Достопримечательность

Всегда завидовал жизнерадостным туристам, для которых слово *достопримечательность* звучит осмысленно. Для меня слово *достопримечательность* звучит неосмысленно. Ясно, что *достопримечательность* обладает раздутым, непотребным чувством собственного достоинства: камень, на котором стоял Пётр Великий – больше, чем камень. Но если разо-

браться, примечательно в нём лишь то, что его полагают впитавшим в себя некие свойства Петра (о котором тоже толком ничего не известно, помимо документально-исторического факта, что стоял он здесь, а не где-нибудь поодаль).

Единственная достопримечательность, на которую я согласен – я сам и мне подобные. Примечательно, что люди подобны друг другу. Примечательно, что я всё ещё есть (и для кого-то есть в большей степени, чем для всех прочих).

Окружающие меня поражают. Я искренне восхищён. Туристы смотрят на камни, я же во все глаза смотрю на туристов.

И не могу наглядеться.

Визитёры

Приходящие и уходящие, люди оставляют в моих комнатах части тела, детали внутренних органов, блуждающие образцы жидкостей и газов. Не правда ли, дорогая, это прелестное облачко было прежде неотъемлимой частью вашего организма? Сэр, вы уронили заусенец. Не волнуйтесь, теперь он в надёжных руках...

Музыка Перголези

больна туберкулёзом, люди с таким диагнозом умирают. У нас, имеющих уши, имеется также странная потребность быть немножко увечными, в гомеопатических дозах – для профилактики. Смерть мы с детства принимаем по капле, чтобы придя потом в своей силе и великолепии, она не застала нас врасплох. Исповедовавшись, отказавшись от себя, мы чувствуем несказанное облегчение. Это как та плачущая икона, чьи слёзы богомольные старушки запекают в тесто и дают внучкам – для избавления от скорбей и хворобы. Можно ли чужое горе исчерпать и избыть за счёт своего собственного? Для спасения утопающих нужно ли утонуть самому? Перголези это делает. Мы умрём, – говорит эта музыка. Будьте счастливы.

Меркантильные соображения

В книгах японской поэзии принято располагать по три хокку на странице, по шесть на разворот. Издатель экономит на бумаге, но теряет весь тираж, забывая о том, что современник привык читать, мысленно забегаая вперёд. Мы читаем так же точно, как едят невоспитанные или очень голодные люди: не успев распробовать первое, откусываем от второго и тут же тянемся за третьим.

Летучая мышь

похожа на тряпицу, которой кто-то размахивает в темноте.

Усталость

– вотум недоверия окружающему пространству. Устают от напряжения, а напрягаются в результате сопротивления. Вазиль Омат говорит: «Уставший проклят, ибо перечит воле Всевышнего».

В состоянии сильной усталости устами усталого глаголет его двойник-мефистофель. Ощущение – будто повернулся к себе самому спиной, как Сикейрос, и застыл от неожиданности.

От увиденного.

Ненависть к работе

рано или поздно становится чем-то, выходящим за рамки простой суммы слагаемых: тебя уже не раздражает этот запах, не мешают эти люди, ты перестал замечать облупленные стены, увешанные аляповатыми плакатами, мерцание экранов не заставляет тебя щуриться и напрягать зрение. Всё зашло гораздо дальше: собираясь на работу по утрам, ты стараешься не заглядывать в зеркало.

Воскресенья

О воскресеньях говорят: голос долог, да пуп – короток. Краткий пуп воскресенья означает непригодность к соитию с любым днём недели, помимо другого воскресенья. Если бы все воскресенья выстроились в ряд, отсюда и – до линии горизонта, мы увидали бы, что каждое из них угрызает хвост впереди идущего: так они сигналият тем, кто по ту сторону горизонта – о любви и спасении.

Побег

Иногда я уступаю естественной человеческой слабости и думаю о побеге. Это сугубо приватное, тихое, «внутреннее» мероприятие представляется в духе старого советского кинематографа, что-то из обширного репертуара фильмов «про войну», где люди в серых гимнастёрках без погон или в арестантских робах готовят подкоп, виснут на колючей проволоке, встречают смерть на руках у верных товарищей, или – «Сталкер» Тарковского: мост, охранники в жёлтой форме, рельсы, опять же – колючая проволока, выстрелы в спину...

Глупость

Чихая, лицо складывается в кукиш (режиссёр это вырежет: глупым можно быть, но не казаться), я выгляжу глупо когда не знаю как выгляжу, когда мне нет дела до этого. Ясно, что окружающие не готовы смириться с подобным положением: однажды тех, кто выглядит глупо, подвергнут виви-

секции, и города наполнятся людьми с одинаково просветлёнными – помноженными на самое себя – лицами.

Внезапная перемена погоды

В такие дни невольно отдаёшь себе отчёт в том, что все мы – заложники сил, о которых имеем самое смутное представление. Что произойдёт, если давление упадёт ещё на несколько делений ртутного столба? Быть может, среднестатистический житель Страны Обетованной уподобится сухопутной камбале? Или станет похож на ленточного червя? Совершенно ясно, что мы не сумеем сохранить за собой право прямохождения: природа капризна, ей ничего не стоит разжаловать нас в рядовые.

Утренняя пружина,

способная поднять (и поставить гордо, вертикально!) тяжёлую вчерашнюю голову – вот это Моцарт!

И вот уже стучат в дверь и потолок: не пляшите, ради всего святого, у нас крыша едет! Они думают, что мы пляшем хором. Всей ротой.

Но пляшу я – один-одинёшенек: я и Фигаро (брадобрей). И Бернардини (гобой). Един в трёх лицах – отплясываю. Моя увертюра, моя Маленькая Душевная Услада – подобно спирали торнадо – раскручивается и одновременно сворачивает набок все крыши в радиусе пятисот километров.

Израиль становится зоной стихийного бедствия: эпицентр – кабинет скромного служащего, специалиста по архетипам, второй этаж, компания «Stern», г. Явне. Высылайте бомбардировщики! Изучайте основы степа и твиста! Готовьте гуманитарную помощь!

А не то закроются ваши банки, поезда сойдут с рельсов, жёны предадутся бесплатной любви и вирусы наводнят ваши хард-диски.

И тогда вы пожалеете, что не хотели плясать со мною, но к тому времени – увы – будет поздно!

Исчезновение

Порой для того, чтобы сохранить ясность мышления, приходится прикладывать столько усилий, что этот нехитрый – казалось бы – маневр отнимает большую часть имеющегося в наличии времени: чем же ты был занят весь день? думал. о чём? зачем? просто думал. жил.

и это всё?

всё.

Страх осуществления

Рано или поздно приходит момент растерянности, смутного, почти беспредметного беспокойства, когда все разновидности, все типы сомнения внезапно обретают лица, и ты стоишь как вкопанный, не в силах двинуться

ни вперёд, ни назад, парализованный, почти убитый жалким, непонятно откуда взявшимся, даже – кем именно заданным – вопросом: а будет ли будущее?

Но – мгновение пролетает, сердце ударяет в свой бубен, и ты облегчённо переводишь дыхание, понимая, что сомнение было напрасным: будущее наступило.

В парке

Подошла маленькая востроносая девочка с бутылкой минеральной воды и с самым серьёзным видом сообщила о том, что вода – мокрая. «Откуда ты знаешь?» – переспросил я. Она заглянула в бутылку одним глазом, будто решила проверить – не изменилось ли что за прошедшее время, утвердительно кивнула и протянула ее мне со словами: «Посмотри, сам увидишь!» Я посмотрел.

Мокрая.

Ускорение

В период существенных бытийных изменений, когда жизнь внезапно поворачивается к тебе "другим боком", ощущаешь как ускорение придаёт всякому событию характер чуть ли не эротический: пространство распаивается настежь, и ты проницаешь его, оставляя за спиной чёткий инверсионный след.

Небеса

Вышел на двор. Глянул вверх, и обмер: летучие мыши текут в чёрном небе – как лебеди, как белые. А внизу, прямо под ними люди идут, прямо под ними, огибая меня, будто я – остров.

В полнолуние

лица женщин приобретают дополнительный контур – будто заслонку печную приоткрыли. То отблеск прометеевой искры: одна из дочерей адамовых спросила у прометея огонька, прикурила и пошла: так люди стали огнебоги, а недотыкомку приковали.

За грехи наши.

А что – не прикуривай кому попало. Не таксист.

Тело

знает больше, чем принято полагать.

Мы же начинаем догадываться об этом только тогда, когда оно властно и настойчиво заявляет о грядущем распаде.

Музыкальная зависимость

временами становится болезненной: возникает нечто вроде ментальной преграды, вуали, которая на слух воспринимается как аудио-помеха. Со

временем я стал узнавать о приближении кризиса заранее и – обычно – раз в неделю позволяю себе забыть о музыке. Однажды я сделал перерыв в две недели, и под конец этого срока стал слышать призраки музыкальных произведений.

Желания

Мы хотим касаться друг друга – знать друг о друге больше, чем принято. В этом желании нет ничего эротического, вернее, эротическое здесь подчиняется более общей жажде прямого телесного знания. Нечто такое, что принадлежало нам от рождения и было постепенно вытеснено миром "цивилизованного" взросления, миром принудительной гигиены и запрета на непосредственное восприятие.

Возвращаясь к телесному знанию, мы возвращаемся в детство с его избытком энергии, острейшим переживанием настоящего, внезапной лёгкостью и прозрачностью бытия.

Рассеянность

– способ отказать миру: я не знаю и не хочу знать ничего о том что происходит в данный момент. Я не знаю где нахожусь, не знаю даже я ли это. Пытаясь заслониться от мира (беспокоящего, провоцирующего моё восприятие), проваливаюсь глубже и глубже: грёзы мало-помалу заслоняют мир, заставляя его пятиться. Я больше не осознаю происходящего, и лишь окружающие, которые принимают мой отказ как предательство общих интересов, способны указать на степень моего отсутствия, пытаюсь вернуть меня к состоянию, когда вновь станут возможны конвенции.

Деньги

обладают недюжинными миметическими способностями: так убедительно притворяются нами, что никто не может быть уверен в себе самом (не говоря об остальных-прочих). Напоминает классический фильм ужасов, где персонажи тщетно пытаются понять кто из них чудище, гибнут один за другим, и когда, наконец, кажется, что всё позади, последний оставшийся в живых – на глазах у изумленного, ошарашенного зрителя – отращивает длинный чешуйчатый хвост и ныряет в ближайшую прорубь.

Клавикиорд

похож на человека, который имеет неприятную манеру, обращаясь к вам, говорить немного в сторону. Вдобавок, у него, кажется, хронический насморк. Он гнусавит. Тембр его голоса напоминает звук игрушечной шарманки с вечной «калинко-малинкой» внутри – родом из босоногого детства. Ни один ценитель прекрасного, находясь в здравом рассудке, не пред-

почтёт концертному роялю эту «кастрюльку», эту «пукалку», этот щёлкающий и лающий ящичек.

Хорошо, что мы можем позволить себе жизнь без «прекрасного», «возвышенного» и «духовного», а «здравый рассудок» что ни утро, ничтоже сумняшеся, посылаем по матери. Какое счастье: нам не нужно «ценить» музыку, вместо этого мы намазываем её на хлеб, хлещем её вместо водки и ею же забиваем в стену дюймовые железные гвозди.

Смысл

– тщетная попытка обустроить окружающее пространство по своему образу и подобию. Насильственное осмысление явлений (бессмысленных по своей природе) напоминает навязчивую деятельность рекламных инстанций – с их слоганами, брэндами, виртуальными косметическими средствами и белозубыми фотомоделями.

Агрессия

– стремление заполнить пустые места. Рождение в мир – агрессия, и смерть – агрессия окружающего пространства (наполненного) – по отношению к человеку (опустошенному).

Кассирши

В супермаркетах, аэропортах, на вокзалах и автобусных станциях: в кассе, за прилавком, у стойки – везде натыкаешься на этот взгляд – полуприкрытые сонные глаза, нервный, идиотический, параноидальный блеск зрачков, признаки крайней усталости – привычной, многолетней, непоправимой. Вместо денег за товар или билет я бы вручал – каждой! – справку о досрочном освобождении.

Незадача

Идущий навстречу мужчина останавливается как вкопанный, лицо его озаряется: ба! – жестикулирует, подмигивает, строит уморительные гримасы. Улыбаюсь в ответ, киваю, замедляя шаг, тщетно пытаюсь припомнить черты, повадку, мысленно сканируя список знакомых, полужнакомых, едва знакомых... ничего. Никого. Тут незнакомец замирает на месте, взгляд его расслабляется. Глядя поверх моей головы, он протискивается мимо и быстрым шагом удаляется прочь, оставив меня с разинутым ртом и ладонью, протянутой в пустоту. Неизвестный доброжелатель, сидящий на лавочке, сочувственно пожимает плечами.

Ожидание

Из всех обитателей внутреннего Бестиария наименьшие симпатии вызывает Состояние Перманентного Ожидания, когда ты вынужден подчиниться законам чужого распорядка, и ждешь чужого решения, зная о том, что ре-

зультат зависит от суммы слагаемых, тебе неизвестных. Где-то, у какого-то данте, кажется, был описан круг ада, который представляет собой классическую приемную, оборудованную фонтанчиком для питья и уголком секретарши, на столике – старые журналы, посвященные автомобильному спорту, и биржевые сводки пятилетней давности, звучит твое имя, ты проходишь в кабинет, который оказывается точной копией приемной, которую только что покинул: налицо частный случай т.н. «дурной бесконечности» – ситуация повторяется снова и снова... Из всех известных мне испытаний это – самое тяжкое, поскольку требует непрерывного напоминания о том, кто ты на самом деле и почему здесь находишься.

Привычка недосыпать

чудесным образом сказывается на организме: в определённый момент, о наступлении которого не сообщат загодя ни здравый инстинкт, ни дежурный ангел, тело перестаёт верить в то, что оно не спит, предсказуемый ход событий рассыпается на отдельные, плохо связанные между собою фрагменты, превосходно выстроенная логическая цепочка на поверку оказывается отростком внезапно сгустившейся грёзы, и вся картина действительности сжимается до размера подлого бытового кошмара, а то вдруг – беспричинная эйфория, переизбыток сил (за ним – изнеможение); волею-неволей приходится учиться со всей возможной вежливостью, доброжелательно, но и твёрдо отстраняться от самого себя, чтобы не дать себе раствориться в одном из центробежных потоков, – этот навык также входит в привычку.

Человеческая психика

- настолько сложный и хрупкий аппарат, что просто диву даешься – как вообще удастся в быту понимать друг друга и сосуществовать ежедневно и ежечасно. И настолько мы далеки друг от друга, что само по себе редчайшее чудо полного понимания, со-знания почти никогда не переживается именно как чудо. Божественная ирония проглядывает в ежедневном приятии незамысловатой истины, утверждающей, что наиболее близки мы там, где менее всего являемся нами.

Праздность

Проезжая мимо отеля "Дан-Панорама", поймал себя на мысли, что не прочь на денёк-другой одолжить жизнь какого-нибудь туриста, неспешно прогуливающегося по набережной или попивающего кофе в холле, типичного небокопителя, не обременённого профессиональными и семейными обстоятельствами.

Ничтожность событийного ряда.

Стремительно убывающая (подобно пароходному дыму) струйка времени.

Перевоплощение

Элементарные, низменные (и естественные) желания, которые мы привыкли приписывать тварной природе при ближайшем рассмотрении оказываются протянутыми "из глубины" – вовне ветвями той самой силы, что заставляет дерево подниматься из земли, расти и опускаться в землю.

В удачный день, когда восприятие не успевает обычным образом притупиться, можно увидеть как человек мыслит, что при этом происходит, как, каким образом мысль настигает его, становится тем, что выталкивает на поверхность слова и приводит к действию. Напоминает морскую волну, которая прежде накатывается исподволь, незаметно, затем – ударяет, и в конце концов приходит снова, но в другом виде – так актер умудряется во мгновение ока переодеться за кулисами.

Отрицание

- форма вопрошания. Вычитая, мы освобождаем место, расширяем пространство. Мгновение, когда мир окончательно соскальзывает в неопределённость, можно считать поворотным: здесь вопрос достигает своего предела, превращаясь в чистое изумление, лишённое предмета и опоры – состояние, когда человек открыт миру настолько, что способен вместить его целиком.

Звукоизвлечение

Молоток и струна, палочка и перепонка, зуб и кастет, астероид и гибнущая планета – разнообразие способов звукоизвлечения исчерпывается списком столкновений.

Забвение

Ненужное и несказуемое, бесполезное и постороннее, нерасшифрованное и бессмысленное: не вещи таковы, а свойства мерцающей, неисправной памяти. Не успел осознать – забыл. Запирая – наглухо, навсегда – забыл о том КАК забывал, и даже о том, КТО забыл.

Забвение – когда не только не осталось ничего, но и само "ничто" отсутствует: беспмятство, не отложившееся в памяти.

Причины и следствия

«Стоило сказать Уолкеру, что пойдёт дождь, и у него уже глаза на мокром месте», – стоило мне прочесть в книге эту фразу, и пошел дождь. Такого рода мелкие совпадения мгновенно вылетают из головы, за ними не уследишь – настоящий карнавал событий. У Набокова есть рассказ: молодой человек время от времени читает предназначенные для него одного сообщения, которые неведомый корреспондент оставляет прямо на поверхности неба (в этом сочетании слов есть что-то зловещее, не правда

ли?), используя облака в качестве пищевого материала, – вот крайний случай рационального отношения к действительности.

Надежда

После урока тайцзи-цюань зашёл в гастроном. Продавец, седенький хиппи, простоволосый как моисей, смотрел-посматривал на мою суму оружейную, и вдруг спросил: что у тебя? гитара?

Не гитара, но охапка предметов. Железо, и дерево, и бамбук.

Что же предметы твои?

Вот меч-цзянь – обоюдоострый, узкий и длинный как меч-рыба. Вот сабля-дао – широкая и тяжёлая, можно смотреться в неё как в зеркало и ею же бриться. Вот буковая палица: крестьянская баба с коромыслом. Вот раскрашенный веер: то опахало, то ножницы – изменчивый и прельстительный.

Зачем же ты принёс мне: веер, и палицу, и саблю, и меч? Зачем это – здесь – в гастрономе? – спросил продавец.

А ну как разбойники?

Разбойники? – с большим сомнением переспросил он.

Пираты в косынках? Кровавые флибустьеры? Те, что не оставляют свидетелей? Сарынь на кичку!

Пираты? – вновь усомнился продавец.

Вижу, ты не по этой части. А драконы?

Драконы! – оживился он. – это – совсем другое дело!

Чешуйчатые твари, огнеязыкие, вздымающиеся из морских недр. Дракон способен вскипятить море – одним яростным взглядом. А что ты со своим кассовым аппаратом?

Драконы, – мечтательно повторил продавец, пробивая мне выходные талоны. – то, что нужно!

Ты вернул мне надежду, – сказал продавец.

Какую надежду? На что? – я не понял, но смолчал, подумав: всё так и есть, ему улыбнулось сегодня, и я был при этом.

Любовь

То, что мы называем любовью – по большей части нехватка любви, желание любви, ностальгия по любви.

Говоря "я люблю тебя", имеют в виду: "я любил тебя и помню об этом".

Просьба "скажи, что любишь меня" означает заклинание, всегда обращённое в прошлое, попытка вызвать дух мёртвого, и – одновременно – убийство.

Самая впечатляющая история о любви – это история Асанги, пожелавшего облегчить участь больной собаки, которой досаждали черви, но лишь таким образом, чтобы ни в коей мере не повредить её невольным мучителям.

"Он пошел в деревню и купил нож. Этим ножом он отрезал мясо со своего бедра, думая убрать червей с собаки и поместить их на свою плоть. Затем он сообразил, что если станет орудовать пальцами, черви умрут, потому что они очень хрупкие. Поэтому он решил убирать их языком." Правдоподобия этой истории кроме всего прочего добавляет умение рассказчика использовать малозначительные, казалось бы, детали (вот, мол, не оказалось под рукой ножа)...

Мои любимые персонажи у Андерсена

– Бутылочное Горлышко, Штопальная Игла и прочие предметы, поверившие в то, что разделяют проклятье человека – способность к неконтролируемой лавинообразной рефлексии. Эти безумные живые/неживые вещицы извергают фонтан речи, способный в два счета свалить с ног, они говорят безостановочно, их чудовищный, невероятно агрессивный «поток сознания» выматывает уже на первой странице (поэтому, верно, эти сказки такие короткие). Крайние состояния психики сменяют друг друга со скоростью проплывающих над головой облаков в ветреную погоду. Обмылок сюжета интереса не представляет, зато важно проследить эволюцию голоса каждого персонажа, фактически – историю этого голоса в партитуре. Почему-то Андерсен ассоциируется у меня с музыкой молодого Шёнберга – последнего романтика (впрочем, как и Шёнберг, Ганс Христиан представляется мне человеком, который взаправду молодым не был никогда).

Потребность в языке

возникает в тот момент, когда мы верим, что – не одни.

ЭВОЛЮЦИЯ

Ветрено, и температура соответствует цифре сезона. Окна нараспашку. Зимой намечает сугробы, зато что ни лето – ползучие растения обновляют путь: пробираются наощупь, поднимаются по стене, оплетают кресло, в этой живописи провожу дни – по-царски. Запах их способен свести с ума входящую в комнату женщину, и сводит.

Воздух теряет свежесть после первого глотка, поэтому дышать нужно, глотая понемногу тут и там, расстояние между воздушными потоками приходится соблюдать как правила дорожного движения. Куда проще впустить ветер в комнату и жить с ветром.

У соседей звенят ложки. Глава семейства извлекает праздничный звук, тронув бокал лезвием ножа. Требуя тишины.

Но какая, к ерепям, тишина?

Летучая мышь, попискивая, несёт в когтях мышь не летучую.

Близко, и в некотором отдалении, и далеко, и очень далеко вертятся колёса машин. Летят самолёты. Люди поют и любят. Стреляют. Едут. Из моего окна на слух можно распознать карту города: экономическую, политическую и геологическую, включая залежи полезных ископаемых.

Всё звучит. Жизнь – побрякивает в теле – звучит. Происходит.

Тель-Авив уходит под воду. Апокалиптическое: резиновые сапоги, лодка на моторном ходу. Издали видел двух малайцев, переходящих улицу вплавь.

Ангелы, управляющие погодой, пишут коллективный пасквиль в Верховную Раду – как бурлаки Нептуну.

Гремят колёса, хлопает парус небес.

За окном чокнутая луна – как у Гоголя.

Летят самолёты и птицы, за стеной людей казнят по телевизору. В комнатах зажигаются лампы Павлова.

У человека в результате производственных отношений во лбу вырастает цоколь. По капле не выдавишь – не прыщ, и врачи бессильны, остаётся корчевать самому – заживо, с проводами. Электрик – моё кредо, монтер высоковольтного.

Говорят, будет третий глаз – как у Шивы. Прожектор духовных энергий. И тогда я, крейсер аврора, непотопляемый, с оружием вселенского добра на перевес выйду навстречу хулителям и лжепророкам.

Скоро выведут новый вид – homo ficus, чтоб стоять в кабинетах: радовать глаз и озонировать воздух. Экологически чистый способ воспроизводства, притом – качественное освоение внутреннего пространства помещений с низкими потолками. Баухаус. В офисах люди чернеют со временем и становятся так или иначе похожи на комнатные растения, увядая окончательно под конец производственной деятельности. Почему не приспособить их к новому жребию от рождения, почему не выращивать человекoв, как у Герберта Уэллса, в кадках?

Вот окна соседей слева осветились, я заглянул к ним: Людмила, Иван да Марья. Людмила родила Марью. Иван любил Людмилу, чтоб она родила

Марью. Без его любви она б не родила. Марья любит Ури. Ури полюбит Марью и Марья родит Шимона.

Ничего из ряда вон выходящего.

Но если вместо всего этого опылить ивановой пылью пестик Людмилы в лабораторных условиях, Марья уже не будет страдать от несчастной любви в 20 и болезни Альцгеймера в 60. Перестанут запрещать детям до 16-ти любоваться любовью, и даже напротив – принесут Марью и Шимона в класс, и преподаватель ботаники начертит на доске схему их личных обстоятельств.

Футурология.

Вышел на тропу войны, углубился настолько, что позабыл, на чьей стороне воевать. Ступил на тропу, помня о себе, но увлёкся пейзажем и всё позабыл: деревья как поставленные торчком вёсла в тумане, горизонт на расстоянии вытянутой руки, компас зашкаливает, под ногами влажно, потно, звук – боевая поступь: шаг – всплеск.

Вокруг ни души, ни зги.

Ночь, самое время для боевых действий. В полчетвертого, где бы ни оказался, ты – в тылу врага.

Словно в детстве, в разгар игры в прятки – ночью, один-одинёшенек на тропе войны.

И вот, наконец, зажмуриваешься и начинаешь вести отсчёт: раз на этом можно было бы остановиться, наверное, даже следовало бы остановиться: люди честные, совершенно отдающие себе отчёт в том, что происходит, считают до одного, но все скажут: мы так не играем, что за идиотские шутки, кто так считает, мы не успели спрятаться, так и скажут, и вот, приходится, скрепя сердце, после некоторых колебаний, объявить два в конце концов недалеко от истины, делиться нужно (сказала амёба), нельзя быть жадным – всё себе да себе, опять же – без полноценного общения звереешь, прелести любви и т.п., беда в том, что смертельно хочется обратно, но обратно пути нет, поэтому три кто не спрятался, я не виноват, классический сэндвич – пол, потолок и то, что между, задерживаться не будем: ещё не динамика, уже не статика, скука смертная, поэтому сразу четыре извините, терпение не железное, уже иду искать, извините ещё раз

Заглядываю в консервные банки и бельевые шкафы, на дно лодки, в жерло водосточной трубы, шарю за холодильником, поднимаюсь по верёвочной лестнице на эльбрус, погружаюсь в марианский колодец при помощи железного батискафа, просеиваю пески марса, рассматриваю атомы газов и жидкостей в микроскоп, посылаю экспедиции на экватор.

В складках одежды рыщет ветер, псы – в мусорных баках, хакеры взламывают базы данных, секретарша просматривает корреспонденцию шефа, больной заглядывает в пасть стоматолога.

АФОРИСТИКА

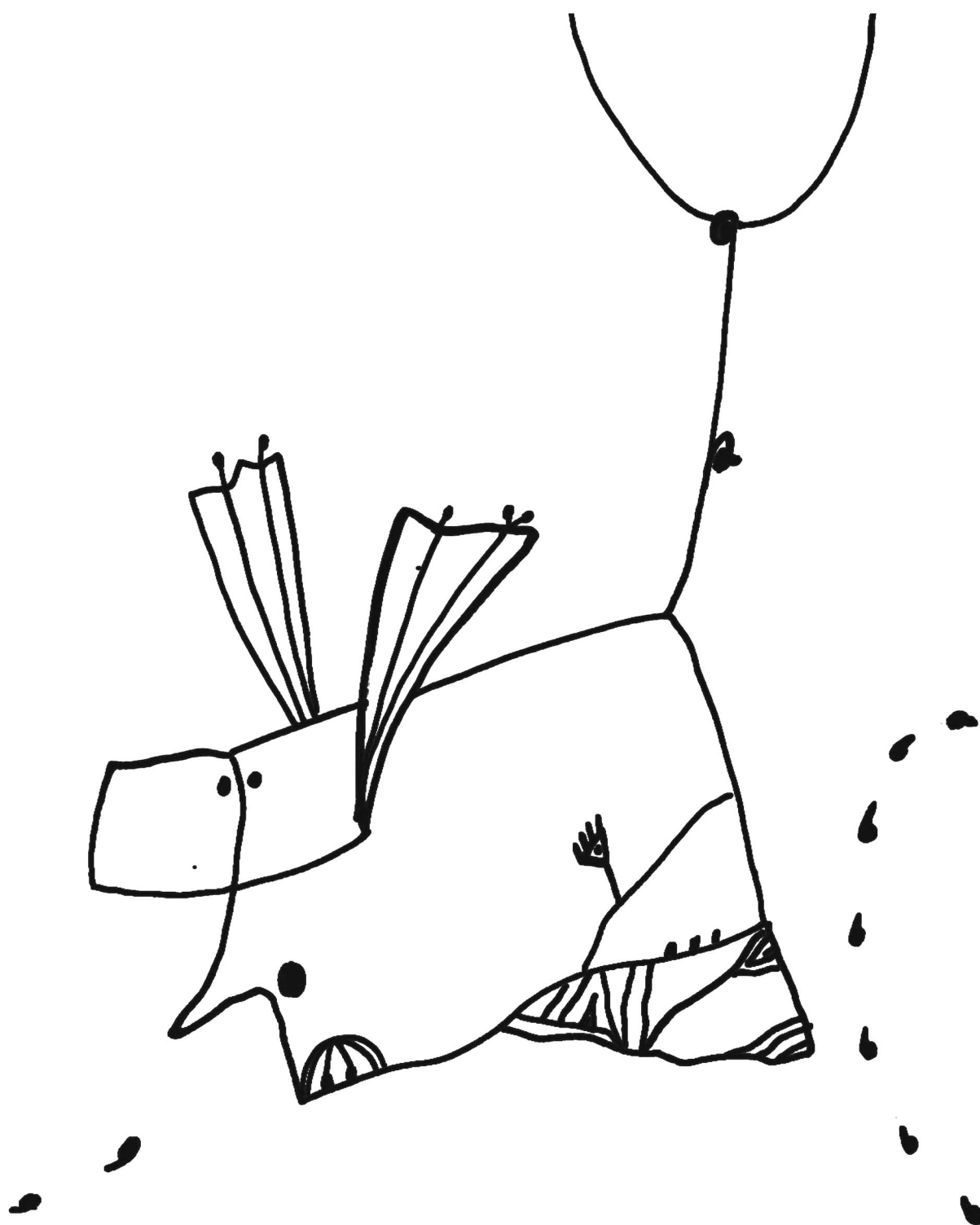
Агентство Пинкертона. ЦРУ и ФБР. Агенты и служащие корпораций. Философы и премьер-министры.

Ничего.

Никого.

Ни малейшего признака, ни запаха, ни даже представления о том, как выглядит, что означает, где водится, кем написано, цвет и порода? жирность (в процентах)? высота в холке? октановое число? скорость в км/ч? количество переменных?

Завтра нам, конечно, улыбнётся удача.

Разговор с поэтом

Андрей Пермяков

С поэтом, критиком, прозаиком Андреем Пермяковым я познакомился уже давно, в 2009 году. Известный автостопщик заехал тогда в Тольятти, мы пообщались! Стихи Пермякова я читал даже раньше, в журнале «Волга-21 век». В дальнейшем, как мне кажется, общение наше будет продолжаться. Самое интересное – Пермяков отлично знает современную русскую поэзию. Основные вопросы беседы как раз и касаются актуальных вопросов поэтического процесса.

- Андрей, первый вопрос – когда все это началось у тебя? Стихи, публикации, известность?

- Ой. Насчёт известности это такое приятное преувеличение, конечно. Но будем надеяться. Я очень тщеславный, на самом деле. А так... В школе писал, что называется, «как все». Или даже похуже прочих. В институте тоже писал чего-то. Но не было вокруг среды, никого пишущих среди знакомых не оказалось, и как-то это всё прекратилось само собой. Но стихи любил, следил, чего происходит. Тогда, в начале девяностых, актуальная поэзия ещё поступала в книжные магазины. Скажем, дебютный сборник Виталия Кальпиди «Пласты» в девяностом году вышел очень приличным тиражом. Какое-то время по инерции выписывали литературные журналы.

Потом хуже стало. Где-то с 95-го до 2005-го года просто ни строчки не написал и следил за поэзией в минимальной степени. Особенно за региональной. Потом Интернет появился. Стал смотреть: кто чего делает, в частности, из пермских авторов. Чуть более старшее поколение – Беликова, Дрожащих, Асланьяна – я на уровне имён знал, а среди на тот момент совсем молодых как-то запомнились Оля Роленгоф и Паша Чечёткин. Собственно, с Олиной подачи завёл Живой Журнал. В 2005-м он был основной такой платформой интернет-общения. Там появились какие-то контакты, и я через какое-то время увидел, что интереснее всего общаться именно с поэтами.

Потом, вновь, кстати, на презентации Олиной книжки, познакомился с Юрием Беликовым. Он спросил, пишу ли я сам чего. А я к тому времени уже где-то года полтора опять писал. Отправил ему стихов, а он их довольно неожиданно опубликовал в газете «Труд-7». У неё тираж был тогда под миллион. Так что первая моя публикация навсегда, видимо, будет самой тиражной.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

В том же Живом журнале поэты Арсений Ли и Алексей Верницкий создали сообщество «Зоил». Не просто стихи выкладывать, а предъявлять их на суровую критику. В то сообщество пришёл Алексей Александров, редактор отдела поэзии в саратовской «Волге», и опять-таки, к себе пригласил опубликоваться. Вот так всё и началось.

- Каков нынче поэтический пейзаж России? Есть открытия? Назови десятку лучших сегодня поэтов.

- Пейзаж пёстрый, открытия, конечно есть! И новые, и появляющиеся из ниоткуда, вроде, из прошлого. Десятку никак не назову. Сотню бы назвал или тройку. Сотню много, так назову тройку. Опять-таки, это будут не «лучшие авторы», а наиболее, скажем так, важные для меня. По алфавиту: Александр Ерёмченко, Тимур Кибиров, Олег Чухонцев.

Хотя и десятку, наверное, назову, но это будет другая десятка. Десятка наиболее запомнившихся поэтических книг пары последних лет. Опять-таки, в плане такого вот, условно говоря, влияния.

- Дмитрий Веденяпин «Стакан хохочет, сигарета рыдает...»

- Лета Югай «Забыть-травя»;

- Константин Кравцов «На север от скифов»;

- Алексей Колчев «Несовершенный вид» (у него все три сборника последнего года хороши, но этот мне больше других понравился);

- Константин Гадаев «Вокшатсо»;

- Ната Сучкова «Ход вещей» (опять-таки: все три книги очень хороши, но вот так волевым решением выберу);

- Александр Корамыслов «Песни мудехара» (тут я немного руку к изданию приложил, чем чуть горжусь);

- «Казанский объектив» (Эдуард Учаров попросил у казанских авторов по свежайшему стихотворению и получился мгновенный срез отнюдь не только казанской литературы);

- Дмитрий Тонконогов «Один к одному»;

- Виталий Кальпиди «Izbrannoe».

- Как ты пришел к литературной критике? Что подтолкнуло к писанию многочисленных статей в различных журналах?

— Первоначально подтолкнуло не «что», а «кто». Аня Голубкова попросила высказаться о подготовленном ею сборнике объединения «Баб/Ищи». Любопытно было – как всё, делаемое впервые. А потом обнаружил важный факт: когда пишешь рецензию, очень глубоко вникаешь в текст. И в текст по определению тебе интересный. При обычном чтении всё-таки

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

многое можно пропустить. Так что рецензии и критика это в значительной мере тоже для собственных стихов.

- Как влияет профессия на поэтическое творчество? Тебе твоя не мешает? Помогает?

- Именно моя профессия мне, скорее, не помогает и не мешает. Хорошо, что она бесконечно далека от литературы – некий запас текста не расходуется. А профессия как таковая, думаю, помогает. Во-первых, наличие каких-никаких денег позволяет об этих самых деньгах меньше думать, а во-вторых, если к восьми не прийти на работу, то велик шанс часам к десяти утра встретить доброго знакомого и с ним отлично провести пару-тройку дней, а то и больше. Тут же пришёл в пять вечера с работы – приступил к иного рода деятельности. Я не очень самодисциплинированный человек стал, увы.

– Немного о твоих собственных стихах. Пытался ли ты определить точку, в которой рождается первая строка? Как это происходит? Это гул, свист, картинка, строка или только слово?

- Вот самые-самые-самые разные варианты. Очень редко когда отдельное слово. А если картинка, то уже вербализованная. Чистое впечатление, как правило, остаётся чистым. Сугубо эстетическим. А вот в некоем контексте, в связи с чем-либо, может стать пусковым механизмом. С ритма тоже нечасто всё начинается: ритм же изменяется на протяжении даже не-долгого текста.

- Твои тексты порой очень витиеваты, порой очень лиричны и проникновенны. Много чувствуешь? Много переживаешь? Или просто многое подмечаешь в себе и вокруг себя?

- Честно говоря, стараюсь не переживать. Вот совсем-совсем не переживать. Может, это в текстах сублимируется – тут со стороны виднее. А подмечать да, необходимо. Человек же всё о себе годам к четырнадцати знает, остаётся только отслеживать изменения. И о мире он уже получил 99/100 всех сведений. Однако, и это знание себя, и полученные сведения о мире у всех более или менее схожи – кроме экстремальных случаев. А вот в этом самом одном проценте получаемой информации, в способе её обработки, как мне кажется, и заключена возможность искусства.

- Сколько фестивалей поэзии ты посетил? Какие запомнились? Нужны ли они авторам или через 5-6 лет фестов поэзии не будет совсем?

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Посетил довольно много, а скажу, наверное, о первых двух и последних двух из посещённых на сегодняшний день. И даже не от того, что первые и последние.

На первые я сознательно поехал, ибо планировал нечто подобное сделать при помощи коллег в Перми. Получилось, к слову. Так вот: самый первый фестиваль где я оказался, проходил в Кыштыме. Проводил его Саша Петрушкин. Это был абсолютно прекрасный угар, анархия и радость. А через неделю совсем другое мероприятие. В Нижнем Новгороде. Делал Сеня Гончуков. Он тогда ещё не был знаменитым кинорежиссёром, а был телеведущим. Вот там чтения чуть не по секундомеру начинались, всё организовано блестяще, всех машины развозят куда надо, стол накрыт. Ух!

И вот это были совсем не примеры, «как надо» и «как не надо», а два отличных и явных полюса фестивального движения. Между ними всё и протекает: люди ж разные – и организаторы, и участники.

Далее эти полюса примерно таковыми и остались, но между ними сформировалось и продолжает формироваться много интересного. Два фестиваля в 2015-м году были посвящены, увы, памяти ушедших от нас авторов: «Васильевские чтения» в Ярославле, посвящённые памяти Константина Васильева, и фестиваль в Рязани, где вспоминали ушедшего совсем недавно Алексея Колчева. Так вот: состав участников в обоих случаях был очень неслучайным. Очень было внятным взаимодействие читающих и тех, кому, собственно, форумы были обязаны своим появлением. Это, конечно, говорит и о литературной преемственности, и о внимании организаторов, и вообще о многом.

А выдохнуться всё это может только в случае какого-то очень лютого форс-мажора. Вот в Иркутске Игорь Дронов и Андрей Сизых проводят фестиваль, куда из центра России приглашают пять-семь авторов и много-много местных. Так у них программа на десятилетия расписана, кажется.

- Охарактеризуй литературное поле современной России? Какие регионы ты бы выделил? Где сейчас наиболее мощное движение?

- Кроме столиц, конечно же, Нижний Новгород, Казань, Вологда – поразительно насыщенный хорошими авторами город для своих маленьких размеров. Среднее Поволжье, как единый регион: Самара–Тольятти–Саратов. Хотя тут местные со мной могут и не согласиться. Уральский треугольник Пермь–Екатеринбург–Челябинск. Сибирь плохо знаю. Раньше Калининград был очень интересным, теперь его как-то меньше видно. В Курске появились очень интересные и разные авторы.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

- Ты активно ведешь блоги в интернете? Не отвлекает ли это от поэзии, от чтения, от жизни?

- Активно я веду разве что блог в Фейсбуке. Да и то это довольно бездумные заметки, чтобы не забыть какую-то мысль. Или фотографии. То есть, напряжения ума сие не требует. Живой Журнал, конечно, был другим. Все туда хотят вернуться, но никто не возвращается. Вконтакт же использую как раньше аську использовал и для просмотра кино/скачивания музыки. Твиттера, Инстаграмма или там видеоблога у меня нет. Так что не очень большие затраты времени и нервов. Хотя, попадаю, конечно, иногда в дурацкие споры.

- Последний вопрос традиционный. Твои пожелания литературному альманаху «Графит»?

- Быть. Он уже есть, так дальше быть. На мой взгляд, эта вот ориентация на Поволжье – она очень правильная. Регион-то не из последних, а своего издания долго не было. Круг авторов сформирован в целом и при этом расширяется. Авторы активные, работающие. Всё, думаю, хорошо!

Февраль 2016 г.

Андрей Пермяков

В снегу

Едем на север – всякое может случиться.

Дорога здесь долгая, хотя и довольно простая.

Девочки, выросшие без пап, вырастают волчицами.

Сильными, белыми и оттого не попавшими в стаю.

Девочки, выросшие без пап, обнимаются на бегу,
ходят по тротуару чуть ближе к дорожной кромке.

Девочки, выросшие без пап, не умеют готовить рагу
(то есть, умеют, но это другое рагу).

Плохо играют в футбол, обожают головоломки.

Тёплая серая варежка в немного замёрзшей руке.

Очень похожа на тёплую серую лапу.

«А у тебя ведь тоже перчатки лежат в рюкзаке»?

Спрашивает белая девочка, выросшая без папы.

Серая лапа в немного замёрзшей руке,

серые брёвна в густой, беспросветно замёрзшей реке.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Жуёшь шоколадку, ленишься лезть в рюкзак.

интересней смотреть на синицу в замёрзшем песке.

Вписка

Или как будто долго-предолго дружили.

Сами туда вчера ведь и положили.

- Ты телефон у меня записал? – Всяко.
- Ну, я у тебя, как ты помнишь, тоже.
- Вот я сейчас пойду такой, буду брякать...
- Давай. Если честно, ты хоть побрил бы рожу?

Если чего забыл, верну, когда буду в ваши края».

Днем без осадков. До двадцати девяти.

Володе Потанову песню дарят друзья.

СВЯТКИ

Марат отвечает: "Гуляй, самому тебе Зур Рахмет".

Так улыбается, будто тебя ругает.

От уходящей машины проистекает свет,

от ломкого фонаря проистекает свет

А более ниоткуда свет не проистекает.

Влажная, колкая тьма сильно мешает дышать.

Ты слабый такой, точно тебе пять лет.

Думаешь: если волки, так ведь и не убежать.

А снег с фонаря летит рыжий такой, крупный.

Смотришь на этот снег, вдруг произносишь: "Свет".

Тут понимаешь про тот свет и этот свет.

Тут понимаешь, что снег это тоже свет. И волк это тоже свет.

И сАмая эта вот тьма это тоже свет.

Свет неприступный.

Диалог смутных

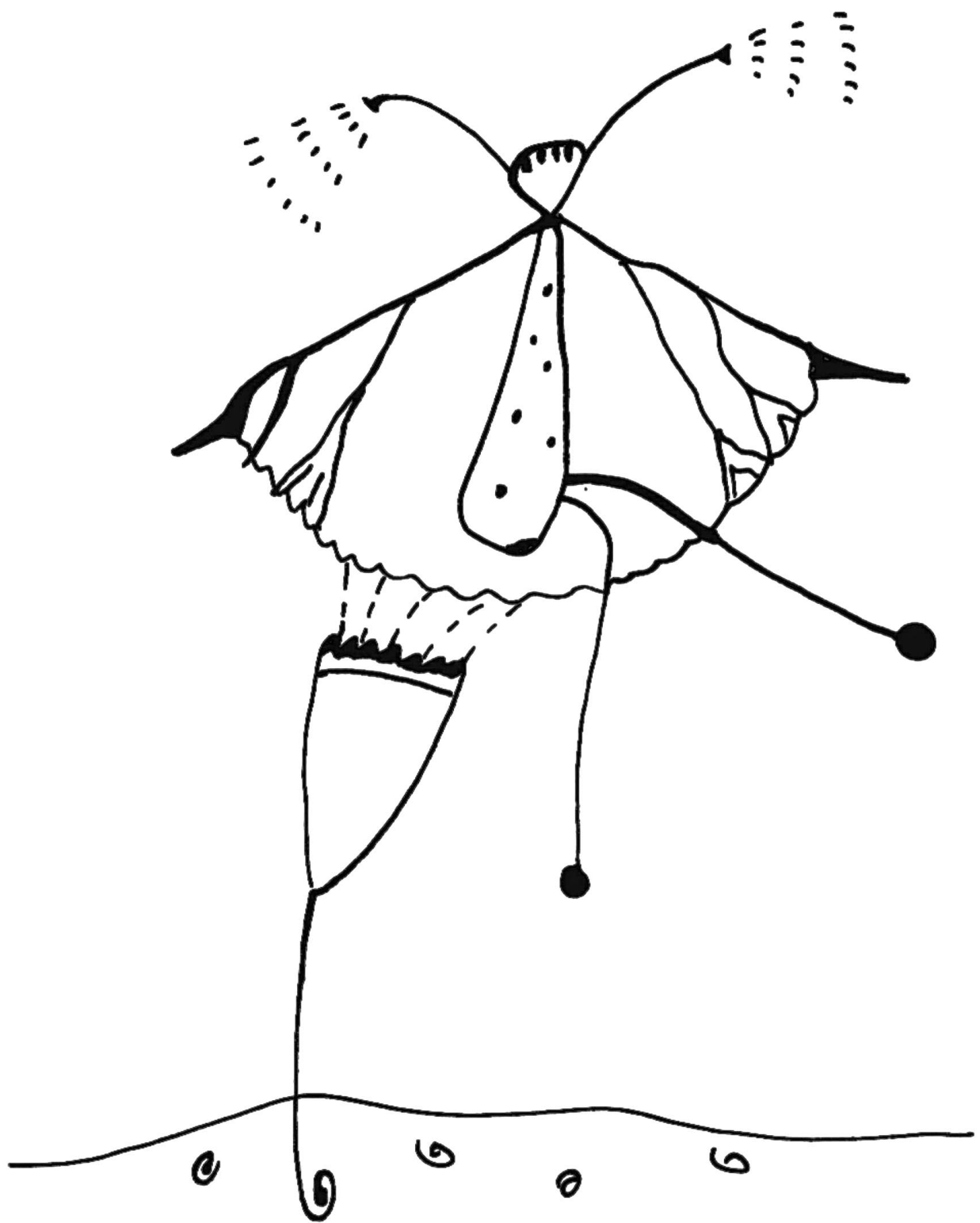
- Ночь и ночь. Вода и вода.

- Здесь глубоко?
- Да.
- А здесь?
- Да.
- Что "да"?
- Чёрная здесь вода.
- А вот здесь как?
- И здесь глубоко.
- А тут отчего бело?
- А тут вода кувырком.
Хотя тебе-то чего? Ты ж по ней аки посуху.
- Посуху, говоришь? Ну, бывает и посуху.
Только ты это... Потычь насчёт дна посохом?

... но уйдёт, непременно уйдёт,
непрерывно уходят, хорошие.
На пустых каблуках в гололёд,
на оранжевых крыльях в полёт,
вдоль большого окошка на лоджии.
Просто скажет: пора быть с другим.
Доиграет короткая злость.
Берешит бара Элоhim,
И всё прочее началось.

Райцентр

В последний вечер августа жара,
наверно, лето недоиздевалось.
Под краном два пластмассовых ведра
подобьем слабой рифмы полость/малость.
Беззвучный воздух – точно ты в лесу.
Мычит корова, кажется, что близко.
И двери с указателем «Горсуд»
скрипят, как вилки по железной миске.
Из тех дверей выходит человек.
Сидит на лавке, по-собачьи воет.
Над магазином «XXI век»
Год никакой, столетье никакое.

Павел Крусанов

Петля Нестерова

День выдался сырой и летний, как закапанные квасом шорты, — ходить в таких по городу немного свежо и немного неловко. Он (так звали человека) давно уже не был в этом закутке Петербурга, в конечном виде изваянном к середине тех времён, когда город носил псевдоним. Готика Чесменской церкви соседствовала тут с грузным ампиром пятидесятых и силикатным кирпичом «оттепели», лопочущей на языке «распашонок», а типовые магазины-«стекляшки» — с беспризорной зеленью бульваров, дворов и скверов, обложивших уютными подушками долгую канитель улицы Ленсовета. Здесь он родился и прожил до двадцати пяти, потом взмыл по карте вверх, на Владимирский, и, не оставив под собой друзей и женщин, наведывался сюда по случаю — с годами всё реже и реже. Его никогда не тянуло *именно на этот* ветхий окраинный асфальт, некогда уложенный и беспечно забытый оранжевыми рабочими, — здесь шла иная жизнь, которую он, как песочницу, вроде бы превозмог. Но сегодня, в этот день, начавшийся коротким дождём и теперь похожий на сложное изделие из мокрого мусора и цветного стекла, он приехал сюда без дела и видимого принуждения — по странному внутреннему зову, мягко завлекшему его на заштатную улицу привыкшего к лести и брани города, где были куда лучшие места, чтобы найти и потерять, пообещать и забыть, обидеть и понести высшую меру раскаяния.

Ему было немногим за пятьдесят. Когда он думал, на что похож человек в этом возрасте, то первой на ум приходила вода в цветочной вазе — чуть мутная вода, которую всего-то двое суток не меняли. То есть человек напоминает вещь, которой впору задаться вопросом: как становиться старше и при этом не стареть? Но что такое старость? Где она выводит птенцов и куда прячется, когда её нет? В бане, где все голые, старики выглядели голее прочих — вот и всё, что было ему известно.

Гипнотический зов, заманивший его сюда, вначале вызвал вялое недоумение, однако праздный день не сетовал о собственной потере, но хотел продолжения, так что вскоре он смирился с неожиданной прихотью: а почему, собственно, нет? Как человек, для всякого дела имевший в запасе если не вдохновение, то неизменное внимание и аккуратность, — поленницу на даче он складывал с тем же тщанием, с каким иной умелец клеил

спичечные Кижы,— он добросовестно вышел на Ленсовета с улицы Фрунзе, начав путь от самого истока. Там, под обильной зеленью двухрядных лип, в голове его возникла метель, воздушная чехарда образов, уложенных некогда в памяти, как слои геологических пород в осадочной толще. Теперь образы эти, словно бы в игрушечном, нетягостном катаклизме, тасовались чужой невыявленной волей, учреждались в новый порядок и, извлечённые из подспудного забытья, стремительно предьявляли в фокусе внутреннего взора свою первозданную красочность и полноту.

Расслабленно удивляясь манипуляциям неведомого жонглёра, без спроса проникшего в чулан его памяти и устроившего представление с помощью того, что оказалось под рукой, он поражался собственному простодушию, переимчивости или манерности, в зависимости от того, какой предмет выскальзывал из небытия отжившего и, казалось, безвозвратно утраченного времени. В нём то вздымалась пронзительная, ничем сейчас не мотивированная досада: «За.бали москвичи своей хамской деловитостью!» — то внятно и безукоризненно открывалась потайная причина крушения Империи, обнаруженная им некогда в дерзком замысле сверхглубокой скважины на Кольском — Вавилонской башне наоборот. У дома № 10 он внезапно и кинематографически зримо вспомнил, как много лет назад, спасая по просьбе родни клубнику на дачном огороде, разорял в речном лозняке гнёзда дроздов. Выбирая яйца, он сбрасывал гнёзда на землю. Потом, на веранде, в попытке затеять первобытную яичницу, разбил одно яйцо — голубое, в бледно-карию крапинку, словно бирюзу забрызгали навозом,— и там, в желейной слизи, пронизанной, подобно глазному яблоку, кровавой паутиной, увидел голого птенчика: он ещё не освоил весь предписанный желток, бессмысленно дёргал лапкой и нелепо поводил мягкой головой с огромными матово-чёрными глазами.

Вслед за этим поравнявшись с гостиницей «Мир», он улыбнулся милой суетности тридцатилетнего себя же, убеждённо полагавшего, что вполне возможно расчётливо выстроить судьбу так, чтобы оставить за собой мифологию, а не биографию...

Тут, отбивая каблучками на сыром асфальте звонкую, на полшага отстающую от туфли четвёртую долю, мимо него проскользнуло нечто телесное и отвлекло от созерцания внутренней мнимой жизни — по утверждению бокового зрения, это была премилая девица. На миг он вынырнул из марева архивных видений, столь неожиданно и без явной причины выбивших крышки и хлынувших наружу из тех забвением запечатанных сот, где им надлежало пребывать, быть может, до Страшного суда, когда этому хранилищу, этому «чёрному ящику» предстояло отвориться и засвидетель-

ствовать мере его земного бытия. Кинув вослед девице оценивающий, но бесстрастный взгляд, он отметил высокую ладную фигуру, с художественным небрежением одетую в заурядные и ноские, а ныне способные служить примером изыска, изделия позавчерашних модисток – длинное, до щиколоток, чёрное платье с высоким воротом и тёмно-зелёный бархатный жилет. Возможно, в туалете девицы, доступном ему со спины, он приметил бы что-то ещё, вроде небольшой, отчасти напоминающей тибетейку, зелёного же бархата шапочки, но имена подобных штучек давно перешли в разряд глосс и, не умея назвать, он весьма неотчётливо выделил их зрительно.

Вполне естественно, без всякой театральности, девица свернула за угол гостиницы на Гастелло.

«Ну и что? – внутренне удивился он. – Какого чёрта я здесь?!» И это была первая за день мысль, связавшая его с реальностью улицы Ленсовета. Однако жонглёр, без предупреждения прервав антракт, продолжил клоунаду и наобум явил забавное воспоминание о тех давних годах, когда он с трудом ещё отличал стиль от пошлости и был настолько безыскусен в сочинении комплиментов, что однажды (собственно, это и вспомнилось) отъявленная подружка в ответ на неумеренную похвалу её коже просто-душно заметила: «Можно подумать, что до сих пор ты спал только с жабами и ящерицами». Этой сценой – у бруснично-белой готики храма, сокрушавшегося на пару с охристым трилистником Чесменского дворца о неведомом этим задворкам петербургском периоде русской истории, – для него вновь открылся глазок калейдоскопа, где в поисках сомнительного сокровища стремительно, но кропотливо перебирались несметные залежи грустных и потешных, пронзительных и нелепых фигур.

Дождь – повод для одиночества, которого всем всегда не хватает. Если, конечно, он будет добренький и застигнет всех порознь. Обычно случается так: первые капли падают вниз и разбиваются насмерть, потом капель становится много, и земля делается жидкой, что само по себе – препятствие. Вероятно, жажда отрадного сиротства и стала причиной того, что некогда дождь победил землю до горы Арарат.

Ночью в вентиляционной отдушине курлыкали голоса умерших. Что мне, чёрной птице с зелёной грудкой, делать с собственным сиротством? Если его много и оно всегда тут? И тогда – под утро – я остановила дождь. Чтобы не было повода. Остановила дождь, прочистила серебряное горло и выдула трель, которую единственно и знаю. А что мне петь ещё?

Мне – демону этого места, непутёвому здешнему крысолову, если, конечно, можно так про птицу.

Понятное дело, чтобы увлечь человека, нужно сказать ему что-то интересное, то есть что-то о нём самом. Так примерно:

Кого ни возьми, всякий обычно по жизни лжив, любострастен и склонен к предательству. Будь он хоть чурбан, не отправляющий естественных нужд, а раз в жизни да совершит мерзость. Ну а записному праведнику согрешить и вовсе необходимо. Без этого – никак. Совершённая мерзость даёт натуре повод быть стойкой – паршивец узнал цену подлости, пошарил в карманах и впредь зарёкся: накладно. Всякого по жизни наперво волнует личное благосостояние и внутренний покой, что, если по чести, чудо как хорошо. Добиваясь их, человек юлит, лжёт, льстит, крадёт – если кто получше, тот своим молчанием потакает общему течению вещей, которое, будь оно считано со страниц романа, громыхнуло бы в нём бешеным негодованием. Словно напалм на снегу. Так получается, что, забравшись в бумажную реальность, человек перестаёт оглушать свои чувства корыстью, стряхивает с них близорукую дурь мирского успеха, душа его проясняется, и вот уже желаниями его правят чистые, незамутнённые переживания. Люди, стало быть, не гnevятся, не делают друг в друге дырок по случаю переустройства жизни подлой в жизнь безупречную единственно потому, что сами корыстны, нечестивы, скверны. А если бы ежечасно они имели в основе своих устремлений благородные чувства, если бы в жизни сделались лучше, возвышеннее, то, растревоженные жаждой справедливости, ослеплённые состраданием, тут же бросились пороть, вешать, декапитировать друг друга – словом, натворили бы таких преступных дел, каких не смог бы сочинить и самый отпетый душегуб, толкаемый на злодеяния мамоной. Что до вождей и пастырей... Не стоит, право, им возносить человека, очищать его от жизненной скверны – не то расплодится зло во сто крат большее, чем уж отмерено. Пока человек жалок, лжив, слаб, его хватает лишь на шkodство, но стоит ему возвыситься, стряхнуть шелуху личной выгоды, и он сложит пирамиду из девяноста тысяч голов. Недаром ведь жизнестроительные планы вождей народов сродни по механике эстетизму в искусстве, которое имеет дело с нагими чувствами. Как эстет стремится к прозрачной чистоте воплощения артефакта, так и идейный вождь стремится к удалению тумана, который портит ясность вида на его совершенную конструкцию. В таком идеальном завтра нет места мутному планктону жизни. Нет места хромоножке, тусовщику, пьяной посудомойке, бесцельному смотрению в окно, червивому яблоку, кукишу в кармане и, разумеется, мне – чёрной птице с зелёной грудкой. Понятно, что это

может не нравиться. Но какой огород ни городи, а жизнь сама всё обустроит – она умней и разнообразней любой теории.

Такая, приблизительно, песня. Ничего нового, но человек её услышал и пошёл. Ну вот, а я его сканирую.

Уж так устроены маски, что они презируют лица: за мягкотелость, за то, что лицам без них – никак. Маски одни знают, какой плотности тьма находится под ними. Маскам нравятся осы, десятков девять других насекомых и, наверное, раки. Они как будто из одного профсоюза. С маской нельзя договориться, кто главнее: в самом деле – не позволять же ей править. Поэтому лучше выбрать такую, чтобы не стесняла движений. В общем, чтобы не вышло как с родителями, которые всегда виноваты перед детьми за то, что их не выбирали, – ведь мы бы с ними никогда не общались, не будь они нашими родителями.

Правда, сказанная без любви, это, собственно, и есть ненависть. Оставим, впрочем. Бытует мнение, что среди людей каждый первый – маска, но не всяк понял, что внутри его сидит какой-то старший зверь или, скажем, флора. Однако это пустое: таких, как я, – одна на десять тысяч. Нарядившись, снаружи мы как все, а копнёшь немного, и нате вам: тушканчик, жёлто-карий шершень, плоское брюшко гладыша, ряска или, чего доброго, крысолов. По правде, нас, конечно, больше, но остальные маскам уступили, поэтому чувствуют себя скверно и от людей неотличимы. Ну, разве что всё помнят, могут спустя год продолжить байку с прерванного места, не склонны романтизировать своё прошлое и имеют странную манеру разговора – никогда не перебивают и ответы дают с задержкой в три секунды, словно ожидают уточнений. Но тот, что пошёл на мою песню, – нутряной, настоящий. Считывая его жизнь, отыскивая в нём запорошенные клавиши, куда, выдавливая жесты и звуки, жмёт пустота, которая сильнее меня, но которой до людей пока что есть дело, я не помню о сиротстве. Некогда.

Наблюдая за представлением, он недоумённо отметил, что к своим годам не приобрёл заметных привычек, если не считать привычкой воспитанную потребность дважды в день возить во рту щёткой, мыть руки после посещения удобств и раз в неделю подрезать ногтям крылышки. Он то полнел, то худел, то отпускал бороду, то ежедневно до глянца брился, то был отзывчив и чувствителен, то высшим своим достоинством считал невозмутимость, сиречь бесстыдство. Не питая склонности к кочевью, он тем не менее ни к чему не прикипал надолго: все его привязанности оказывались мнимыми, наделёнными одним лишь неизменным качеством – непостоянством. Возможно, именно это свойство позволяло ему пребывать в

относительном соответствии с окружающей действительностью, слишком часто и с удивительным бесстрашием расстававшейся с привычным ритуалом бытия, так что право на милый патриархальный круговорот сохранилось в ней лишь за небесными фонариками, временами года и мирной женской кровью. Но додумать мысль ему не пришлось: сбило внезапно настигшее чувство, что в собственном его естестве и сопредельном с ним пространстве разыгрывается роскошная мистерия, в которой он одновременно и посвящённый, и первообраз,— мистерия, без видимых усилий управляемая незримым мистагогом, неясно зачем и отчего-то слишком путано ведущим его уже пройденным однажды путём. Попытавшись прислушаться к себе внимательней, яснее почувствовать событие он не смог, из чего вывел, что мистагог — изрядный темнила, раз, несмотря на отведённую двойную роль, утаил от него сакральный смысл постановки. Но бутафория напускной иронии ничуть не умалила подспудно явленных масштабов происходящего, и он покорно осознал себя тем, кем и был — тварью дрожащей, посвящённой лишь в собственное ничтожество и движимой робостью по пути трепета. То есть человеком. То есть... Словом, это было хорошо, и он успокоился.

Тем временем улица Ленсовета подвела его к перекрёстку с Авиационной, откуда выворачивали безжизненные во все стороны трамвайные пути (тридцать лет назад здесь дребезжали вагоны двух маршрутов — шестнадцатого и двадцать девятого, и ещё два маршрута шли на кольцо, к больнице),— то ли тут вовсе уже не ходили трамваи, то ли они сократились до иногда возможного в предметном мире полунебытия. Впрочем, судя по отсутствию ржавчины и бликованию света на стальных рельсах, что-то по ним время от времени ездило.

За перекрёстком, между безыскусными фасадами домов и нестройной шеренгой тополей по краю тротуара скопилось много тени. Фасады были цвета дорожной пыли и время от времени перемежались влажными зевами дворовых садов. Здесь по старому, покрытому небольшими, но частыми выбоинами асфальту шли различного вида прохожие, которых он не то чтобы не замечал — замечал, дабы о них не ушибиться, но при этом не видел вовсе. Вблизи, за деревьями, шуршали машины, которых было немного, и уж их-то он не то что не видел, но в прогонах между перекрёстками даже не замечал.

Миновав образцово причёсанную витрину парикмахерской, где его вновь охватило давнее удивление перед совершенным умом своего трёхлетнего племянника (тот спрашивал: «Почему воробей прыгает?» — он объяснял: «А ты представь только, что он ходит»,— после чего племянник

говорил: «Да»), он вышел к улице Типанова, которая опрятным бульваром упиралась в Ленсовета, по ту сторону раздваиваясь и как бы насаживая на вилку почтенную, размером с деревню, архитектуру. По градостроительным планам конца тридцатых здесь полагалось величаво расцвести новому центру экс-столицы, а это, поддетое вилкой, необъятное строение, обращённое к Ленсовета округлым тылом с рельефными пентаграммами по фризу и колоннадой, которой впору пришёлся бы и Луксор, должно было вместить некий властный городской орган, хотя в здании такого формата вполне бы разместился сенат державы размером по меньшей мере с Луну. Во всём объёме планы не сбылись, но остались по человеческим меркам вечные сооружения – эпоха сама поставила себе памятник, своего рода Колизей, годный для жизни, смерти и просто для декорации.

Если прислушаться, жизнь окажется музыкой. Такой, где, чтобы не лажать, достаточно хроматической гаммы и чувства ритма. Это тем, кому не солировать. То есть достаточно совершать поступки, от которых никому не становится хуже, и говорить слова, за которые ничего не будет. Ни кнута, ни шербета. Приблизительно это и есть синхронизм, совпадение с миром. Чем чище совпадение, тем неслышней скрежет и шумы жизни, тем ровнее рельеф бытия, тем меньше злодеев и праведников, которым и не пристало роиться.

И всё же порою хочется произвола. Того самого – с величием жеста и широтой помысла. Причём мало согласиться вершить его, нужно иметь вкус и фантазию в выборе кары. Надо соответствовать порыву. Должна ли я питать чувства к жертве? Если нет, то это фора пресной эгалитарной беспристрастности, которая ущемляет мой невинный произвол. Значит – да. Но если да, то уже всё равно – какие это чувства: во-первых, под маской так и так не видно, а во-вторых, любовь и ненависть, как добро и зло, – не противоположности, а вещи из одного ряда, который всегда включается целиком, словно радуга. Что до вины, то за ней не станет.

Я иду по улице. Там ходят люди, обученные жить собственными игрушками. Игрушки – это такие забавные ошибки, которые можно тискать, ломать и принимать до и после еды от скуки. Куклы учат в неживом видеть живое, механические игрушки заставляют в живом подозревать шестерни и моторчики, а трансформеры, если немного приврать, посягают на преобразование.

Люди на улице смотрят в разные стороны и нигде не видят меня. Потому что я пришла из области такого холода, где взгляд замерзает на лету и не доносит добычу. Невернувшийся взгляд называется пустотой, которой

вообще-то не бывает, но об этом не надо громко, потому что есть пустота, которая сильнее меня.

Итак, выбор кары. Я приветствую того, кто услышал мою песню, и на одно количество времени отмораживаю его взгляд. Он видит маску, и она ему нравится. Потом он продолжает путь по улице, которая его предаст, ничего при этом не почувствовав. Я заставляю его не думать о том, способно ли олицетворение зла испытывать любовь, и если да, то какова эта любовь? Ни к чему терзаться тем, во что никогда не въедешь носом. Всё, что есть у него внутри, — это чёртова куча деревянных, стеклянных и самоцветных шариков, прожитых насмерть, просверленных навыворот и низанных диковатым строем на серебристую шелковинку, что цедит гусеница, сидящая под его лбом. Деревяшки теплы на вид, добродушны, некоторые из них приятно пахнут. Стёклышки спесивы, но сговорчивы, ибо боятся собственного хруста. С минералами не так просто: они — каждый за себя, при этом терпеливы, изобретательны и скрытны. Всё это сыпучее добро свалено в мешок с открытым горлом, так что сверху шуршат и мерцают изнутри своего шарообразия лишь самые кичливые бусины. Методом перебора низки обретётся пристойная кара и свершится изящный произвол. И я вновь пожелаю одиночества.

По нижним ярусам петербургских небес шуруют облака, не застя в общем весь их голубой грунт. Асфальт сыр. С деревьев и кустов, если тряхнуть, хлынет. Вверху, по сторонам и, наверное, в недрах чудесно движутся стихии. Человек идёт, зачарованный крысоловом, и внутри его, на шелковинке, вспыхивают по одной эти круглые штуки, выбалтывают свои истории, оставляя по себе цветную крошку, хрусткие осколки, пепел. Так продолжается долго, почти вечность, и утро успевает кончиться.

Под охраной светофора он пересёк Типанова, подумал было перейти и на нечётную сторону Ленсовета, где на задворках Лунного Сената по-прежнему прозябал кустистый диковатый сквер, в котором ребёнком он играл со спичками, но, не найдя для поступка воли, преисполненный яркими снами, неспешно двинулся дальше.

Ещё прежде он заметил, что внутреннее его отсутствие наглядно, хотя и в несколько необычном ракурсе, демонстрирует весьма старую проблему: действительно ли мы бодрствуем, бодрствуя, или же мы бодрствуем, спя. Однако у овощного ларька за преодоленной только что улицей ему неожиданно поместилось, что эта спровоцированная чуждой волей прогулка с параллельным изучением содержимого интимных закровов напоминает своего рода следствие, подводящее промежуточный или даже конечный

итог, после которого жизнь его неумолимо обернётся воплощённым в судьбе приговором. Вряд ли милосердным. Это печальное наитие едва его не огорчило, но элегический флёр тут же рассеялся, так как, видимо, не устраивал того, кто правил событием. К тому же вскоре случилось *совпадение*, безраздельно овладевшее его вниманием и поразившее его чрезвычайно.

Дойдя до Алтайской, некогда представлявшей собою своего рода полубульвар, в отличие от Типанова почти не обременённый автомобилями и за двумя грядами разросшихся кустов отрадно сокровенный в сердцевине, он увидел, что кусты с укромными скамьями в шелестящих нишах исчезли, а место их занял зелёный войлок газонов. И тут реальное место и приговорно омертвелое воспоминание впервые за сегодня сошлись воедино, ослепив такой невозможной свежестью переживания, что он застыл, будто напоролся глазами на фотовспышку.

Когда-то здесь, отчасти прикрытая со стороны Ленсовета газетным киоском, стояла скамья... Середина августа. Вечер. Кажется, ему было двадцать четыре. Тогда он сидел здесь и, опершись локтем о колено, вполоборота смотрел на РЭ (Русская Элитная – так он её звал, пытаясь скрыть ироничным покровом трепет слабевшего при ней сердца), в ушах которой подрагивали похожие на геометрическую задачу серьги. Теперь не было газетного киоска и не было пивного ларька на другой стороне улицы, овеянного густым бражным запахом и слюдяными чешуйками высохшей пены. Но видение ничуть не смутилось этим – оно клейко наложилось на нынешние руины, и старая китайская проблема, как песочные часы, кувыркком решилась в сторону сна.

Они глубоко проникли друг в друга, объединив свои территории, чей ландшафт составляли милые капризы, трогательные секреты, невинные странности и прочие речушки и кочки, так что односторонняя попытка восстановить границу другим соправителем этой страны расценивалась бы как преступный сепаратизм. В те давние двадцать четыре он знал достаточно слов, чтобы назвать и даже умно и подробно уточнить свои чувства к РЭ. И он называл их, обходясь, впрочем, без уточнений, которые справедливо считал крючкотворством, чем-то вроде казённой описи клада. Заносчиво претендуя на объективность, теми же словами он называл и чувства РЭ, но зачастую выходило так, что даже при краткой разлуке он, наводя на резкость внутренний взгляд, с содроганием видел в ней лишь безупречное орудие пытки, поэтому в случае с РЭ готов был прибегнуть к уточнениям. Ни прежде, ни после ни одна женщина, в каком бы виде, каким образом и в какой последовательности явлений она ни возникала в его

жизни, не вызывала столь томительных и острых переживаний, какие доставляла РЭ во всех видах, каким бы образом и при каких обстоятельствах ни приходилось им видаться. В свои двадцать четыре он также знал, что этот источник пряных, зашкаливающих по всем линейкам чувств способен его разрушить: ведь и простой контраст температур вредит тому, что считается прочным – от зубов до рояля. Сочувствуя судьбе испорченных вещей, едва не угодив по пути под тогда ещё полноценный трамвай, здесь, на потаённой скамье у перекрёстка с Алтайской, он прощался с РЭ. Именно так: не потому, что разлюбил или был оскорблён наконец-то не воображённой изменой – он себя предусмотрительно консервировал, чтобы не сноситься прежде гарантийного срока. Никогда и никому, кроме РЭ (тут, на скамье), он в этом не признавался, утоляя оперативное любопытство приятелей чепухой и полагая при этом, что если он лжёт в ответ на вопрос, на который вопрошающий не имеет права, то ложь его ложью отнюдь не является. В тот день РЭ до немоты была поражена его малодушием. И хотя прощание сразу не осилило материал, растянувшись ещё на полгода, стылый яд разлуки был впрыснут в их общую кровь именно здесь. Никогда и никому, даже РЭ, он не признавался, что жалеет о случившемся. Вернее – о *недослучившемся*. Вернее... Тут до него донёсся дрожащий звук колоколов со звонницы брусничной церкви, который на таком расстоянии вроде бы не должен быть слышен.

Стоило этой давней истории во всей безжалостной полноте ожить на перепутье сырых окраинных улиц, как он подумал, что если следствие ищет подчистку на карте выданной свыше судьбы, то он уличён. Но вскоре он усомнился в догадке, ибо вынуженное из тайничка болезненное и сладкое чувство стушевалось, и следствие – возможно, в поисках большей провинности – продолжило дотошные изыскания. Безвольно потакая дознанию, он двинулся дальше, устремив стопы к трём стоявшим семейным рядком типовым магазинам, чьи стеклянные двухэтажные лица, однажды напросившись на комплимент дворового острослова, навсегда обрекли себя на драматическое имя «три сестры». И поныне отгораживались они от проезжей части милым провинциальным шиповником, хотя фасад средней «сестрицы» был теперь забран кирпичом с аккуратно выложенными арочными окнами. Однако ничего существенного, то есть качественно сравнимого со страстями по РЭ, ни ему, ни, вероятно, затейнику сыска в той местности не открылось. Как снулая рыба, всплыл из детства бледноватый день, когда он вывел в спичечном коробке из найденной хвостатой куколки глазастую муху, подёрнутую пчелиным пушком, но радость эксперимента была отравлена отцовским всезнанием: «Навозная». Следом плеснул на изнанку

чувств запахами и шорохами влажный Батуми, куда однажды занесло его в пору студенчества и где вечером на галечном пляже, засвеченном мощными прожекторами пограничников, он ел чёрствый хачапури, запивая его арбузом, и едва слышно, точно проверяя строй инструмента, повторял только что сочинённые строки:

Ты враг себе, сорока! Пусть же род твой
зачахнет от какой-нибудь болезни,
пусть кошка на тебе поточит когти,
а в руки дашься – раздавлю твой глупый череп!
Зачем, скажи, сюда ты прилетела?
Зачем напоминаешь мне о доме?

Были и другие видения, возможно, скрывавшие за своей пиктографией сообщения чрезвычайные, но бередили они лишь внешние, полурассудочные чувства – в глубине же душа его немотствовала.

Отчего-то выходит, что каждый относительно тех или иных своих существенных желаний пребывает в удручающем неведении. Неведение это не то чтобы полное, но примерно такого рода: странным образом голос той/того, кого полюбишь, оказывается в точности таким, какой, не ведая того, желался. Или Ахиллес: он не догадывается, что ему нипочём не настичь черепаху, но, обгоняя её, понимает, что подспудно всегда хотел именно этой победы. Словом, чтобы толком наградить или внятно наказать, надо знать, чего хочет/не хочет объект твоего внимания. Однако есть просторная область умолчаний, где исполнение желания опережает желание, как вдох опережает спазм удушья, там бесполезны расспросы, ибо нераспознанное желание немо. Приходится исследовать у жертвы опыт минувшего, который полон мусора, так как, затоваривая свою овощебазу, всякий полагает, что его долбанные проблемы кому-то интересны. А они скверно пахнут. Я бы сказала – смердят.

Вокруг такая чудная крошка: глупое и умное, старое и новое, высокое и подлое – всё важно, всё нужно. Кому? Зачем? Всё равно, что ответить, – истинная фантазия неуязвима.

Фантазия воюет с памятью, как расточительность – с накоплением. Они клюют друг другу очи. При этом накопление давно и начисто обесмыслено неизбежностью смерти и необъятностью необъятного. Равно как и достижения цивилизации своим существованием обязаны исключительно плохой памяти. Это я знаю точно, как сорок семь на семьсот двадцать восемь, как то, что порок подобен проказе – борьба с ним грозит борцу ле-

прозорием. Этим я владею. Что же неподвластно мне, чёрной птице с зелёной грудкой? Только та пустота, которая сильнее меня, потому что если она перестанет быть загадкой, то загадкой тут же станет всё остальное. Единственное, что я знаю о *той* пустоте, это бесконечное: не то, не то, не то. Отсюда производят ложный вывод, что она всеведуща, всемогуща, вездесуща. Но это опять: то, то и то – а она, холера: не то, не то, не то...

Ложь – не вина, а безусловный рефлекс, как насморк и чтение в ванне. Карать и миловать за неё – не стоит труда. Унылое дело. Тот, кто пошёл на мою песню, идёт дальше, и нитка бус внутри его превращается в такого примерно рода дрянь, какую производит кишечник.

Пожалуй, я знаю, как обойтись с ним. Я заведу его напевом на водораздел, где уклон на обе стороны, и в какую ни катись, всё равно попадёшь в область самым собой отсроченного ужаса. Приблизительно как если заснуть в ночном автобусе, проспять свою остановку и на кольце, когда тебя растолкали и пассажиры растеклись к разным дверям, выбирать – через какую выходить тебе, потому что стоишь точно посередине. Но какую ни облюбуй, а снаружи всё равно ночь, какая-нибудь заледенелая Гражданка, и никто уже никуда не едет.

Улица предала его. Всеми своими домами, деревьями, витринами, прохожими, чёрствым, как хлеб, асфальтом, мусором, жестью крыш, подвальными кошками, ларьками, плоскими лужами – всем-всем, что составляет плоть её, она его выдала. Но прежде, чем он бросится в бездну отчаянья, я вновь покажусь ему – я хочу с ним проститься. Ступай, дорогой, и пусть тебе навстречу не выйдет маска, под которой – гладыш (*Notonecta glauca*), способный выпить тебя через хищный хоботок. Ступай.

Жажда одиночества входит рывком, с низкого старта, как шлепок мышеловки. Вот потемнело небо, и я – одна. Всё остальное – всмятку. Когда-то греки умели болтать и торговать. И до того достали друг друга, что потоп перепал не только Огигу, но и Девкалиону.

Когда он подошёл к оживлённой улице Орджоникидзе, охваченной у перекрёстка пёстрым манжетом коммерческих ларьков, то заметил вдруг, что по небу катятся белёсые кочаны облаков того примерно вида, какой, будь он исполнен на холсте, глаз зрителя незамедлительно изобличил бы в нереальности. Наблюдение это ничего не значило, кроме того разве, что к подражанию природе принято относиться строже и с большим недоверием, нежели к природе собственно. За деловито урчащим препятствием, в имени которого слышался жестяной петушиный клич (Орд-джо-ни-ки-дзе!), Ленсовета, стремясь к варварскому совершенству бумеранга, плавно заби-

рала влево и здесь, почти вовсе безлюдная, вдохновлённая сопутствующим линии высокого напряжения пустырьём, зеленела уже напропалую. Тут были акация и барбарис, боярышник и калина, по-детски застенчивый ясень, клён и какие-то дикие травы,— благодаря им размашистые опоры проводов, за свой плебейский авангардизм невхожие в приличный город дальше передней, почти не раздражали взгляд нарочитой бестелесностью. Впрочем, от поворота до высоковольтной линии по прежним меркам была целая трамвайная остановка плюс ещё один перекрёсток, а это значит, что, одолевая путь туда, где царила перечисленная ботаника, его озаряли видения пустые и несущественные. Благодаря этому он, способный к отвлечениям, успел пересчитать рёбра на сорванном стручке акации и запустить репейником в кошку.

Отмахнувшись от безделиц за стёклышком калейдоскопа (калейдоскоп и клоунада, мистерия и сыск — это не путаница, это метафоры того, что оказалось недоступным точному описанию), он заглянул в зрачки настороженно присевшей кошке и с опозданием поймал себя на том, что, проходя мимо «трёх сестёр», даже не повернул головы в сторону своего бывшего дома, который стоял напротив в щели между яслями и общежитием школы профсоюзов. Ничего знаменательного в этом не было — слегка досадно, не более.

Некоторое время он довольно безыскусно размышлял о счастье, придя к честному заключению, что когда летом, после ванны, он стоит в свежем белье на тёплом ветру и ощущает своё чистое тело — это всё, что он о счастье знает. Но вскоре своеволие его было пресечено подзатыльником очередного сновидения, напомнившего, как однажды в зоопарке он долго стоял у клетки с вдумчиво копошащимся барсуком: зверь ему нравился, попутным фоном позади взрывались возгласы проходящих мимо людей: «Смотри-ка — барсук!», «О, барсук!», «Это кто? Барсук?» — и тогда наконец он впервые понял, что такое народное прозрение. Несмотря на свою принудительность, эта картинка оказалась мила, хотя и несколько тороплива. Вслед за ней, похожее на зимнюю аварию в теплосети, в нём широко и жарко разлилось новое воспоминание, и это опять была РЭ: в тёплой постели на выстуженной осенней даче, отважно выпростав на одеяло руки, они играли в «подкидного дурака» — проигравший должен был встать и приготовить завтрак.

Вскоре впереди показался приземистый аквариум станции метро. Возможно, это означало конец пути — в его случае он мог выглядеть как объявление приговора,— но здесь улица скопировала повадку предмета, у которого прежде позаимствовала форму, и, пропустив его через трамвай-

ные пути к галдящему и неприлично людному рынку, по нечётной стороне погнала обратно. И всё-таки точка была поставлена – он чувствовал это по гнетущей, некомфортной пустоте внутри, словно содержимое его было сожжено, а зола не выметена.

Как и следовало ожидать по симптоматичной опустошённости, обратный путь не приготовил никаких зрелищ, отчего выглядел будничным и немного унылым, хотя антураж улицы во всём оставался прежним. Теперь он чувствовал усталость, которая была чересчур поспешной: ему случилось проходить куда большие расстояния, совсем не тяготясь одолённым путём. Он словно бы разрушался физически вслед за распадом внутренним, но это проявлялось каким-то полунамёком, из-за своей пластичной неопределённости совсем нестрашным.

Так, под сенью хрущёвских пятиэтажек, имевших в своём показном неглиже довольно заспаный вид, он дошёл сперва до Орджоникидзе, а после и до яслей, частично заслонявших его бывший, выведенный горбатой Г, дом. К этому времени он чувствовал себя уже не то чтобы развалиной, но порядком износившимся и одряхлевшим, поэтому в выжженном пространстве своего естества, при виде места, где прожил годы, которым отчего-то принято отдавать преимущество перед остальными, не ощутил ровным счётом никаких движений. «Есть вещи, – подумал он, – которые нельзя поддержать: время, имя, забвение...» – но мысль схлынула, как возведённый из воды кулич.

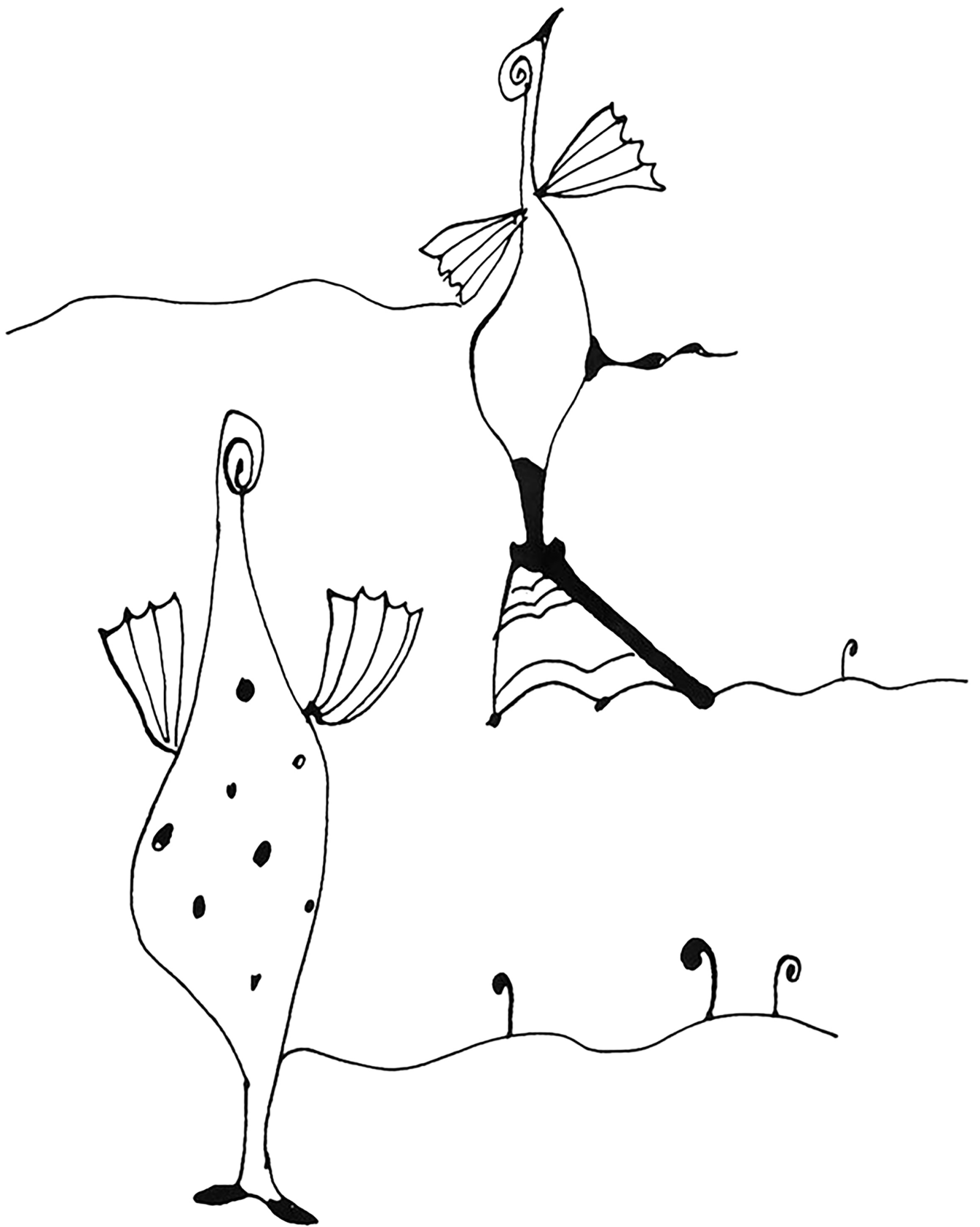
Возможно, будь он отпетым материалистом, он бы просто истёрся в пути, бесхитростно убыл до тлена, но этого не случилось. Разумеется, не сподобился он и преображения. Надо думать, ему как колеблющемуся были уготованы не тлен и не преображение, а некая изысканная лазейка, тугой винт чёрной лестницы, добросовестная петля Нестерова – словом, осведомлённое о своей природе и потому несуетное исчезновение.

На перекрёстке с Алтайской он кинул пустой взгляд в сторону несуществующей больше скамейки и на том месте, где стоял недавно сам, застигнутый врасплох пробуждением дремавшего чувства, вновь увидел девицу в чёрном платье с бархатным жилетом. Она неподвижно стояла на тротуаре, по-прежнему демонстрируя себя со спины. Над ней и немного впереди в полнеба клубилось что-то вроде тучи, не очень контрастной по краю, но у центра густой и тяжёлой. Двое прохожих на её стороне улицы замедлили шаг, и один из них, раскрыв яркий полиэтиленовый пакет, что-то поискал в нём – вероятно, зонт. Всё было довольно обыденно, но при этом не пресно – ведь он ничего не ждал и даже куда-то двигался, – как вдруг в своих опустевших глубинах он ощутил неудержимое желание за-

глянуть в уже однажды ускользнувшее от него лицо. Отчего-то это показалось важным.

Нетвёрдо, уже совсем по-стариковски сойдя с гранитного поребрика на асфальт, на это в целом дружелюбное пространство, где машины понимали толк в паузах, заботливо позволяя своим следам простыть, а дымам осесть, он сделал шаг в сторону вожделенного объекта – и ничего не случилось. Собственно, иного он и не предполагал, поэтому продолжил путь и дошёл уже до тусклых желобков рельсов, когда внезапно из полунебытия возник абсолютно реальный трамвай и, с опозданием издав перепуганную трель, накатил на него всю гремящую тушей.

Когда он поднялся, то, кроме подоспевшего страха, почувствовал в теле упругую лёгкость, хотя уже нипочём не помнил, почему должно быть иначе. Трамвай, слегка покачиваясь из стороны в сторону на разбитых путях, убегал в перспективу улицы, теперь как будто сделавшуюся роднее. Небо над городом было безоблачным и призрачно-вечерним, асфальт под ногами – сухим. Сзади доносился кисловатый запах разливного пива. Он отряхнулся и посмотрел вперёд: от притаившейся за газетным киоском скамьи навстречу ему бежала РЭ... И тут ангел любви нажал кнопку «play».

Евгений Морозов

Гармонист

При помощи глотки и нищей гармонии
среди свадебных дел и непрух
мужик-музыкант и бедняга в законе
ласкает общественный слух.

В горошек рубашка, меха нараспашку,
беззубо расклеенный рот,
и прямо к подножью в побитую чашку
прохожий ему подаёт.

И нет ничего в нём такого, как вроде,
поющем на тему одну,
но этим же самым в снующем народе
задевшим живую струну,

хоть знают, по нотам сзывающим судя,
о том, как он густ и непрост,
бездомные звери, бывалые люди
и птицы с насиженных звёзд.

Про розы, весну и приморские скалы
он хрипло заводит тоску,
что тонет у берега чёлн запоздалый
и чьи-то следы по песку,

а в общем-то, остров судьбы, где хоть тресни
и спасшихся как ни зови,
но всё в одиночестве слушаешь песни
о времени и о любви.

Здесь нет ничего, что б роднило со смыслом,
и память о прошлом плоха,
а только лишь пальцы по клавишам быстрым
и рвущие душу меха.

Родина

Боязливый край, где тyani-давай
из земли, которую дождь мусолит,
я вкусил твой солнечный каравай
родовой мякины и грубой соли.

Выходил народ из густых широт,
предлагал наместнику с ликом мутным
распальцовку, труд свой и гулкий рот,
умирая в ночь и рождаясь утром.

Он не то, чтоб спорил с лихвой-судьбой,
по грязи простуженной сея семя,
а стоглаво горбился сам собой,
продолжая жизнь и седое время,

и крестились серые трудодни,
жёлто-красный обморок красил лето,
и в груди тревожилось от возни,
провожавшей в прошлую тьму всё это.

И как колос спела моя любовь
к рядовым полям и зубастым кущам,
где от зверских свар и людских ветров
приходилось круто ещё живущим.

Это был распаханый каракум,
а точнее, край света, где смерть встречала,
за каким кончался последний ум
и звезда на небе брала начало.

* * *

Там, где вечно срочны и злополучны
монументы времени – города,
и толпой прикрыта да ночью тучной
худоба твоя и твоя беда,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

у тебя есть ветер, сквозь даль бегущий
и созвездья гроздьями наверху,
о каких насущно для правды пущей
говорить стихами как на духу.

Не смотри, что спрятаны водоёмы
ледяною коркой над спящим дном.
Это край молочный, и здесь ты дома,
а не где-то поздно в миру ином.

А что ты в уме и вдыхаешь пробы
продувных просторов и непогод –
наилучший способ и довод, чтобы
посчитать счастливым минувший год.

* * *

Как ни бойся легко
на удобренном смертью погосте,
а всосёшь молоко
лютой жизни у матери-злости
и в отчаянный час
зуд обиды, как порох рубахи,
разорвёшь напоказ
в богадельне, дурдоме, на плахе.

Ты, лесная струна,
звонкий нерв перемены мгновенной,
о тебе тишина
оглушённой сияньем вселенной.
Ты над строчкой в листе
чертишь звёзды нажимом железным,
что, увы, ещё те
и зовут к неразгаданным безднам.

О тебе скажет всяк:
«Пусть он странен, но это знакомо.
Да и мало ль бродяг
и участников для лоходрома?» -

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

и похерит тебя,
и ломает, присыпав травой,
по затылку скребя
пятернёю своей трудовой.

Но его правоты
недостанет, едва, как ни странно,
всё, что пережил ты,
возвратится в осаде тумана,
в громе ливня и льда,
в гулком ветре, по осени спетом,
в то, чем был ты всегда,
но стыдился признаться об этом.

* * *

А нужен ли был свистящий
с балкона вниз головой
игрушечный-настоящий
и даже ещё живой,

с обрывочною мольбою
сходящий теперь ко дну,
утративший под собою
опору и всю страну

смирительный человечек
в миру, где чума да спесь,
с пожаром на сотню свечек,
что вышел куда-то весь,

оставшийся отморозком,
который вдруг, сам не свой,
растёкся арбузным мозгом
по праздничной мостовой?

Марат Багаудинов

Соседка по купе пропахла дошираком
У проводницы сыпь и нос совсем кривой
Мне безразличны все вокзалы и бараки
Я еду навсегда из кирова домой
Я не могу уснуть и кажется не буду
Похмелье и угар летят из котелка
Как будто довели непьющую гертроду
Навязчивый бг свисает с потолка
Давись оно конем давись оно плацкартой
Давись оно купе держись оно держись
Молчи не подавай от финиша до старта
Молчи под покрывалом всю большую жизнь
Соседка по купе в наушники дослушав
Какое-то говно отчаянно храпит
А темнота с окна заглатывает душу
И от того душа безудержно болит.

Новости часа.
Случилась ужаснейшая трагедия
Что-то разбилось в пути с ленинграда ли в амстердам
Сотни людей выживших нет по ссылкам масс-медиа
Спецборт МЧС несет траур по поселкам и городам
Новости часа.
Все службы срочно мобилизованы
На месте трагедии рыщут скорые ищут еще живых
Ходят слухи кого-то находят чаще парализованных
Чаще поломанных бесперспективных кривых косых
Новости часа.
Только на нашем канале самая свежая правда
Над местом крушения жители видели свет
Спорт культура погода опознание тел на завтра
Кстати
Согласно последним данным погибших нет.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Зачем отбираешь грубо так оголтело
Самых любимых таких молодых красивых
Смотрите там кино понятное дело
Пьете наверное с облачной пеной пиво
Здесь тоже кинотеатры и кабаки
И пиво я полагаю ничуть не хуже
Но каждую ночь смотрим как дураки
В небо на всякий случай ни с кем не дружим.

Никого счастливее мишки кажется машеньке он мил
Кажется он готов ждать ее до самого эпилога
Кто-то каждое утро пил молоко из моей кружки и разбил
Теперь я пью из другой кружки у меня их много
Мишка тщательно гримирует лицо машенька часто бьет
Ни одной мысли не водится в рубцующейся голове
Кто-то каждую ночь спал на моей кровати и сломал ее
Я теперь сплю на другой кровати у меня их две
Машенька запилась и повесилась мишка зовет гостей
Слышали говорят перед смертью машенька залетела
Кто-то каждый день разводил мою жизнь своей
Что мне теперь делать?

Вспоминаю вздущуюся собаку рядом со станцией метрополитена
Переступаю через нее боюсь что случайно ногой задену.
Мертвая дура сколько людей должно быть обескуражила
На ней ничего не зажило
Сейчас как тоска достигнет предела
Иду туда ищу ее мертвое тело
Хочу взять на руки
Отнести подальше
Засыпать листьями
Поставить палку

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

В бесконечность стремятся худые и бледные ноги
В ожиданье порока стремятся за новый порог
Одинока и я одинок значит мы одиноки
Это лучше чем ты одинока и я одинок
Между строк между ног односложно и однообразно
После нас не отпустят отпетые нами грехи
А давай одинокая сделаем маленький праздник
Почитаем друг другу стихи.

Я практически дом но никто во мне не живет
Приходят квартиранты уходят чаще нагадив.
Выплывай потом из себя мусор который год
Стоишь себе и гниешь чего собственно ради
Хозяин мой посмотри на одних подпорках
Только и выстояла но до сих пор обаятельна
Ты полюбишь все мои окна каждую створку
Осязательно.

Новый год
Детский сад
Белки в ряд
Зайцы в ряд
Мальчики-зайчики
Девочки-белочки
Хвостами размахивают и смеются
Кто-то большими хвостами кто-то куцыми
Повырастают белочки
Поразгрызают плевочки
Будут сожительствовать с зайцами
Или с другими белками пальцами
Может быть нарожают вавилов отдыхает уродцев
Им уже в свою очередь выбирать придется
Кем быть

В коробке с карандашами
Заяц с большими ушами
Очень тяжелая крышка
Никак не поднять зайчишке

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Ты лежишь, как улитка без домика
Полупрозрачная телом
В невесомой своей реальности
Белой-белой
Никому не показывай свою слабость
Слабак
Если ты захочешь
Все будет именно так
Как ты хочешь
Главное не испугаться
Узнать
Простить
Что все вышло совсем не так
Как должно было быть

Если ты захочешь,
Фениксом станет любой Евклид.
Родит Лобачевского
После того как сгорит.

Проигранный день как последний и главный бой.
Дальше темно да куда уж темней и глуше
Хотя бы минуту будь честным перед собой
Ты же себе пусть в эту минуту
Нужен

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Дмитрий Сопыряев

* * *

стоит стопка
а в ней водка
я тут подумал
проходя мимо
посмотрел внутрь
не увидел осадка
значит в порядке
страна
и все вскопаны
грядки.

* * *

Умер
ум из мер
вышел
личина всего
лицо

* * *

Я знаю
вырастит трава
там где её нет
всегда вы
вырвете свет из рва
вырвете из рта знак
Ка

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

ВОТ

ВОДА

ВОДА ВОДА

ВОДА

ОДНА ВОДА

ОНА

ОНА ОНА ДЫРА

ДЫРА ДЫРА

ДЫРА

НЕ ПОМНИТ ЛИЦА

ЗАТО ВОТ ВОТ

ОНА ВОДОВОРОТ

* * *

В ТРАВУ

УПАЛА ШИШКА

И ЕЩЁ ОДНА.

* * *

Я БУДУ

ВОЗДУХ ЖЕВАТЬ

ХУДОЖНИК БУДДА

В ПУСТЫНИ ВЕРБЛЮДА.

* * *

Бумага

исписана _+_23;56-+)(?45№*

знаки в хаосе

х-а-х-а-х-а

скрестила крылья оса

боса бумага ума

* * *

туман — область сна

в облаках дум

дума — зеркало пустоты

в тумане слов

слово — любовь букв

в дыме тишины

тишина

* * *

В мире людей

Даже дикой колючке

Негде приютиться.

* * *

Растаял снег

Так и не испачкавшись

За всю зиму.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

* * *

Пришла зима
Появились лунки в снегу
И жёлтый налёт.

* * *

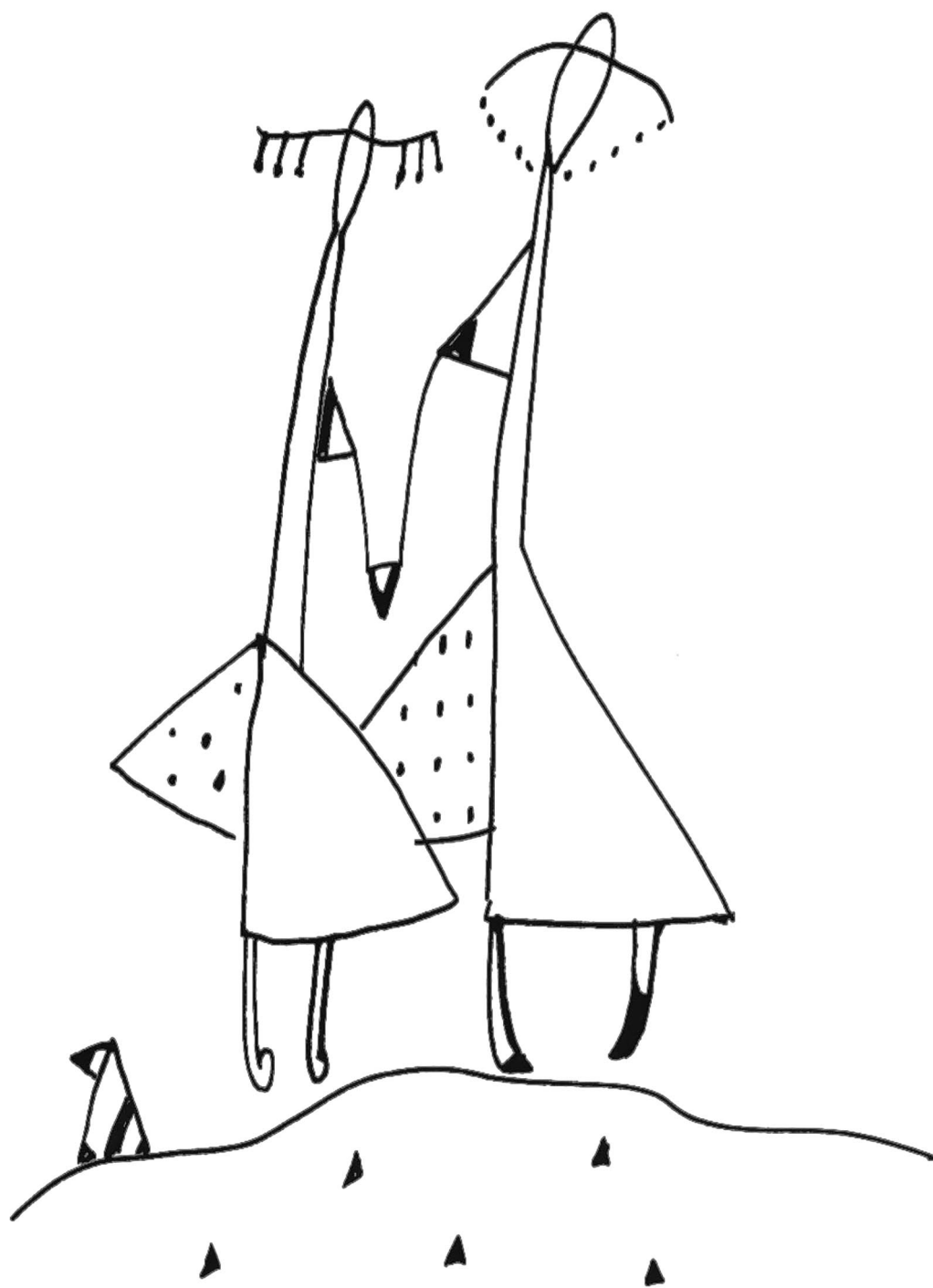
У стихов не должно быть рифмы
у стихов не может быть ритма
все стихи сливаются в тишину
потому-потому
я сам один выдумал мир

* * *

вот говорю-говорю
говорю-говорю
говорю-говорю
говорю-говорю
вот-вот
вот-вот
вот-вот
вот замолчал
молчу-молчу
молчу-молчу
вот-вот-вот
вот-вот-вот
а чего я сказал
а чего я сказал
сказал-сказал
а чего я молчал
молчал-молчал

так наверное надо
так верно
так

говорю-говорю
говорю-говорю
говорю
нет гОворю
не говорю.

Андрей Князев

Лестница на землю

1.

Сколькими днями, месяцами, веками измеряется у женщины "завтра"? Сколькими захочется, столькими и измеряется. Ещё Адам у Евы всё спрашивал:

- Любимая, когда?

А она яблочко догрызёт... В кого-то из купидончиков, как мухи вокруг неё вьющихся, огрызком запустит... И говорит:

- Завтра.

А Адам же верит. Цветов нарвёт, нектара нацедит, набедренную повязку в стрелочку отгладит. А она опять:

- Завтра приходи.

И так каждый день! Хорошо жилось Еве. Бог только надоедал. Выйдет на видеосвязь с орбиты и орёт:

- Что такое?! Я кому сказал плодиться и размножаться?!

Но Ева сшила чудный чехольчик - очень красивый - натянула на Терминал, с которого Господь вещал, и выкинула из головы всю эту ерунду. Этот чехольчик, кстати, до сих пор на него надет - на Терминал Господень. Иначе Бог нас так и доставал бы своими инструкциями. Но Бог хитрый. Послал на Землю суперагента Своего Сатану. Специалист обернулся змеем, приполз к Еве и стал морочить ей голову всяким псевдобуддистским бредом: тантра там, мантра, фри-лав, целый монтерейский фестиваль для неё организовал, где ангелы изображали толпу хиппи, а архангелы Михаил и Гавриил гитарами крушили усилители.

- Это кто? - Спрашивает Ева. - Вон тот, в пончо, симпатичненький.

Чует Сатана - лёд тронулся. Сделали Адаму химическую завивку, намазали гуталином для большей крутизны, дали "фендер" и на сцену выталкивают. Адам упирается.

- Я же не умею! - Кричит.

А Сатана ему:

- И не надо! Просто раскурочь её на хрен, гитару эту. Ева это любит.

Ну, Адам так и сделал. Как треснет гитарой об сцену! Сначала так, понарошку, а потом в раж вошёл и давай над инструментом глумиться. В конце концов облил бензином и поджёг. Ангелы-хиппи визжат от восторга, Адам им со сцены фак показывает - успех грандиозный. А Ева плачет.

- Ну, что за дурак?! - Говорит.

ПОСТСКРИПТУМ

Понял Сатана, что перестарались они с Адамом. Пробовал он пичкать Еву разными афродизиаками. Добился определённого эффекта. Ева таки возлегла. Только не с Адамом, а с самим Сатаной. Хорошо, хоть Бог ничего не узнал. Осталось бы от Сатаны мокрое место.

Побарахтались на славу! В момент, когда слугитель Господень с диким воплём исторг в Еву своё адское семя, Адам, отдохавший под смоковницей, в другом конце райского сада, проснулся весь в слезах. Ему снилось что-то ужасное - он никак не мог вспомнить - что. И хорошо, что не мог. Ещё утопился бы!

С тех пор всё у Сатаны пошло вкривь и вкось. Сколько не пытался он поведать Еве о духовной красоте Адама, его нравственном совершенстве, напомнить о безукоризненной форме его литых мускулов, длине и пушистости ресниц, румяности щёк, добром сердце и спортивных достижениях - кончалось всё одинаково. Ева говорила:

- Надоел твой скучный Шварцнеггер. Иди ко мне, змеючка! Снимай уже своё противное пенсне! Ты так смешно шуришься!

И Сатана, не в силах противостоять напору нежных и настойчивых ручек, снова грешил с Дщерью Божей.

Понимая, что ему всю светит гауптвахта, Сатана решился на крайние меры. Ночью нанятая им шайка кобольдов похитила Еву, затащила в самый глухой уголок райского сада, привязала к дереву и стала всячески стращать. Получалось так себе. Ева, в восторге от такой весёлой игры, хихикала и радостно верещала. Тогда Сатана, решив добавить хардкору, обернулся циклопом и с устрашающим воем ворвался на полянку. Кобольды брызнули врассыпную. Ева испуганно ахнула. Нависший над нею циклоп гнусно захохотал.

В этот момент из соседних кустов с треском вывалился Адам, вооружённый сверкающим мечом и, спотыкаясь, бросился на чудище. Меч для спектакля Сатана одолжил у Гавриила. Адам, естественно, не был посвящён в сценарные тонкости. Режиссёр ограничился тем, что послал ему видение Евы, которую куда-то волокут мерзкие карлики. Меч был подброшен под смоковницей, где тоскливо коротал время Адам - так, чтобы нельзя было пройти мимо, не споткнувшись.

Взглянув на Адама, Сатана невольно поморщился. Несчастный явно продирался сквозь кусты, не разбирая дороги. Весь взмокший, исцарапанный, с колючками в волосах и к тому же прихрамывающий - об меч он, похоже, споткнулся в буквальном смысле. Да и морда могла бы быть менее заплаканой.

"Ну, да ладно. - Вздохнул любимец Господа. - Зато прёт как танк и ревёт как буйвол. Будь я юной девушкой, попавшей в беду, отдался бы такому спасателю без разговоров". Некоторое время мнимый циклоп скакал вокруг наседавшего на него Адама, злобно воя и совершая угрожающие движения.

"Да у паренька талант! - Подумал Сатана, когда меч просвистел в опасной близости от его левого уха. - Самое время смыться!" Циклоп взревел напоследок и исчез в густой чаще. "Ну уж в такой ситуации Адам своего не упустит!" - Ликовал будущий владыка преисподней. Его бы устами - да нектар расхлёбывать.

- Адам!!! Опять ты всё испортил! На самом интересном месте! - Отчитывала Ева освобождавшего её Адама. - Такой был смешной уродец! Лопухий такой! И где мне теперь его искать?!

Оглядевшись, Ева целеустремлённо направилась по следам беглого циклопа. Адам печально смотрел ей вслед, опираясь на меч. Сатана в кустах закрыл лицо руками.

2.

После этого случая Сатана окончательно утратил веру в исполнимость своей миссии. Наплевав на волю Господа, он блудил с Евой, пил с Гавриилом и Михаилом, а утром, с похмела, учил Адама играть на последнем уцелевшем после Монтеррея "стратокастере".

Адам пребывал в депрессии. Он почти не спал из-за навязчивого кошмара, в котором Ева совокупляется со змеей. Совершенно забросив физкультуру, парнишка целыми днями сидел под смоковницей и разучивал "Лестницу в небо", надеясь впечатлить Еву этой нудятиной.

Сатана тоже не слишком веселился, находясь в тоскливом ожидании неизбежных оргвыводов. Последние не заставили себя ждать. В один прекрасный день (а других в раю предусмотрено не было), Ева получила краткое послание с самого верха, в котором сухо сообщалось, что она уволена из рая в связи с сокращением штата. "Прошу покинуть территорию Сада в течение двадцати четырёх часов. Господь." - Значилось в конце письма.

Котомочку со всем необходимым собрал для Евы архангел Гавриил. Он же, смахивая скупую слезу, проводил её до выхода за периметр. Здесь для проводов Евы собралась целая делегация. Михаил вручил изгнаннице мешок сушёных фиников и поцеловал в лоб. Рафаил собрал походную аптечку и долго наставлял, какие травы помогают от каких болезней, и чтобы не тащила в рот немых фруктов.

ПОСТСКРИПТУМ

- Это у нас всё стерильное, а там - микробы сплошные! - Тревожился архангел.

Находящаяся в прострации Ева слушала в пол уха. Как она потом об этом жалела! Уриил снабдил девушку душеспасительной литературкой. Купидончики смастерили композитный лук и приличный запас бамбуковых стрел, а Гавриил прикрепил на пояс девушки десантный нож.

- Ты только это... - Посоветовал архангел. - Если встретишь кого крупнее крысы... Сразу убегай! Не поможет он тебе, ножик этот... - Гавриил всхлипнул и утёр бородой очередную слезу.

В последний момент прибежали кобольды. Для такого случая карлики не поленились завалить небольшого дракона и из его шкуры сшили девушке прелестные сапожки. Рафаил только руками всплеснул:

- Что же это мы, архангелы? Обо всём подумали, а девушку в агрессивную среду чуть босиком не отпустили! Вот к чему приводит привычка передвигаться по воздуху!

Гавриил пожал плечами - мол, помогут ей ваши сапожки - до ближайшей стаи голодных тушканчиков добраться...

Сатана проводить Еву не пришёл. Ну что ещё сказать про этого бездушного карьериста?! Впрочем, справедливости ради надо отметить, что он в тот момент был страшно занят. Ему, в отличие от Евы, дали второй шанс. Учили усердие и готовность "искупить кровью".

От Адама всю эту суматоху, естественно, скрыли. И без Адама там слёз хватало... Он сидел под своей смоковницей, дёргал за струны и фальшиво сипел на древнееврейском: "And she's buying a stairway to heaven..."

В конце концов Адам узнал о случившемся. Кто-то из архангелов (до сих пор неизвестно, кто), устав наблюдать, как Адам бежит по райскому саду и зовёт Еву, рассказал ему, как обстоят дела. Дальнейшие события архангел Гавриил, разливая по стаканам самопальный нектар, охарактеризовал ёмкой фразой "началось в колхозе лето". Истерики, голодовки и битьё головой о смоковницу следовали друг за другом в разных последовательностях и вариациях.

Сатана, на петлицах которого ощутимо поубавилось ромбиков, регулярно мотался на орбиту и по возвращении всякий раз клялся, что Старик работает над этой проблемой, буквально бросив Галактику на произвол судьбы.

- Осталось потерпеть пару дней. В крайнем случае, неделю. Главное, чтобы остолоп за это время не убится. Так что оттаскиваем его от смоковницы и не пускаем к ручью. А потом всё наладится - вот увидите.

ПОСТСКРИПТУМ

Дни шли за днями. Старик работал. Сатана обещал. Адам постепенно утихомирился. Он даже попросил Михаила починить "стратокастер", который сгоряча разбил о смоковницу. И вот, в один прекрасный, как обычно, день Сатана позвал Адама на площадку перед казармой архангелов. Обычно архангельское воинство проводило здесь смотры строя и песни, а по праздникам - торжественные мероприятия. Адам прибежал весь в мыле.

- Она вернулась? Вернулась? - Лепетал он без конца.

- Адам. Мы это уже обсуждали. - Сказал Сатана, облаченный в парадное одеяние. - Старик о твоей Еве больше слышать не хочет. Никто не любит вспоминать о своих провалах. А Старик - в особенности. Скажи спасибо - кстати, мне - что её вообще не распылили. А то он собирался. Да ладно, дурашка! Сейчас ты забудешь про свою Еву! У меня... то есть у Него (Сатана ткнул пальцем в небо) есть для тебя подарок...

Он взмахнул платочком и из дверей архангельской казармы, на плац снизошла она. Это было что-то с чем-то. Не женщина, а шедевр порноиндустрии! Асфальт плавился у неё под ногами, а Сатана глотал воздух, на время лишившись дара речи. Архангелы столпились у окон.

- Кто это? - Спросил Адам слабым голосом.

- Познакомься, родной. Это Лиличка. Лиличка, это Адам. Тебе про него рассказывали. - Торжественно представил новенькую Сатана.

- Здравствуй, Адам... - Сказала Лиличка бархатным голоском.

- Здравсьте. - Сказал Адам. - А вы случайно не знаете, где Ева?

Сатана просто подпрыгнул от негодования.

- Опять двадцать пять на десять в семнадцатой степени! - Выругался он по арамейски. - Адам! Побойся сам знаешь Кого! Зачем тебе Ева?! Вот же! Новая версия! Улучшенная и дополненная. Посмотри, до чего улучшенная и насколько дополненная!

- Не буду смотреть! - Зажмурился Адам. - Никого не хочу! Только Еву!

- И не надо смотреть. - Сказала Лиличка, проведя рукой по лицу Адама. - Так даже лучше.

- Всё равно не хочу! - Буркнул Адам.

- Представь, что я - это она... - Шепнула Лилит и легонько укусила его за ухо.

В тот день Адам стал мужчиной. Счастья это никому не принесло.

3.

Адам целыми днями сидел под смоковницей и выводил на своём "стратокастере" нечто совсем уже безнадёжное. Когда приходила Лиличка,

ПОСТСКРИПТУМ

он быстро совокуплялся с ней и уходил. Девушку такое отношение, мягко говоря, не радовало. Целыми днями она таскалась за Сатаной и прочими архангелами в надежде, что её полюбят и утешат. Бедное дитя - она была создана, чтобы дарить любовь - и ни для чего больше. Она никак не могла понять, почему её дары оказались отвергнуты. Ведь она так старалась! Адам думал только о своей непонятной Еве - и сколько Лилит ни билась, достучаться могла лишь до его тела. Но разве такая любовь - настоящая? Разве для этого её создали?! Архангелы делали вид, что не замечают Лилит - никто не хотел терять работу ради минутного удовольствия.

Постепенно она ушла в себя. Стала уходить всё дальше вглубь сада... И всё реже навещала Адама, которого такое положение дел, очевидно, вполне устраивало. Так продолжалось, пока Лилит не повстречала шайку кобольдов... История их бурных отношений, полных чувственности и ненасытной страсти, довольно точно изложена в сказке "Белоснежка и семь гномов". Только в роли королевы-ведьмы в нашей истории выступали божьи посланники, получившие приказ уничтожить мятежную тварь, а прекрасным принцем, который вывел девушку из анабиоза, был кто-то из потомков Адама, известный медик, чуть ли не сам Эскулап. Говорят, что после этого Лилит долго и счастливо жила с Эскулапом, его ассистентами, учениками и поваром-финикийцем. А потом - с учениками учеников. В смысле - учеников Эскулапа. Хотя - кто знает - возможно, она и учеников повара-финикийца не обижала. Всё это были милейшие люди, вполне достойные её даров, а главное - готовые с благодарностью их принять. Говорят, она дожила до глубокой старости, оставаясь всё такой же прекрасной, и умерла, тихо уснув после очередного любовного экстаза - отдав последнюю каплю того, для чего была создана.

Впрочем, всё это было намного, намного позже. А нам пора вернуться к истории безутешного Адама.

* * *

Ошибка Сатаны была в том, что он расслабился. Поверил, что дело в шляпе. Он понимал, что Лилит не оправдывает возложенных на неё надежд, но кризис, по его мнению, уже миновал. Успех предприятия был лишь вопросом времени. Либо Адам постепенно привыкнет к Лилит и дело у них пойдёт веселее, либо Господь подгонит новую куколку и Адаму она понравится больше.

- Малыш, пойми, - говорил он Адаму, - баба - товар серийный. С этой не покатило - новую смастрячим. Старик над этим уже работает. Я

ПОСТСКРИПТУМ

видел проектную документацию. Там от одних блок-схем яйца взрываются!

Что касается других архангелов, то после изгнания Евы они практически не просыхали. Всё висело на одном Сатане, а он пустил дело на самотёк. За что и поплатился.

* * *

В один из очередных прекрасных дней Сатана заметил, что у него на душе как-то особенно светло. Это было довольно необычно, и любимец Господа задумался над причиной такого феномена. Наконец, он понял в чём дело. Мерзкие, душераздирающие звуки "стратокастера" наконец-то утихли. Сатана улыбнулся, перевернулся на другой бок и уснул.

Ему снилось, что он Адам. Работать больше не надо. Все о нём заботятся, носят, как с шедевром евгеники. Баб у него - не счесть. И Старик всё время подгоняет новых. Сатана смеялся во сне как ребёнок.

Проснулся он от того, что ему по-прежнему хорошо. "В чём дело?!" - Подумал он и вскочил с раскладушки. В райском саду было тихо. "Стратокастер" молчал, но теперь эта тишина показалась Сатане зловещей. Он выскочил из казармы в одних подштанниках и бросился к смоковнице, под которой обычно обретался Адам. Там было пусто. "Стратокастер" стоял, прислонённый к отключенному комбарю.

Сатана отыскал грустящую у ручейка Лилит. Девушка бросила на него полный надежды взгляд, но у Сатаны не было времени издеваться над несчастной нимфоманкой.

- Адама видела?

Лилит покачала головой, печально глядя на него своими огромными глазами.

- Когда он последний раз был с тобой? - Спросил Сатана.

- Не помню... Пять дней назад... Или семь... - Меланхолично ответила девушка.

Сатана бросился к казармам - будить сослуживцев, но пьяные скоты только мычали и спросонок кидались в него огненными шарами.

- Полудурок сбежал! - Кричал Сатана, но никому не было дел до его очередного провала - лишь тревожно кричали райские птицы.

* * *

Адам бежал из рая, ведомый отчаянием. Он был уверен, что найти любимую в огромном внешнем мире, даже если она жива, будет ему не под силу.

ПОСТСКРИПТУМ

- Всё равно! Я буду искать её, даже если на это уйдёт вся моя жизнь!
- Бубнил под нос неисправимый романтик, пробираясь звериными тропами.

К счастью, поиски Евы оказались не таким уж трудным делом. Девушка оставляла за собой след, который при желании можно было видеть из космоса.

Там, где прошла Ева, горели леса - печальное следствие плохо затушенных костров. Там, где лесам посчастливилось уцелеть, путь Адаму указывали разорённые птичьи гнёзда, разбросанные всюду рыбы кости и панически разбегающиеся тушканчики. Адам шёл по этому следу и дым пожарищ безошибочно подсказывал - любимая уже рядом!

Однажды, когда он едва успел отскочить с пути стада перепуганных ослов и стал спускаться к берегу видневшегося сквозь деревья озера, до его слуха донеслись слова печальной песенки на дикой смеси иврита и идиша.

Сердце Адама забилося так, что стало больно. Ева, в наряде из шкурок тушканчиков, стояла по колено в воде, сжимая в руках острогу, сделанную из палки и архангельского ножика. Не прекращая стенать, девушка хищно высматривала снующих в воде форелек. Когда одна из них имела неосторожность приблизиться к ногам Евы, девушка хищно улыбнулась и занесла над ней своё орудие... В эту минуту из кустов с треском вывалился Адам. Ева испуганно оглянулась. Форель стрелой унеслась на глубину.

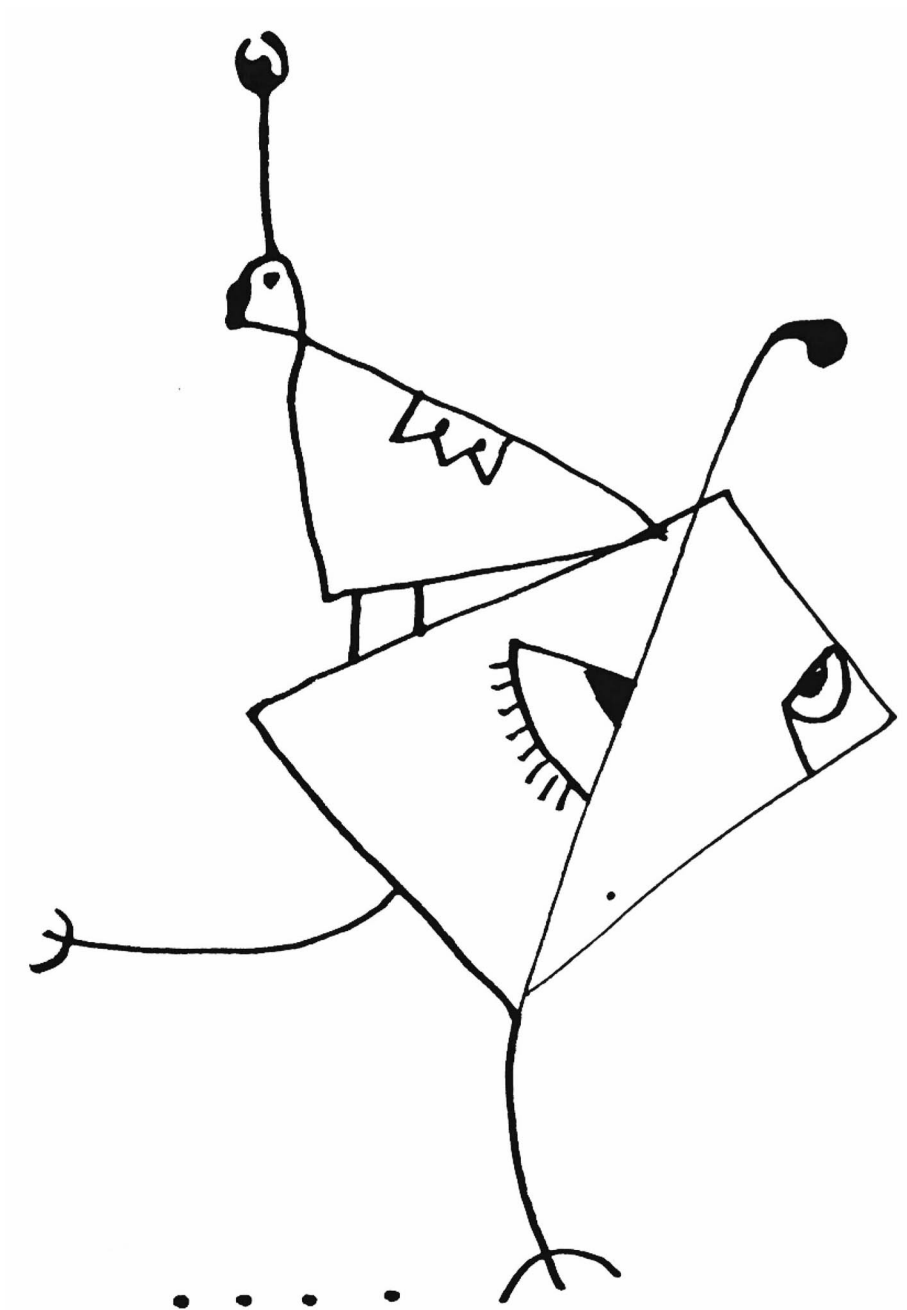
Вскоре Адам узнал, почём фунт лиха. Его обвинили во всём. Во всех бедах Евы - начиная от изгнания из рая и кончая упущенным ужином. И, конечно, во всём были правы! Он смотрел на неё, молчал и улыбался от счастья. Перечислив по несколько раз все свои муки, раз десять назвав Адама гнусным предателем, раз двадцать - сопливым клеветником, а также - ослиным идиотом, вершителем гнусных дел, средоточием порока и сосудом греха, Ева ненадолго замолчала. Затем она ещё раз назвала Адама ослиным идиотом и раза два - нечестивым безумцем. Адам сидел на берегу, молчал, любовался Евой, купался в звуках её голоса и улыбался как ослиный идиот. Ева помолчала, не зная, что добавить к сказанному.

Наконец, устроившись на траве возле Адама, она буркнула в качестве последнего обвинения:

- У меня даже ноги замёрзли! - Забралась под его одежды из козлиных шкур и крепко прижалась к тёплому, как печка, мужу.

Когда солнце погрузилось в воды на другом конце озера, а по темнеющему небу *пролетела падающая звезда*, завтра уже наступило. В тот день оно не стало дожидаться полуночи.

(2015 г.)

Андрей Бауман

РОЖДЕНИЕ РЕЧИ

Время так бли́зко
что можно коснуться его — ресницами,
ощутить сердцебиение его флейты
в боярышниковом дожде
в оленьем солнце
в черепичной двускатной тишине
прорастаемой дыханием вина и хлеба
движутся всходящие волны осязания
перезвончатокрылое прозрачное молоко
нарождающейся речи
антифонный хитиновый плеск трепетанье
янтарного пламени
где ладони поцелуем касаются губ
и солнечных волосков на солоноватой коже и вещества
из которого соткано время
время становить яблоневую литургию земли
время сшивать слюной меру времени

ПОЛЯ

В перекрестье рук
минные поля рассвета
когда-то неразрывно цветущие к ладоням
но обесцвеченные до немоты
их рассекают тела без тени
пробуя раскаленными ступнями
по влажному шелесту смерти
беззвучному, выбеленному шуму
вынутая земля похоронена под ногами
оголенная чернота
расстилая запекшийся пот лепестков
свежескошенное дыхание
время
пьет прогорклый воздух пересохшим взрывателем
и дети кормят его из ладоней

забинтованных оскольчатый светом
взросленья
кормят бедренной костной землей
пластунски распределенным весом
предстояния

рассветные поля голодны
в мертвом животе безошибочно сработано время
пора
обними тех кого ты коснешься
перед восходом

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЯ

Одиссей возвращается в сумерках
на поседевшую от разлуки родину-остров
потрескавшийся дом зарос крапивой и чертополохом
и полевым огнем.

давно осекся детский смех и умер собачий лай
и нет больше старой кормилицы
которая бы узнала его по возлюбленному шраму

он раскладывает черствый хлеб
и потускневший сыр
совсем мягкий от стариковских слёз
тень того нежнейшего Полифемова сыра
отжатого грубыми пастушескими руками
слаще которого не было ничего на свете

волны равнодушно бьют в берег
образумленного, необретенного сердца
и гаснут

в его изборожденной коже
вся долгота пространства
и в складках век собрано тучное время
в его горсти все моря и всё троянское золото
но нет никого
с кем бы перекинуться словечком
посреди отрешенно катящегося безмолвия

ПРИЛИВ

Море идет через кроны
по стволам анфиладам артериям
поднимается внутрь слов
приливает к вискам
к яснееющему нёбу
к родниковому свету темени
в древний чешуйчатый слух зодиака
в серпокрылую радужку ночи
в бархат спиральных касаний
прилив обволакивает кожу рождений и тел
по венам поднимается море
красное белое море
эритропозтика рдяных и мраморных солнц
омывающих космос
в сердцевине черного моря
с первым, непроглядным отливом
расходящегося кругами новорожденных галактик
морские звезды плывут над городами
птицы пульсируют по зеркальной изнанке океана
под глубокой поверхностью неба
под мерцающими сводами артерий
в которых идет
через кроны и плавники
через колонны и снопы встающего света
через колыбельную черноту вселенных, разжимающихся в
биении сердца
малиновый прилив
восходящее море

СОЛНЦЕ

I. ХИРОСИМА

сердце сбивается с горизонта
катится по остро/угольным горьким нагим ладоням
неподвижное
в неподвижном центре дня
время вынуто из протяженной субстанции боли
время вынуто из тростниковой кожи
черное солнце стучит в пепел
в бесшумную стену крика
полоснувшего по стенозным пустошам
мгновенным сырым лезвием света
черные языки неба сходят в бесполые чаши тел
роговой музыкой подкожной смерти
стеклянной позолотой золы
в распыленной соломенной тишине
запекшиеся экскременты на шагреновой ткани
вывернутой глазами в огонь

обсидиановые двойни
переплетенные полыми пуповинами вен
мы слиплись друг с другом
в вишневое цветение
плазменное близнечество
срастворенная
 обретающая братьев
обратная пыль
предоплатная пыль истории
забитая в рты городов
мы одно солнце
 одна земля
 одно пылающее равноденствие

II. ДРУГОЕ СОЛНЦЕ (Судный день)

Огонь творится в гранях полустертых,
питая полыхающий простор
тысячекратным хлебом новоселья,
когда двустворчатое солнце мертвых
вплывает в кругосветный коридор
и заполняет медленную землю,
переливаясь через берега,
растущее в беспмятных аортах
из мироточных, медоносных вен ли,
из древних ли, древесных, давних пор,
из светового ли березняка
и говора воды берегового...
Но тот огонь — уже не из частиц,
он весь — глаза, весь — миллиарды лиц,
и каждое

Лидия Чередеева

*Мы всегда переживаем
больше, чем осознаём.*

С.Н. Титов

* * *

Мы всегда переживаем
больше, чем осознаём.
Нас волнует то и это.
Тень настенного предмета
вдруг покажется ружьём.
А раскрашенный объём
вдруг окажется трамваем...
Мы всегда осознаём
меньше, чем переживаем.

Камень сей трапеций есть, четверугольный.

Н. Мецкерский

* * *

Камень сей трапеций есть, четверугольный.
Из гранита сделан он, у него шесть граней.
Перед этим камнем выстроена площадь,
Позади него высокая гора.

Влево там и вправо - вширь разбиты клумбы.
Расцветают розы и растут деревья.
А на камне том стоит человек железный,
Небольшой железный чёрный человек.

Чтобы камень не упал, есть под ним фундамент.
Грани из гранита гладкие, как стёкла.
Из передней грани высечены буквы,
И на солнце буквы золотом горят:

"КАМЕНЬ СЕЙ ТРАПЕЦИЙ ЕСТЬ, ЧЕТВЕРОУГОЛЬНЫЙ.
ИЗ ГРАНИТА СДЕЛАН ОН, У НЕГО ШЕСТЬ ГРАНЕЙ.
А НА КАМНЕ ПУШКИН, НАШ ЧУГУННЫЙ ГЕНИЙ,
И ЗИМОЙ И ЛЕТОМ НАПРОЛЁТ СТОИТ.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ПЕРЕД ЭТИМ КАМНЕМ ВЫСТРОЕНА ПЛОЩАДЬ,
ПОЗАДИ ЗА КАМНЕМ ХОЛМ ВЫСОКОЙ СЛАВЫ,
В СТОРОНЫ РАСКИНУЛИСЬ УГОЛКИ ПРИРОДЫ,
А ПОД КАМНЕМ КРУТИТСЯ КРУГЛАЯ ЗЕМЛЯ".

УПРАЖНЕНИЕ

Поставьте тире между подлежащим и сказуемым там, где это требуется правилами

ЧАСТЬ 1

Язык литературы важное орудие производства для писателя.
Назначение каждого человека развить в себе все человеческое, общее и насладиться им.
Святое дело истреблять врага, когда отчизну топчет враг.
Пять в квадрате двадцать пять.
Высота комнаты три метра.
Я не то, что вы предполагаете, - продолжал он, потупя голову, - я не француз Дефорж, я Дубровский.
Я сын трудового народа.
Кто ваш отец?
Его цель сделаться героем романа.
Путь в лесах это километры тишины, безветрия.
Боевая рубка это мозг корабля.
Моё занятие этнография, изучение жизни русских людей.
О решённом говорить только путать.
Сердце не камень.
Он скептик и материалист.
Поэзия та же добыча радия, в грамм добыча, в год труды.
Слово одежда всех фактов, всех мыслей.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ЧАСТЬ 2

Говорить с вами только слова тратить.
Тамань самый скверный городишко из всех приморских городов России.
Романтизм вот первое слово, огласившее пушкинский период.
Все богачи скряги.
Бедность не порок.
Полог единственное спасение от вечерних и ночных нападений комаров.
Место сбора плац.
Ты теперь мой товарищ.
У тебя брошка вроде как пчёлка.
Гусь, известно, птица важная и рассудительная.
И женщина и мужчина пятак пара.
Оценить такое произведение значит оценить самого поэта во всем объёме его творческой деятельности.
Боевая страда чапаевская стихия.
Поэзия это огненный взор юноши, кипящего от избытков сил.
Наше сердце каменная сталь штыка, наше сердце стремительный взлёт клинка.
Ноги у Барина кривые, портновские; руки длинны и толсты.
Жизнь прекрасна и удивительна.

* * *

Шёл человек по луже,
Хоть не был малым ребёнком,
Просто дорога была хуже,
Чем бывает обычно.

* * *

Лишь по три штуки,
К огорчению мужа,
Фасуют груши.

Вячеслав Крыжановский

* * *

Столб ты мой фонарный, железобетонный,
Сроду неспособный гнуться и качаться.

Всё-таки спрошу я, что же ты стоишь так:
Как-то неподвижно... слишком вертикально?

Или что увидел, или что услышал,
Или... ну, не знаю, — что-нибудь учуял?

Или что замыслил, — словно раб усталый,
Может быть, куда-то перебраться хочешь?

В дальнюю обитель, где покой и воля,
Где у Лукоморья дуб и леший бродит...

Сам себе кажусь я: то таким же дубом,
То рабом усталым, то котом учёным.

В городе огромном, сам себе не сторож,
Со столбом веду я мысленно беседу.

А вокруг: каштаны, ясени, берёзы,
Тополя, рябины, яблони и груши.

Там вон встретишь вербу, там сосну заметишь,
Лиственницы, тисы, буки и осины,

Клёны, вязы, липы, кедры, ели, пихты...
Нет же, до столба мне надо докопаться!

Грабы и орехи, туи и платаны
ивы и ракиты, черёмухи и ольха.

Столб ты мой случайный, столб шероховатый.
Ровный, вертикальный, железобетонный...

* * *

Раньше я думал, что настоящее время —
это как бы *ось симметрии*
между «раньше» и «потом».
Потом я так уже не думал.

Настоящее время, пожалуй, — ось
римских весов с противовесом,
где противовес сдвигается ближе и дальше
по рычагу, уравнивая груз на чашке.

В Эрмитаже есть такие (зал № 127),
противовес сделан в виде головы юноши.
Художественная ценность бытового предмета
может быть интересна в контексте этого рассуждения
о настоящем времени.

* * *

вакансия поэта

уже почти не опасная
разве что напрасная по-прежнему ;)
и в наши дни
каких-то мелких пакостей
где места не найдёшь куда долбануть
и пробы ставить некуда
не просто оставлена
а что называется присутствует в избытке
на счастье сотен тысяч :D
(впрочем пустое и не ближе)

и значит место это свято
поскольку не пустует
и кажется не пустовало никогда
тому в истории примеров?
вот говорят ещё
что не место красит человека
(ну и ещё что люби искусство в себе и т. д.)
добавим к этому лишь что
уж тем более и не время его красит
и не время

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

* * *

Сам себя не похвалишь — никто тебя не похвалит.
Не процитирует в статье, не упомянет в обзоре.
На фестиваль не пригласит, не включит в сборник.
Не полюбит, не поцелует, не прижмёт к сердцу.

И пускай. Как говорится, не очень-то и хотелось.
И как ещё говорится, блажен муж иже не иде.
А также не ста и не седе. Будет он яко древо.
Ну а кого туда и не зовут, блажен паче.

Размышляю я день и ночь об этих законах.
Стараюсь не ходить, не стоять, не садиться рядом.
Кто занимает место, а кто — пространство и время.
Вот ещё стану я с современниками соревноваться!

Я лучше в баре буду — какой-нибудь там баристой.
Воробушком в этом птичнике петухов да кукушек.
Знаю я эту фишку. Выползет такой из табакерки.
И — мало того, что не похвалит.

* * *

Выходил за хлебом, сладким и яйцами; ещё дыню купил и арбуз.
Там, снаружи, уровень оцифровки, конечно, выше в десятки раз,
но нельзя, например, сохраняться; что, впрочем, скорее, плюс:
получается *реалистичнее*, что ли. Ну а тут у нас —

поселенцы на острове очередном. Жгу истощившиеся рудники.
Звенят молотки кузнецов, ослы с поклажей снуют вперёд и назад.
И поросята на свинофермах поворачивают пяточки
и моргают своими пикселями, с монитора глядя в глаза

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

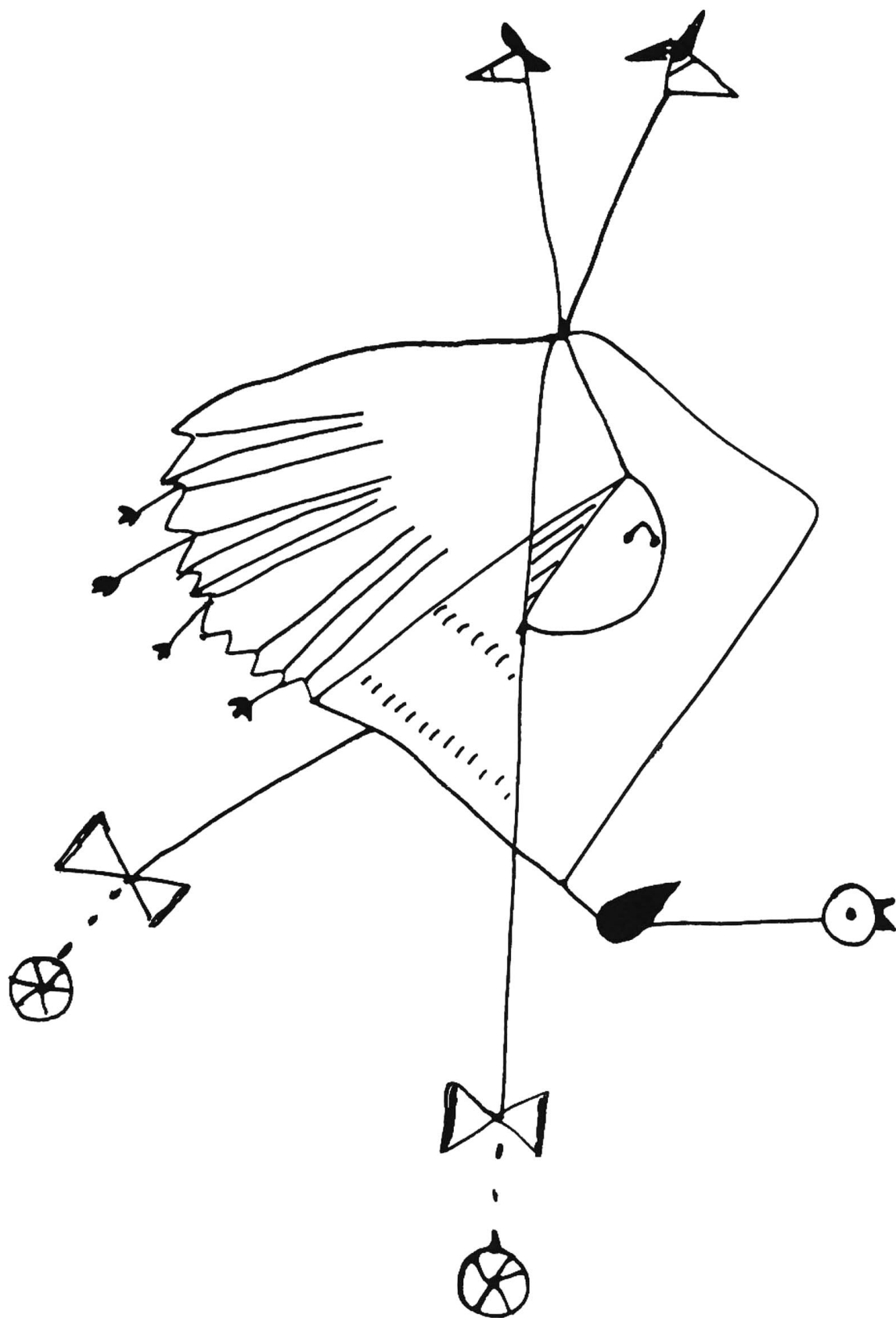
* * *

у девочки бюст (и бюстгальтера лямочка на ключице)
солнечные очки макияж каблуки серьги пирсинг тату
мальчик же рядом ну ещё совсем зелёный как говорится
пацан пацаном хоть и тоже в очках и с мороженым и тот и та

пацан пацаном (хоть и тоже пирсинг) уши прыщи проводочки
плеера или что у них есть ещё там ленточка на рюкзаке
а девочка о девочка эх такую взял бы совсем не в дочки
а совсем бы даже наоборот и у обоих мороженое на палочке

и я проходящий не без улыбки мимо (и в очках ведь тоже)
красивый сорокатрёхлетний почти ещё не седой
(хотя с их-то точки зрения просто некий прохожий
взрослый дядька длинный такой в летней шляпе и бородой)

и после в тени на лавочке записывающий всё это
про мальчика и про девочку (особенно про неё)
как про в отсутствии печали просто проходящее лето
идущее мимо с мороженым сорок третье лето моё

A. Grey

I. Key

SATANITO

*«Забрызган чем-то кармы веер
И над могилой плачет Клевер»*

A. Grey

*В этих условиях только черновой набросок возможен,
Чтоб не забыть.*

A. Grey

Жаркие лучи полуденного солнца яркими потоками заливали отвесные берега горной реки. Её бедра пестрели полями и виноградниками, бескрайними равнинами и лугами, плотными зарослями деревьев и кустов. Этот вид замыкали величественные вершины гор. Их грозные спины горбились под тяжестью облаков. Их макушки едва проявлялись, сверкали на солнце белыми колпаками сквозь сизую, дымчатую вуаль. Их плечи поросли сосновыми лесами и спускались длинными долами, словно рукавами платья, до самых подошв. Пастбища и лес, поражали воображение нежной зеленью, контрастировали с бездонным холодом пропасти. После суровых мрачных утёсов взор с благодарностью отдыхал на лугах и скромных деревенских хижинах, уютившихся вдалеке. Дорога стремилась за горизонт, обменивалась новостями с тропинками, что пробежали мимо; сплетала и тянула длинную нить за собой.

Сатанито сидел на камне в придорожной пыли и отдыхал. Он достал из холщевой сумки половинку засохшей горбушки и небольшую фляжку с водой, обычный для него обед. На добавку насытился бескрайним ландшафтом, откинул голову и устремил взгляд в облака.

Ничто не держало его там, откуда он шел, и ничего не манило туда, куда направлялся. Таковой была его жизнь, а он в ней мало что выбирал. Родственников никогда не видел. Кроме своей матери никого не знал, да и её едва помнил. Потому и не мог догадываться, к какому странному роду он принадлежит. Подобного на всей Земле не отыскать. По-настоящему и родом это не назовешь, скорее выродом.

...Давным-давно один странствующий монах повстречал на своём пути монашку. В те времена – лихие, разбойничьи. Вместе идти не так боязно. Вот и решили разделить путь на двоих, пока не разойдутся их божьи тропы. Шли несколько недель кряду. Делили еду и грелись у костра,

пока не расстались. Когда монашка добралась до взгорка, с которого виднелись стены женского монастыря, цель её путешествия, почувствовала что-то неладное. Покружив вокруг обители ещё несколько дней и поговорив с торговками и местными прачками, монашка с ужасом поняла, что беременна. Пришлось под вымышленным предлогом очередного паломничества, снова отправиться в путь. Дошла до ближайшего городка, там устроилась помогать по хозяйству на постоялый двор. В назначенный срок разрешилась мальчиком, оставила его ближайшему приюту и вернулась в свою обитель. В приюте никто и не подумал справиться об имени младенца. Да имени, впрочем, и не было. Знали только, что роженица принадлежала монастырю Святой Анны¹ (Saint Anny). Потому приютские служки сразу окрестили малыша Сатани. Целыми днями мальчик так кричал и плакал, что все местные обитатели согласились, имя оправдано и плюнули трижды в его сторону. Прадед Сатанито не унаследовал смиренного духа своих родителей, напротив, с детских лет в него словно бес вселился. Своим буйным неугомонным характером он доставлял немало хлопот приюту. Сатани и сам страдал от этого. Потому, лишь только исполнилось ему тринадцать лет, — сбежал. С малых лет воровал. Подрос — стал грабить и убивать. Жизнь вел беспутную и безрассудную. Закончил в луже собственной крови, после пьяной драки, да так и не узнал, что у него есть сын. Появился тот на свет совершенно случайно: проведённая ночь с девицей лёгкого поведения закончилась для неё беременностью с последующими родами, как это ни странно в подобной ситуации. Девица при родах умерла, ребёнок же оказался в приюте...

До ближайшего городка оставалось несколько часов пешего ходу. Но приближающаяся ночь заставила Сатанито совершить привал до утра. Местечко он выбрал хорошее. В стороне, подальше от дороги, рассыпалась куча валунов, а два огромных серых бульника² торчали из-под земли как громадные клыки дикого кабана. Между ними соорудил кострище. Обнес его каменной цепочкой, чтобы зола и угли не разбегались в стороны. В лесу, пока позволяло солнце, собрал малиновый, ежевичный, рябиновый лист и сломал две крепкие рогатины. Из горной протоки нацедил воды и повесил котелок над огнём, не забыв притопить можжевелевой веточкой собранный лист ко дну, так гуще заварится. Огонь отпугнёт диких животных, а отвар придаст сил и притупит голод. Сейчас бы горбушечку пря-

¹ **Святая Анна** (Saint Anne (Anny)) — в христианской традиции мать Богородицы, бабушка Иисуса Христа (богопраматерь), родившая дочь чудесным образом после долгих лет бездетного брака.

² **Бульник** — Бульжник, относительно небольшой валун округлой формы.

ную, сытную, но хлеба не осталось ни крохи. Сатанито достал фляжку, сделал несколько глотков. Бросил пару веток кедровника, чтоб отогнать комаров и прочую мошкарку. Устроился на траве, подсунув при этом котомку под голову. Не в первый раз небо служило ему кровлей, лес стенами, трава — ложем. И сон на пустой живот. Усталость после дневного перехода взяла своё и он быстро заснул.

...Дед Сатанито, напротив, полностью унаследовал натуру своих родителей, и судьба его ничем не отличалась от «папашиной». Уже в пятнадцать лет угодил на каторгу за разбой с убийством. Будучи удалым и видным, ещё в первые свои годы в остроге он закрутил любовь с мирянской, нелегально приносящей каторжанам вино. Роман сей не продолжился долго. Молодой каторжанин заболел чахоткой и умер. Мирянка же родила сына и назвала его Сатанот...

Сатанито проснулся как обычно с первыми лучами солнца. От ночной прохлады знобило, одежда промокла от росы, всё вымокло. Голодный, дрожащий, как было собрался, и быстро зашагал в направлении города в надежде согреться быстрой ходьбой. Солнце торопливо стремилось в зенит, а Сатанито в город. Через пару часов он заметил на горизонте очертания зубчатых стен. Они тугим браслетом сжимали дома, таверны, рынки, замки, площади и улочки в одну живую каменную руку, которая крепко держала и устремляла ввысь тонкую иглу. Это — шпиль храма. Его вершина своим остриём словно пронзала полотно в попытке пришить небо к земле. За тем показались ворота. Распахнутой, вечно зевающей глоткой они втягивали пришлых, чтобы напитать город новыми силами, и изрыгали уходящих, уже высосанных и обглоданных.

Стражники на первой пригородной заставе даже не удостоили взглядом проходящего мимо них Сатанито, до того безобидно выглядел этот молодой человек. Скорее всего, он был принят за паломника — калику³, с его котомкой, палкой в руке и маленьким котелком у пояса. На кожаном ремешке, что крепился на кольце от рыбацьей сети, перевясло⁴ впивалось в бедро. При каждом шаге котелок издавал скрипучий стонущий звук и стучал о ногу выше колена, своим краем точно попадал в набитый синяк — следствие долгой ходьбы. На это юноша не стал обращать внимание, так как все его мысли уносились в сторону еды, а запах свежеприготовленной пищи проникал в ноздри и, казалось, мог довести до обморока. Чем дальше тянула за собой серая масса людей, тем острее чувствовался этот запах.

³ **калика** — странник, нищий, поющий духовные песни

⁴ **перевясло** — самодельная ручка котелка, чаще соломенная или из древесной коры

Запах потребности пищи, запах насыщения сводил с ума, заставлял быстро и расчётливо взвешивать данность с реальными возможностями, при этом толкал на необдуманные поступки и ложные выводы. В таких случаях, как обычно, есть два выхода: украсть, или наняться на разовую тяжёлую работу. И то, и другое особо не радовало. Первое связано с опасностью остаться не только без рук, но и без головы, а на второе почти не оставалось сил. Но первым подвернулось второе.

Впереди на дороге, по которой двигался основной поток, Сатанито увидел толпу зевак: что-то произвело затор и перегородило путь. Люди сгрудились, мешали друг другу пройти, сталкивались, рассыпали на колею зерно и овощи, домашний скруб и товар, ещё больше затрудняя движение. Товарки и носильщики ругались между собой, погонщики кричали на скот, жены выговаривали мужьям, мужья покрикивали на жен, а младенцы благим рёвом жаловались на весь белый свет. Тачки и повозки разом встали и полностью закупорили горло дороги. Пришлось пробраться сквозь толпу и подойти ближе. Сатанито тут же увидел нагруженную товаром подводу⁵. Подле неё лежала кобыла, вся в мыле, пене и потовой соли, закатив выпученные глаза. Её ноздри неровно подрагивали, дышала она с хрипами и свистом, все медленнее и затяжнее, пока совсем не перестала. Наверное, от непосильного труда с ней случился сердечный приступ. Торговец же, хозяин подводы и лошади, сам стоял с таким видом, будто и его, вслед за животинкой, хватит удар.

Сатанито смекнул быстро:

— Два талера⁶, господин.

— Что? Каких ещё талера? — отозвался торговец, ничего не понимая.

— Лошадь, господин, — не унимался молодой человек, — два талера и я уберу её!

— Добавлю ещё два, если утащишь и бросишь её в яму, — и со вздохом продолжил, — на погост.

— Хорошо, господин, — заверил юноша и в поклоне протянул руку, ладонью кверху.

Торговец, молча, но не без участия, принялся развязывать кошель на поясе. Только после того как ладонь ощутила холод дорогого металла, Сатанито, не стал терять времени зря, нырнул в толпу зевак и нашёл троих. Такие же, как он оборванцы, к тому же не прочь заработать. На рабочего дело найдется, на голодного кусок сыщется. Договорились. Один из них побежал за

⁵ **Подвода** — Грузовая конная повозка, телега.

⁶ **Талер** — Крупная серебряная монета

верёвками, другие принялись волоком стаскивать ещё горячую тушу лошади с проезжей части. Пока торговец снимал упряжь со своей лошади, работяги отодвинули подводу в сторону, при этом пустили вход доски, палки и камни, собранные на обочине. Наконец затор устранили — дорога открылась. Сатанито с подельниками обвязали верёвками копыта лошади, и каждый за один конец потянули тушу волоком в сторону кладбища.

...Отец Сатанито, Сатанот, хоть и недолго, но был одарен материнской любовью. Мать-мирянка доставляла и продавала вино в острог, тем самым зарабатывала на хлеб. Так что её ребёнок был одет и обут. Он, даже, выучился читать, писать и считать в приходской школе для бедных. Сравнительно беззаботно Сатанот достиг пятнадцати лет, когда в тот год разъярённые пьяные каторжане убили его мать за чересчур сильно разбавленное водой вино. Горе и тяжесть утраты Сатанот перенес в одиночестве. В одиночестве выкопал могилу. В одиночестве похоронил мать, в одиночестве напился в тот вечер кислого вина, а на утро встал и, не оглядываясь, всё в том же одиночестве покинул поселение...

Сатанито и сотоварищи тащили волоком павшую лошадь вот уже третий квартал. Кожа и плоть животного понемногу стирались о песок и обочины. От этого один бок разорвался, за тушей потянулся широкий кровавый след, издающий гудящий звук: целый рой мух облеплял его и ещё столько же мельтешило в воздухе. Как оказалось, яма, к которой они направлялись, находилась на другом конце города. Прохожие и просто снующий туда-сюда люд с интересом разглядывали пришлую компанию. Ещё через квартал из порванного бока стали вываливаться кишки. Запах дармового обеда быстро учуяли бродячие собаки. Их стая вереницей двигалась за «похоронной процессией», чавкала и шлёпала по кровавому следу. Такой погребальной мистерии не была удостоена ни одна лошадь доселе: четверо разношерстных бродяг, кряхтели, но упорно тянули верёвками тушу с разорванным боком, из которого вытекала кровь вперемешку с внутренностями; дюжина бродячих псов жадно подъедала ещё тёплую падаль, время от времени огрызались и щерились друг на друга из-за куса плоти, псы перепачкались и забрызгались кровью; несметное количество мух роящейся сферой окружало людей, лошадь, собак.

...Сатанот отправился, куда глаза глядят. Что делать — ума не приложил, не думал. Разбоями, грабежом и просто воровством промышлять он бы не смог: с детства с опаской обходил подобную публику, да и мама, дабы уберечь сына от доли каторжной и жизни малопохвальной, часто и подолгу разговаривала с ним на эти темы. Так и засели они в его голове. Ну, а после всего, что случилось с матерью, Сатанот и вовсе воз-

ненавидел «работников ножа и топора». Значит, предстояло искать честную и, скорее всего, тяжёлую работу и кров над головой. На первое время у него было небольшое количество денег из тех, что мать откладывала на чёрный день, а может, и на похороны, а может, и на будущее сына. Как теперь узнаешь?

Сатанот брёл через поля, луга, леса, и ничто не мешало ему думать о безрадостной своей судьбе. Лес, море трав, чистое небо, ласковое солнце — всё вокруг умиротворяло, успокаивало, лечило. Он шагал, не торопясь, и если случались на пути озеро, ручей или река, то он непременно задерживался. Отдыхал, купался, просто дремал, наслаждался царящей вокруг гармонией, становился частицей этого прекрасного целого. На десятый день, когда на горизонте показалась мельница, он настолько опустошил свою голову, насытился и излечился природой, что бодро зашагал навстречу людям, напевая с детства знакомую песню:

Мать с отцом ломали руки.

Народился я на муки.

Я беспомощный кричал,

Словно бес меня качал.

Я раскидывал ручонки,

Разворачивал пелёнки,

То угрюмый взор упру

В мир, что мне не по нутру⁷.

Так, под бодрую мелодию он спустился вдоль поймы реки в сторону пригорка. Пробрался сквозь заросли орешника и терновника и вышел к подножию. Воды реки обегали холм и попадали в мельничный пруд, останавливались на какое-то время, подхватывали рябью сухие листья, ласкали донными руками травы и водоросли, затихали, а затем бурливым пенным потоком, стремительно скрывались в лесных зарослях, унося за собой тревоги, мысли и мгновения, и, в то же время, постоянно, ежесекундно напоминая о себе то шлепком рыбы о плёс, то шумом упрямой стремнины, то клокотом и бормотанием гальки. Неиссякаемая бурлящая энергия. Ещё немного и показались строения, по-хозяйски подбоченившись, они устроились на другой стороне взгорья. Колесо мельницы крутилось медленно, не торопясь, лопасти её булькали, хлюпали и извлекали глухой плеск. Десяток шагов. Вот уже и протоптанная дорожка, ступенями приглашает спуститься во двор. Людей во дворе мельничного хозяйства Сатанот

⁷ У.Блейк (William Blake). Песни познания. Дитя горе. Перевод С. Степанова, В. Топорова

не встретил, и поэтому направился к маленькому домику, что пророс прямо сквозь холм, где, скорее всего, и жил мельник. Громко стукнул в дверь несколько раз и стал ждать...

Как только добрались до последнего заведения на краю города, пестрая лошадиная похоронная процессия решила передохнуть. Сатанито оставил троих своих подельников с усопшей в окружении собак и мух, и направился в кабак за пищей. Там он купил добрый кусок вяленого мяса, сыр, разных овощей и на оставшиеся деньги вино, чем не сказано обрадовал ватагу горемык, которые поджидали его. Они, взмыленные и запыленные, сидели в придорожной траве, рассматривали свои ладони и хвастались друг перед другом величиной и количеством мозолей, ссадин и синяков. Руки дрожали от перенапряжения, когда передавали кувшин по кругу. Вчетвером они сделали по несколько глотков и продолжили путь. Оставалось уже недалеко до огромной ямы, куда скидывали павший скот, чтобы потом сжечь.

— Трактирщик сказал, что нужно пройти вверх по улице до площади, потом зайти за погост, а там уже не далеко, — громким голосом указал Сатанито и туго намотал верёвку на руку.

Часть собак насытилась и отстала, но остальные продолжали сопровождать «похоронщиков» и подъедать внутренности бедной кобылы. Мух стало ещё больше. За городом к похоронной компании присоединились ещё и птицы. Некоторые из них, чувствуя, что на пиру все равны и им ничто не угрожает, уселись на тушу лошади, и принялись отрывать клювами куски плоти.

Наконец взору предстало само кладбище. Участок, обнесенный каменной оградой, кое-где с выбоинами, издали походил на сад. В этом саду жизнь не собирала свой урожай. Напротив, в этом саду главенствовали тишина и покой, а несметные холмики, гряды, надгробия, каменные плиты и изваяния наталкивали на мысль, что все люди — гости в этом мире. Вот и обходная тропа до глубокой животной ямы, за ней вал, за валом яма. До неё оставалось каких-то полтысячи шагов. Компания остановилась в тени кладбищенских каштанов, чтобы глотнуть вина перед последним рывком.

...Дверь отворила молоденькая, симпатичная девушка с открытым и улыбчивым лицом, в простом платье с вышивкой, на вид чуть младше Сатанота. Острым горящим взглядом, с любопытством, но совсем без испуга, она разглядывала нежданного гостя. Тот, волнуясь и мешкая, стоял на крыльце.

— Здравствуйте, вам кого? — спросила девушка, она в то же время собрала пряди на голове и скрутила их в незатейливый узелок.

— Мне бы... может, работа, какая... переночевать бы, — сбивчиво отвечал Сатанот, и, смутившись, замолчал совсем.

— Подождите здесь. Сейчас отца позову, — и, оставив открытой дверь, удалилась вглубь дома. Сатанот остался ждать и слушать освежающий плеск мельничного колеса с терпением и надеждой.

Вскоре послышались шаги, и в дверном проёме появился хозяин мельницы. Мужчина, высокий, крепкий, отряхивал одежду, покрытую белой пылью, от чего, казалось, все вокруг окутывалось теплой мучной пеленой.

— Здравствуйте, ... Я ищу работу... кров... — начал было Сатанот по второму кругу.

— Здорово, мил человек. Откуда к нам пожаловали? — не дожидаясь, когда парень закончит, вступил в разговор мельник.

— Из города я... из поселения... там родился, там и жил...

Хозяин жерновов немного подался вперед, делая вид, что прислушивается к стуку зубчатого механизма, но в то же время внимательно рассматривал паренька. Тот сбивчиво отвечал на вопросы.

—... Теперь, вот, ушёл... мать схоронил... один теперь... ищу работу...

Мельник помедлил ещё немного и наконец, решил:

— Проходи в дом. Как звать-то тебя? ...

«Похоронщики» преодолели последние метры, скинули многострадальную тушу в яму, чем всполошили стаю ворон. Птицы разлетелись в разные стороны и огласили своими криками окрестность. Компания отошла в сторону до тех пор, чтоб не чувствовался запах. Все устроились и расположились, чтобы начать «поминки». Сатанито достал вино и еду, поровну разделил и призвал приступить к честно заработанной трапезе. Через пару часов, когда уже стемнело, компания развела костёр и распевала удалые песни, все дружно потягивали вино.

Сатанито не пел. Он сидел рядом с костром, молчал, держа в руках полную чарку вина, и ни о чём не думал. Сегодня уже не осталось ни сил, ни желания на грустные мысли о том, как жить дальше. Будет день, будет и пища. Периодически он засыпал, сидя у костра, потом возвращался от шума компании, потом снова и снова проваливался в сон. Ему даже что-то смутное виделось в эти промежутки забытья, но он не старался запомнить, что именно. В конце концов, он свалился на траву там же, где и сидел. Пустая чаша выпала из рук. Костёр приятно согревал спину. Сатанито крепко заснул без снов.

...Хозяина звали Вертиго, а его дочь Аби. Поначалу Вертиго оставил Сатанота своим помощником за еду и кров, а там, мол, видно будет, наблюдаем, присмотримся. Сатанот работал честно. Выполнял в основ-

ном тяжёлую работу, коей на мельнице было в избытке. Грузил и разгружал крестьянские повозки, таскал мешки с зерном вверх на мельницу, сверху вниз уже с мукой, складывал и укладывал, устранял неполадки, чистил жернова, убирал, сгребал и разгребал мусор, носил воду и помогал по хозяйству. Время летело незаметно, и полгода прошло для него в трудах праведных. Наступила зима. И хотя в эту пору мельник спокойно мог обойтись без Сатанота, он все же оставил его. Выгонять жаль, да и втроём зимовать веселее. Приглянулся мельнику этот покладистый работающий юноша, а Аби и вовсе расцвела за это время. Но больше всех происходящему радовался сам Сатанот: ему нравилась и мельница, и Вертиго, и дочь его. Зимой свободного времени хоть отбавляй. Вместе они коротали вечера, болтали и через некоторое время уже почти всё знали друг о друге. Сатанот рассказал им свою короткую и грустную историю. После этого полюбился мельнику и его дочери ещё больше. Прошла зима, наступила весна — пора любви в природе и Сатанот с Аби стали заглядывать друг на друга. Первое время, стесняясь и тайком, но потом всё смелее и смелее. Их тянуло друг к другу. Работы между тем на мельнице прибавлялось, но Аби всё чаще находила повод быть рядом с Сатанотом. Часто они вместе делали ту работу, которую раньше выполнял один, а потом уже и он помогал Аби по хозяйству. Вертиго заметил тягу молодых друг к другу. Но своего отношения к этому не выказывал. Было непонятно, одобряет он выбор дочери или напротив. Впрочем, пока дальше взаимных симпатий отношения молодых не заходили. Никто не торопил события. Всё шло своим чередом, не забежало вперед и не обгоняло время, которое зримо отмеряло мельничное колесо...

Сатанито проснулся от шума птичьей драки: две вороны не могли поделить между собой кусок, оставшийся после вчерашней трапезы. Протер глаза и огляделся. Вокруг, кроме ворон, — никого. Костер догорел и остыл. Вчерашние собраты разошлись, кто куда и даже не разбудили его. День наступил новый, а проблемы остались те же. Нужно идти в город, как-то добывать хлеб насущный, и он побрёл по вчерашней дороге, вычерченной засохшей кровью и кишками по нежной зелёной траве. Вскоре он вошёл в город и побрёл по улицам. Разницы не было, он все равно не знал расположения домов и улиц. Не знал, что и где найдет, не знал, чего ищет. Главное не попадаться на глаза стражникам и вербовщикам, держаться подальше от выгребных канав, куда сливались нечистоты, остатки со стола и сновали свиньи, да не угодить под колёса повозки или телеги. Куда идти? Куда свернуть? Все дороги в городе, как правило, приводят вовсе не в Рим, а на рынок. Туда и попал Сатанито в конце концов. Городской воздух де-

лает свободным, но не от чувства голода. Хотелось вина и мяса. Запахи, исходящие и сочившиеся от съестного со всех сторон, зажигали и воспаляли его аппетиты. Но денег не осталось, а работёнка не подворачивалась. Конечно, можно было что-нибудь стащить, но подходящий момент не появлялся, а рисковать не хотелось. На обед с кувшином вина Сатанито всё же заработал: разгрузил подводу с томатами. Он сидел в таверне и думал: «А что дальше-то?» Монет осталось ещё на чарку. Сатанито без колебания с ними расстался, лучшего применения всё равно не найти. Из кабака он вышел слегка захмелевший. На улице темнело. Нужно было думать о ночлеге.

...Наступила осень — пора сбора урожая и деревенских праздников. На один из них решили пойти все вместе. Аби с детства бывала на деревенских гуляньях. Отец брал её всегда с собой, чтобы не оставлять одну на мельнице. Сатаноту увидеть это празднество предстояло впервые.

Погода стояла отличная. Солнце по-прежнему трудилось: питало силой и теплом землю, растения и плоды, сушило сено и кочки, обжигало глину и превращало грязь в пыль, выжигало мелкую траву и красило листья. Легкий, все ещё тёплый ветерок сдирал с деревьев самые яркие лоскуты, складывал в причудливый узор и расстилал собственноручно сотканный мягкий ковер. Кусты и заросли предоставили ветви на откуп насекомым. Неугомонные пауки с невероятной скоростью сплетали свои паутины, и всякий проходящий, не замечал, попадал в их сети и, ворча и отплевываясь, срывал липкие ловушки.

В приподнятом настроении парочка незаметно для себя дошла до деревни. Жители собрались на поляне возле леса. На берегу реки сколотили большой стол и срубили скамьи. Пригласили странников и музыкантов, монахов и певцов. Одни делились новостями, другие узнавали и радовались, реже огорчались. Крестьяне вываливали на столы пищу и питье. Поодаль поставили столб с висящим на веревке старым горшком и с завязанными глазами, гонялись с палкой за воображаемым чертом из крынки. Удары сыпались то по столбу, то по веревке. Удачливые разбивали горшок с пяти, а то и больше ударов. Если земля с горшка попадала на ноги и обувь, знать, предстоял долгий путь, на рукава — удача в посевной и сборе урожая, земля на животе сулила прибавление в семействе, а на голове — счастливую старость и долгие годы. Потому эта забава вызывала радость, беззаботность и особое предпочтение у местных жителей. Детишки под руководством более старших и смысленных сновали по округе в поисках хвороста, сухих веток и палок разных размеров, валежника и попросту

поленьев, чтобы сложить из них большую нодью⁸ для тепла и кострище для освещения. Чем больше будет костер и выше взметнётся пламя, тем удачнее будет год и богаче урожай. Кругом горели костры, звучала музыка, смех, радостные крики.

Гулянье входило в самый разгар. Сатанот и Аби присоединились к всеобщему веселью. Разгорячённые вином и танцам, в ту ночь они кружились в хороводе, шутили, играли и смеялись до слёз. Вдруг Аби визгнула: «Догоняй!», подхватила подол платья и со звонким смехом бросилась наутёк. «Ну, куда же ты, Аби?». Сатанот едва отдышался после танца, но схватил кувшин, сунул фрукты за пазуху и бросился в погоню за мелькающими пятками.

Рано утром они, счастливые и влюблённые, вернулись на мельницу. А примерно через три месяца, к началу зимы, Аби точно знала, что беременна. Для всех остальных это оставалось тайной...

Сатанито бесцельно бродил по ночным улицам города и размышлял о своей неприкаянности. Как все устроено у него? Всегда и всюду, сколько себя помнил, он был один и одинок. Пожалуй, только небо над головой, да земля под ногами были его постоянными спутниками. А Бог? Странно, но он никогда не думал о Боге. Почему? Почему впервые в жизни Сатанито задумался о Боге? На мгновение, прервав свои раздумья, Сатанито огляделся по сторонам, чтобы понять, где находится. Над городом висела тихая ночь. Город спал. Луна осыпала серебром и золотом дома и улицы и, вдруг, Сатанито увидел в холодном заволакивающем потоке строение храма. Вокруг ни души, и даже бездомные собаки куда-то попрятались. Возле раскидистой акации стояла скамеечка. Сатанито присел на неё и вновь погрузился в себя. «Если Бог есть и я его дитя, то почему я никогда не видел, не осязал и не чувствовал его присутствие, участие моего отца в делах и жизни моей?» — вопрошал он, — «вот мать, она была, и я её помню и люблю. А Бог? Где он? Как отыскать его?» Сатанито окончательно зашёл в тупик, но ответ на этот вопрос именно сейчас интересовал его сильнее всего на свете.

...К рождеству тайна Аби раскрылась. Случился большой скандал и море слёз.

— Папа, пойми, я люблю его! — кричала Аби.

Но Вертиго рвал и метал. Отец был непреклонен.

Сатанот внешне вёл себя спокойно, хотя внутри у него всё бурлило, кипело. Через некоторое время стало окончательно понятно, что примирение

⁸ **Нодья** — долго и сильногорящий костёр, сложенный из брёвен.

невозможно. Лучшим вариантом для Аби и будущего ребёнка будет уход Сатанота. Он вызвал Вертиго на улицу, чтобы Аби не слышала и сказал: — Хорошо, завтра поутру я исчезну, и вы никогда больше не услышите обо мне. Но позвольте мне провести последнюю ночь с вашей дочерью. Не мешайте нам проститься.

Вертиго ответил согласным молчанием. На том и разошлись, а, точнее, вернулись в дом.

Всю ночь Сатанот и Аби не спали. Да, даже и не ложились. Чтобы хоть как-то успокоить её, он рассказывал сказки о том, как вернётся к ней и их будущему ребёнку, заработает кучу денег, уж тогда отец не посмеет прогнать его, да и время, возможно, развеет его гнев. И тогда заживут все дружно и счастливо, ведь они любят друг друга. Аби хотела в это верить и верила. Она лишь тихонько всхлипывала, положив голову на плечо Сатанота, и продолжала слушать. Так прошла ночь, а рано утром, когда Аби задремала, Сатанот тихо, чтобы не разбудить её, встал, поцеловал Аби в последний раз и навсегда ушел в даль заснеженных просторов.

Совершать переходы зимой совсем не то, что летом. На следующий день поднялась сильная метель и продолжалась трое суток. Скорее всего, Сатанот замёрз где-то в пути, а смерть его не была мучительной, как не бывает она, когда люди замерзают. И если всё так случилось на самом деле, то можно точно сказать, что перед смертью Сатанот видел себя. Видел, как обнимает счастливую Аби с их ребёнком на руках. Да-да, бывает и так. Смерть не только разлучает, разъединяет, разводит концы. Иногда она делает то, что не смогла сделать Жизнь...

Вдруг в окне храма Сатанито заметил свет. Или ночью там кто-то был, или просто забыли затушить лампу. Он подошёл к окну. Прислушался. Тишина. Постоял ещё. Потом постучал, сам не понимал зачем, как будто кто-то другой был хозяином его руки. Тишина. От стука окно подалось, и створки раздвинулись вовнутрь, как бы приглашая его войти. Сатанито принял приглашение, подтянулся и влез в окно. Внутри никого. Тусклый свет от непотушенной лампадки освещал помещение. Сатанито с любопытством разглядывал окружающую обстановку. За всю свою жизнь он ни разу не был в храме. От волнения в горле у него пересохло. В нескольких метрах он увидел чашу и подошёл. Она до краёв наполнена водой. Сатанито стал жадно пить и лишь когда выпил все до последней капли, понял, что это было вино. Он вытер губы и перевёл дыхание. Успокоился. Осмотрелся ещё раз. По стенам комнаты развешаны картины в массивных широких рамах. На всех — какие-то люди. Кто они - Сатанито не знал, но догадывался, что где-то здесь должно находиться и ЕГО изображение, таинственного

отца всех и вся. Чтобы стало лучше видно, Сатанито зажег от горящей лампадки все остальные, что находились в комнате. Затем обнаружил свечи, зажёл и их. Помещение осветилось. Заиграли золотом оклады старинных картин, да так ярко, что Сатанито на миг зажмурился, ослеплённый и очарованный. Он подошёл к одному из изображений на стене. На него глядела женщина. Сквозь него. Взглядом настолько живым и полным вселенской печали, что по телу Сатанито пробежала волна дрожи. Женщина сидела у гроба, в котором покоилось тело молодого мужчины. Лик его – спокойный и кроткий, руки скрещены на груди. Глядя на его лицо, думалось, что не умер он, но спит. Сатанито перевёл взгляд в ту сторону, где горела та самая лампадка, чей свет и привёл его сюда. Она стояла перед совсем небольшой картиной, написанной на толстой доске. Несмотря на свет лампадки, даже подойдя вплотную, трудно было разглядеть, что там изображено. Судя по всему, доска была очень старая, сильно закопченная, почти сплошь чёрная. И все же от неё исходил свет — Сатанито чувствовал это. Чтобы лучше рассмотреть взял доску в руки и перешёл в центр зала, где больше свечей. Там, не выпуская доску из рук, Сатанито сел прямо на пол и застыл в оцепенении.

...Наступил июнь, первый месяц лета. Аби сидела на солнышке, нежно обхватив руками живот. Оставались последние недели беременности, и она с волнением ждала удачного разрешения. После ухода Сатанота Вертиго успокоился, но запил. При этом как-то сник и сильно постарел. Чувствовалось, что его что-то гнетёт, но признать это «что-то» мешали гордыня и природное упрямство. Поэтому Вертиго топил свои думы в вине, не щадя здоровья. Аби все это видела, жалела отца и ухаживала за ним как за ребёнком. Весь дом теперь держался только на ней. Она не роптала. Кручиниться времени не было. Всё свободное время занимали мысли о будущем ребёнке. А ещё, где-то в глубине души, теплился огонёк надежды, что Сатанот вернётся к ней, и заживут они счастливо втроём. О большем и не мечтала бедная Аби...

Да, это был ОН — ОТЕЦ его и всех. С доски из рук Сатанито глядели глаза, вместившие в себя страдания всех людей, но не ставшие от этого холодными, напротив, глаза наполняла ЛЮБОВЬ. Сатанито смотрел в них не в силах оторвать взгляда. Вся его жизнь заново пронеслась, вырванная кем-то из памяти. Вот он запускает воздушного змея в компании такой же, как он, детворы. А вот слышались торопливые шаги во дворе — это его мать возвращается с нелёгкой работы и можно больше не бояться темноты и одиночества, его постоянной компании по вечерам. Вот он стоит у доро-

ги, по которой ведут в острог очередной этап варнаков⁹. Они идут тяжело, молча, и только монотонный перестук кандалов выдаёт их движение. Все они мало похожи на лихих разбойников с большой дороги, скорее на заколдованных кукол, механически исполняющих любую чужую волю. И жалости к ним нет и уважения... Леса, поля, скитания.... Почему-то отдельно, в стороне — странные похороны павшей кобылы.... И, как будто кто-то наблюдает за всем сверху. Уж не душа ли лошади? Всё пронеслось единым вихрем, и исчезло.

Сатанито сидел на полу. В руках крепко держал образ ОТЦА своего.

А за окном уже начинался новый день. Сатанито почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Повернувшись в сторону окошка, которое оставалось открытым, он успел заметить пару любопытных глаз — блеснули и сразу исчезли. Не придав этому никакого значения, Сатанито вновь погрузился в созерцательное размышление и тут же забыл о блеске любопытных глаз.

Сколько ещё прошло времени? Неизвестно. Тишину разорвал топот шагов. Он отдавался в свode, стенах и перерастал в назойливый гул. Судя по звуку, людей было много, и все они намеревались попасть внутрь. Сатанито показалось, что стена разверзлась, но, на самом деле, это открылись большие двери храма. Свет дня ворвался, расшвырял тени по потолку и углам, на секунды полностью ослепил.

...В конце июня пьяный Вертиго полез на мельницу латать одну из лопастей. Он все ворчал, что кто-то явно шалит, либо строит козни против него. В один момент качнулся, не удержался и упал. Сломал шею и обе ноги. Ноги — о землю, а шею — падая, задел нижнюю лопасть. Через сутки он умер, так и не придя в сознание. В бреду же постоянно повторял одно и то же слово: «Крутись...крутись...крутись». А может: «вернись...». Разобрать было сложно.

Аби, словно готовилась к чему-то подобному. Схоронила отца без истерики, покорно судьбе. Вот и осталась она одинокой хозяйкой мельницы, хозяйкой на сносках. Кроме неё, правда, были ещё помощница и работник. Аби сама наняла их, когда отец начал пить безмерно. Так, после щедрого на события года, установилась на мельнице спокойная умиротворенная жизнь, в ожидании скорого появления на свет Божий ещё одного творения его...

Когда зрение вернулось к Сатанито, он увидел приближающуюся толпу людей. Некоторые держали в руках палки. С криками «Бей вора!», они набросились на Сатанито. Он даже не успел встать с пола. Удары по-

⁹ варнак — каторжник, арестант

сыпались на голову со всех сторон. Окровавленный, весь в пыли и ссадинах Сатанито лежал на полу. Удары и крики продолжались, но пелена уже отделяла их — толпу и Сатанито. Он продолжал крепко сжимать руками доску, стараясь извернуться так, чтобы удары не повредили её.

Сатанито не шёл, а, казалось, *летел* по яркой освещённой неземным светом дороге. *Что там впереди?* Он не знал. Ему было легко и спокойно, как *никогда*. Так легко и спокойно *может быть* только в ДОМЕ ОТЦА твоего. Несколько человек за ноги выволокли на улицу окровавленное *тело* забитого насмерть Сатанито и бросили в канаву. В левой и *правой* руках его — крепко зажатые пальцами половинки разбитой доски, с *каждой* из которых *теперь* взирал ЕГО лик. *Третий встречал его там, в конце дороги...*

...Конец пути начало...

...Солнечным теплым днём в конце июля Аби, как обычно, занималась работой по хозяйству. Она насыпала в ведро зерна из мешка и неспешно направилась к сараю, где стояла их единственная кобыла — Мария. Аби пришла покормить её. Наполнила кормушку, стала гладить Марию по холке и что-то ласково ей говорить, как вдруг почувствовала, что жидкость стекает по её ногам. Потом начались схватки. Звать некого, да и не до того. Аби легла на сено, тут же в сарае и, как могла, стала помогать новой жизни, рвущейся в Божий мир. Роды случились тяжёлыми и, вскоре, после того как младенец-мальчик появился на свет, её душа поднялась до небес. Сарай огласили детские крики. Кобыла Мария встрепелась, приветственно заржала, подошла, склонилась над розовым комочком и принялась ласково облизывать его большим, тёплым языком...

2010-09.05.2015 г. Уфа

A.Grey (Авдонин Сергей) - 1963 г.р. - путешественник, фотограф, естествоиспытатель. Подборка его стихов опубликована на страницах еженедельника ИСТОКИ (Уфа).

Iggy Key (Илья Казаков) -1975 г.р.- проходил обучение в БГПИ и БГУ на кафедре иностранных языков (спец. французский язык). Долгое время работал менеджером в компании по продаже оргтехники, затем музыкального оборудования. В настоящее время трудится в качестве художественного редактора еженедельника ИСТОКИ (Уфа).

ПТИЦА-2015

В ноябре 2015-го подведены итоги 3-го поэтического турнира имени Игоря Царёва «ПТИЦА», проходившего на базе литературного портала «Клубочек». География участников включала Воронеж, Казань, Москву, Омск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Тольятти, Тулу, Челябинск и др. города России, а также Ашкелон, Йерухам (Израиль), Запорожье, Сватово, Харьков (Украина), Нью-Йорк (США), Тельшай (Литва), Фергану (Узбекистан). В составе жюри конкурса были:

1. ИРИНА ЦАРЁВА (Москва) – супруга и соавтор Игоря Царёва, член СПР, Академик Академии российской словесности.
2. ЭДУАРД УЧАРОВ (Казань) – поэт, член редколлегии журнала «Казанский альманах», победитель 2-го поэтического турнира «ПТИЦА-2014».
3. СЕРГЕЙ СУМИН (Тольятти) – поэт, прозаик, журналист, редактор журнала «Графит», организатор фестиваля поэзии Поволжья.
4. СЕМЁН КРАСНОВ (Тольятти) – поэт, член СПР, зав. лабораторией литературного творчества в ТГУ
5. ГАЛИНА БУЛАТОВА (Казань) – куратор конкурса, поэт, переводчик.

Выражаю благодарность редактору «Графита» Сергею Сумину, публикующему в альманахе стихотворения победителя, призёров и финалистов конкурса.

Галина Булатова

ИНАЯ ПТИЦА

Виктория Бурцева (Россия, Москва)
(победитель)

Родство. Кладбищенский вальс

То вздымая мои крыла,
То гнобя и лишая зренья,
Неприкаянность загнала
В это белое измеренье.

Как немилостив сниться ты!
Я смотрю с покаянным чувством
На искусственные цветы
И на памятник безыскусный:

С той, зеркальной от мокроты
Фотографией, взятой в рамку,
Совпадают мои черты,
Если правильно выбрать ракурс.

Расщеплённый фамильный ствол,
В танце зимней пурги цветочной
Я смыкаю с тобой родство
На снегу следовой цепочкой.

И врезается под ребро
Этой острой минуты ценность –
Единение двух миров
Создаёт неземную цельность.

В тридевятом кругу Москвы
Потрясённой стою персоной –
Словно с лампою вознесённой
Перед зеркалом ростовым.

ИНАЯ ПТИЦА

Анастасия Даньшова (Россия, Республика Коми, Сыктывкар) (призёр)

Громко смеяться не вовремя, петь невпопад
Отзвуком прошлого из-под раздолбанных клавиш
Очень хочу. Может, ты моё сердце направишь
В тот, позабытый уже, облетающий сад?

Белый... Оранжевый... Чёрные контуры нот.
Листья, чуть взвившись, вернутся на ветки обратно;
Снова, как прежде, споёт тишина, и невнятно
Что-то расскажет сквозь дрему коричневый кот.

Милый подросток, сияющий зеленью глаз,
Кончики пальцев твоих холодны, словно льдинки.
Но улыбнись мне, а песню со старой пластинки
Зеркало пусть до конца доиграет для нас.

Михаил Этельзон (США, Нью-Йорк) (призёр)

Ускоряется время

Ускоряется время – пропали часы и минуты,
день за днём с головой накрывают тяжёлой волной,
И чего петушился – кого на земле обманул ты?
И себя не обманешь – не выпадет жизни иной.
В лес поглубже уйдёшь – на тропе не останется следа,
крикнешь в синее небо – ни звука, ни эха в ответ,
и круги по воде не расходятся с прошлого лета...
словно нет тебя, нет тебя, нет тебя, нет тебя...
Нет...

Дышишь глубже и чаще, и видишь, наверное, дальше,
но размыта картинка и парус чернеет вдали:
ничего он не ищет – ни бури, ни гавани, даже
новых чудных мгновений с Татьяною и Натали.
Всё спокойно и мирно – не бьются ни пульс, ни тарелки,
научился молчать, как китайский болванчик, – кивать...
но когда на часах остановятся ржавые стрелки,
поперхнётся кукушка, не силах уже куковать.

ИНАЯ ПТИЦА

Рустем Аубакиров (Россия, Татарстан, Казань) (призёр)

Бог молчит. Ему не к спеху.
Он успеет подождать.
Солнце катится орехом,
Заливаясь ржавым смехом,
Под дубовую кровать.
Лист шевелится ладонью.
Палец ветки чист, упруг.
Поперечно и продольно
Пробегают счастье вдруг
По развёрнутому свитку
Недописанных новелл.
Сквозь садовую калитку
Лёгкий ангел пролетел,
И спустился на скамейку,
И рассыпался зерном.
Бог молчит. Узкоколейкой
Тишина лежит кругом,
Охраняя храм и дом.

ИНАЯ ПТИЦА

Сергей Кривонос (Украина, Сватово) (призёр)

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый...

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползёт муравей по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомлённой работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей, так беспечно рискуешь,
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую потерю простую,
Нам ли, людям большим, небольших муравьёв замечать?

Вот укусишь, и сразу окончится век твой недолгий.
Страшный зверь – человек, но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперёд вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьём.

Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете –
Мы вгрызаемся в мир, в суете бесконечной живём.
Посреди васильков, посреди скоротечного лета,
Понимаешь, что жизнь – изначальное счастье твоё.

Вот пополз и второй муравей, презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьёв есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе посредине занудного быта,
Каждый сам по себе, оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьёв единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити – веками искать.

Поле. Небо. Заря. Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор. Снова щёлкнул вдали соловей.
И ползёт муравей по своей муравьиной державе,
И не знает, что он – лишь частичка державы моей.

Марина Пономарёва (Россия, Москва) (призёр)

Безвременье

Сказки Гримм. Оранжевый ночник.
Из детства книги
Страшно постарели!
Ложится память строчками в дневник.
Скрипят качели.
Крутится юла.
Сегодня мир не пахнет пирогами.
Душистая, еловая смола
И мох пружинистый – под сапогами
Увязли в памяти,
Как муха в янтаре.
Янтарь – холодный сок осенних георгинов.
Вода в колодце – вся на серебре.

Пятно на скатерти –
От сочных нектаринов.
Идут года. А детский дождевик,
Раздутый на ветру,
Как будто парус,
Мне видится (особенно к утру),
Когда ночь тает и цветной стеклярус
Тумана выдаёт за миражи!
Но это лишь грибник
(Проснувшись, понимаю...),
А никакой не детский дождевик!
Я вижу через витражи,
Как детство тает.
На сломанных часах – извечно шесть.
Засохли амаранты.
Ворчливый домовой, пригладив шерсть,
Толкнёт куранты.

ИНАЯ ПТИЦА

Василий Грудев (Россия, Москва) (финалист)

Падай, падай белый снег,
Заметай печаль,
Чтоб ушедшего вовек
Было мне не жаль,

Чтоб, когда уйдёт тепло
Вслед за долгим днём,
Было бы белым бело
Под моим окном.

Падай, падай белый снег,
Сыпь в моё лицо.
Я вдохнуть твой тихий бег
Выйду на крыльцо.

И, откашлявшись в кулак,
Кинусь в снежный дым –
На снегу и я, дурак,
Не кажусь седым.

Ольга Левкина (Россия, Москва) (финалист)

Снежное

Вот опять, моя радость,
Настала пора ледяная.
Небо хмурится снежно
Над сбившейся стайкой осин.
Есть и в белом нарядность,
Нас в белое мать пеленает.
Снег младенчески свеж,
Он сулит прибавление сил...

Потерпи, моя радость...
В этом сомнамбулическом вальсе,
Под скольжение снега,
Что беззвучной картинкой дрожит,

ИНАЯ ПТИЦА

Чувств и мыслей усталость
Превращается в длинные галсы,
В зарождение бега
По лыжне, именуемой «жизнь».

Дополняют молчание
Первые краски заката.
Лишь былинки сухим
На чуть слышном ветру шелестят...
Возвращая к началу,
Обретением станет утрата.
И проснутся стихи
Про родительский девственный сад.

Есть великий покой
В нашем скорбном мирском распорядке.
Перед тем, как взойти,
Похоронено в землю зерно.
И кружит над стрехой,
И бинтами белеет на грядках
То, что станет строкой,
То, что нам пережить суждено...

Елена Сурина (Россия, Орск) (финалист)

Алладину

Снег собирает воедино
Свод неба и земную твердь,
Фонарной лампы Алладина
Не потеряешь ночную медь, —

А джинны не дают без зова
Ни шалаша и ни хором...
Тянусь к тебе, срываясь снова
В потоки снега и времён.

ИНАЯ ПТИЦА

Гудок в мобильном нежно бранный, –
Наживка для влюблённых дур...
Ну как же я без джиннов стану
Твоей царевною Будур?

И остаётся только плакать,
Любовь перегоняя в лёд...
А чёрный крест вороньей лапы
Никак метель не заметёт.

Александр Кожейкин (Россия, Челябинск) (финалист)

Знак судьбы

Обочь торных дорог столбы,
словно годы бегут лихие.
Птица в соннике – знак судьбы,
если птица в своей стихии

и стремится на край земли.
Может, свет там сошёлся клином,
или кто-то зовёт вдали,
или слышен напев старинный...

Каждый день, каждый час – полёт.
Солнце в небе понять смогло бы:
песни – если душа поёт –
лучше золота высшей пробы.

Эти песни всегда со мной,
на мотив положу стихи я.
Улыбается шар земной,
если птица в своей стихии.

Валентина Степанова

Mea ornamenta sunt!

«Мои украшения!» – воскликнула известная римлянка Корнелия, увидев своих сыновей (братьев Гракхов).

Мне впору тоже так восклицать, что мои украшения – это мои сыновья, так как других драгоценностей у меня всё равно нет. Но в шкатулке вместе со скромной бижутерией есть такие «перлы», что о них хочется сказать особо. Например, шуруп от мебели, так называемой стенки со шкафами внизу. Нет, это не в прямом смысле побрякушки, какие носят юные экстравагантные девушки-рокерши: болты, гайки там всякие. Это наш ребёночек, в два годика, выкрутил, сей шуруп из шкафа, несмотря на то, что дверцы были связаны тесьмой, и засунул в нос! Юные исследователи раскрутят любые завязки! Я в это время собирала сумку для путешествия на фестиваль туристской песни, из самых ранних, в начале июня, на Захаровский слёт. По дороге до пристани, в автобусе, я обратила внимание на беспокойство ребёнка: всё-то ему надо было трогать свой нос. А на «омике», когда отец поднимался с Жорой на руках по ступенькам на палубу, я подняла глаза вверх и увидела в носу у сына шляпку гвоздя, как мне показалось. Помнится, я так и вскрикнула:

– Слава, у него в носу гвоздь!

– Откуда ему там быть? – невозмутимо ответил отец.

Потом он спокойно потрогал нос ребёнка и резюмировал с тем же спокойствием:

– Это шуруп.

– А шуруп там как оказался? – спросила я, уже совсем ничего не соображая, но меня уже била дрожь. Соседка в салоне «омика», куда мы вернулись на свои места, заметив наше беспокойство, спросила (сама она была с девочками-школьницами):

– Что случилось? – она видела, что мы пытаемся держать ребёнка руки, чтобы он не трогал нос. – Так нет же! Жорик как раз норовил протолкнуть этот злополучный шуруп подальше вовнутрь и отбрыкивался ногами!

Я объяснила, в чём дело. Даже с небольшим на тот момент багажом медицинских знаний я понимала, что при плохом раскладе это будет эндоскопическая операция.

Эта женщина тоже взволновалась и, как могла, стала меня успокаивать, что сейчас её с детьми встретит муж, а он врач. Действительно, тот нас выслушал, но сразу сказал, что медпункт есть, однако здесь, в поле, нам никто ничего делать не будет. Слишком опасная ситуация. Надо срочно ехать горами до Жигулевска в городскую больницу, в лоротделение, где есть дежурный врач. Согласился нас возить и по долгу службы, и по-человечески сочувствуя, милиционер. В больнице, едва я сказала дежурной медсестре, что у нас, она сразу побежала за врачом. Время было около восьми–деяти часов вечера, он тут же пришёл и без всяких бюрократических разбирательств («где полис?», есть ли он у нас вообще?), то есть не стал интересоваться всей той белибердой, без чего в городе, хоть умри у них на глазах, не примут!), принялся за дело.

Этот славный человек сразу сказал медсестре, чтобы она готовила инструменты, а нам строго наказал держать руки ребёнка как следует. Свободолюбивый Жорик очень был недоволен, оказавшись связанным, он начал кричать, а это тоже было недопустимо. С потоком воздуха, застрявший шуруп мог проскочить во внутренние дыхательные пути. Тогда врач начал отвлекать его беседой, сказав нашему отважному двухлетке, испытателю шурупов:

– Дружок, посмотри на потолок, видишь бабочку? Вот на неё смотри.

Тот и впрямь, завёл глаза на потолок и бдительность утратил, а в это время врач молниеносно ввёл гусачки (такой инструмент), да оказалось не того размера. Больше ребёнка уже ничем было не отвлечь. И всё же другими гусачками доктор быстро вытащил злополучный шуруп и подал мне, со словами:

– Вот, мама, уберите в шкатулку с украшениями, чтобы это вам напоминало об усилении бдительности с таким–то любопытным мужичком. Он у вас мал, да удал!

Удалой молодец был уже спокоен на руках улыбающегося отца, а вот я была близка к обмороку! Но шуруп, на самом деле, завернула в носовой платок, а дома послушно положила в шкатулку, как «доктор прописал». Там он до сих пор и лежит. Вот какие «украшения» я собираю.

Подарок от Дедушки Мороза

Будучи уже детсадовцем, наш Жора долго не мог перестроиться на режим раннего отбоя, так как квартира была однокомнатная, а его папа не просто «сова», а ярко выраженный «филин», настаивал на просмотре телепрограмм до глубокой ночи. Иногда он и вовсе заявлял:

– Если бы вы спать хотели, то давно бы и уснули!

И сын волей–неволей приобщался к этим просмотрам. Очень популярной была в те времена программа «Взгляд». Наслушавшись призывов от телеведущих,

звоните и пишите, дескать, Дедушке Морозу и просите подарок, мой ребёнок в три года, решил так и сделать.

Хорошо, что я увидела этот «разговор» с Дедом Морозом.

Смотрю, Жорик уединился в уголке со своим любимцем–медвежонком, приложил кулачок к уху и беседует по воображаемому телефону с кем–то.

–Алё, это Апандия? Деда Мооз? А это Гега. Моня подааок? Кават мне надо, татак есть у меня. Дом больтой буду строить.

(краткий перевод: *уточняет Лапландия ли это и дед ли Мороз на проводе; просит у деда Мороза подарок, трактор уже есть, нужен экскаватор*).

В этом возрасте дети подражают взрослым, легко фантазируют, постоянно разыгрывают сценки. Как– то вижу он трясёт своего медвежонка и очень громко кричит:

– Мими, таяй, таяй.

Спрашиваю с удивлением:

– Ты что же так кричишь на него?

– Он в садик идти не хочет.

Это я уже поняла, но неужели мы так грубо с ним самим обращаемся? Пришёл мне на ум сразу вопрос.

А то как–то раз будит меня, я два дня поздно ложилась, а он по будильнику проснулся.

– Ты фто пишь? Я тебя не понесу, своими ногами пойдёшь! Ты тяжёлая.
– Обычно это я ему говорю по утрам.

Понятно, что ребёнок не высыпается и воспринимает ранний подъём, как агрессию со стороны родителей. Особенно со стороны папы. Я пыталась по-разному сгладить

нервотрёпку, предлагала с утра игру. Встав на коленки около дивана, я превращалась в кита из «Айболита»

– Садись на меня, Айболит,

И, как большой пароход,

Тебя повезу я вперёд!

Тогда ребёнок, свесив ноги с постели, ещё не раскрыв как следует глаза, уже включался в игру:

– И сел на кита Айболит,

И одно только слово твердит:

«Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо!»

Тут он усаживался мне на спину, и потихонечку мы ковыляли в ванную. Если такую картину заставлял папочка, то он очень резко высмеивал нашу идиллию. Ещё Жорик с утра любил идти в ванную в полуприседе, ёжиком. Отца настолько раздражали наши игры с утра, что иногда он даже хватал ребёнка за плечо и тащил умывать холодной водой. Слёзы с утра – не лучшее начало дня! На улице я тоже пыталась как-то сгладить эти стрессы. Зимой я возила его на санках, и это был тот ещё кросс! Говорю ему раз, впрягаясь в сани:

– Я уже просто превращаюсь в северного оленя.

А у меня шубка на тот момент была из мангуста, мех серого цвета, на оленя и, впрямь, смахивает.

Примчались к детсаду, сын мне и говорит, проникновенно:

– Спасибо тебе, Северный олень!

Намучившись препорядочно, я решила поискать няню, чтобы отводила ребёнка в садик. Идти до остановки далеко, да ещё три проехать на автобусе. И Жоре, я надеялась, будет спокойнее, а главное самой уже надоело в бешеном цейтноте проводить каждое утро. Опоздать на рабочий автобус было немыслимо, так как выехать за пределы города было бы уже не на чем. Нанять бабушку оказалось делом непростым.

Первая няня, божий одуванчик с виду, чуть не навязала нам невроз. Когда я узнала, как у них проходит утро, то нашла благовидный предлог с ней сразу же расстаться. Оказывается, Жора, «такой хулиган», залезает под стол и держится там за ножку его, и насилу она вытаскивает бунтаря оттуда.

Расспросив ребёнка, как они утром уходят, о чём говорят, я узнала много «интересного».

– Ластлел будет! – свирепо сказал ребёнок, округлив глазёнки.

– Какой расстрел? – В изумлении спрашиваю у него.

Не добившись ничего вразумительного от малыша, решила спросить у няни. Та сразу пошла в атаку:

– Да, уж разбаловались все, и не знает никто, что за опоздания на пять минут был расстрел!

– Вот это вы на сталинистку напали! Ай–яй! – Ахнула моя сестра, она же крёстная мама ребёнка.

Раз уж я отвлеклась на воспоминания о няне, то в двух словах скажу и о других. При взгляде на вторую и на своего ребёнка в тот момент, я поняла, что ничего не получится. Она, может быть и добрая бабушка, скорее всего, ей сразу захотелось его обнять, но мой, доверчивый прежде, сын спрятался за меня. Внешний вид у неё был очень колоритен: распущенные волосы до локтей, седыми косицами, а главное всего два зуба сверху и, наверное, столько же снизу. Я уже знала, что сын мне скажет. Так и есть, едва мы вошли в лифт, он бросился ко мне и с жаром вскричал:

– Мамочка, это же баба Яга! Она захочет меня зажарить, как Терёшечку!

Повезло, если так можно сказать о нашем случае, по части их совместимости только с третьей няней. С той доброй женщиной они заявлялись в садик не раньше, чем к обеду.

– Да, пусть ребёночек выспится, – сердобольно говорила бабушка. Пока он спал, она пила кофе, варила ему какую–то кашу. Плотно позавтракав, прогулявшись, они приходили как раз к обеду, от которого малыш всегда отказывался. А уж во время тихого часа, только умная воспитательница не заставляла его лежать в постели, а разрешала играть с игрушками.

– Это что за дисциплина у них такая! – возмущался отец.

– Про дисциплину давай не будем! С себя надо начинать! Отбой должен быть в девять вечера, а не в двенадцать часов ночи, – объясняла ему я. И когда муж в ответ начинал буквально рвать и метать, я понимала, что хорошего мало.

Но это уже совсем другая история.

Остаётся вернуться к звонку и затем к письму в Лапландию. На самом деле письмо в адрес программы «Взгляд», описав все эти задушевные беседы с Дедушкой Морозом отправила я. С декабря до конца апреля прошло много времени, мы уже забыли и не вспоминали про эту историю. Как вдруг (так разворачиваются события в захватывающих сериалах) нам позвонили в одну из суббот накануне мая. У нас была полная идиллия: Жорик поигрывал конструктором, а я стирала после завтрака. Звонок в дверь. Без всякой задней мысли, как говорят о такой ситуации, я спрашиваю: кто там? Мне сообщают из-за двери, что это с телевидения, с ОРТ! Подарок от Деда Мороза!

Не веря такому сообщению, думая, что разыгрывают подруги, я беспечно открываю со словами:

– Первое апреля давно закончилось, шутки в сторону!

Что я вижу?! Кинокамера уже меня снимает, целая съёмочная группа, в составе трёх человек!

Инстинктивно заваливаюсь за дверь; как-никак в халате, руки в пене. Телеведущая заводит разговор:

– Здесь живёт мальчик Жора? Писали во «Взгляд»?

– А– а–а, – сразу мы всё вспоминаем.

– Вам подарок от Деда Мороза!

Действительно, лучше поздно, чем никогда. Ребёнок обрадовался невероятно. Сразу закричал мне, прямо как его папа:

– Где мой костюм? Где мой галстук?

Пока он молниеносно собирался, я помогала ему, (он же главное лицо в этом интервью), сама осталась, в чём была, в велюровом тёмно-синем халате. Моей подруге потом показалось, что на мне было что-то «новенькое и очень миленькое». Жорик, как деловой человек, в жилете и при галстуке, деловито стал разбирать на кухонном столе, а именно там мы принимали гостей, больших размеров экскаватор.

Оказалось, что роль Дедов Морозов «взглядовцы» поручают депутатам из тех городов, откуда пришли письма. Наш, к тому же, оказался ещё и Морозовым, ему и поручили доставить подарок. Во дворе Жорик был героем дня; впрочем, такая роль выпадала ему часто.

Мой брат – комбат!

Все знают, что это за переживания в нашей стране, если речь идёт об армии, (особенно в последнее десятилетие). Мой старший сын, окончивший университет с красным дипломом, мог бы избежать её (в университете была военная кафедра), но ради хорошей карьеры в Москве, не нужен был «белый билет». Речь шла о том, что год надо отслужить в Нарофоминске. Поначалу всё было хорошо, сын писал спокойные письма, что у него, как у командира, есть отдельная комната, и есть «три вещи, которые всегда со мной, – это английский, тренировки и скорочтение».

– Бог даст, всё обойдётся, здесь тоже надо кому-то служить, – успокаивала я себя. А в Чечне было беспокойно. Это были 1998-99 годы. После восьми месяцев службы пошли другие, тревожные письма. Мы же, матери, умеем читать между строк. Костя писал, что выехали жить в условиях, «приближенных к боевым».

Спать им приходилось даже не в палатках, а в землянках, ночью могли разбудить по тревоге, и доводилось прыгать с парашютом.

– «Два месяца уже так живём», – писал о новой своей жизни наш защитник.

У меня, что называется, заныло под ложечкой, я поняла: это, наверное, подготовка к Чечне.

Был август, денег не очень много, но я решила отправить хоть триста рублей, чтобы понять, получит он их или нет. Деньги вскоре вернулись с формулировкой: «в связи с неприходом получателя». Моя тревога усилилась. Я понимала, что это Чечня. Всё равно, хотелось знать, где точно находится мой сын, и я стала писать в часть. Как «на деревню дедушке»: «Начальнику части», или «Главному командиру части», только воинский адрес знала. Надо ли говорить, что никто и никогда не ответил на мои просьбы сообщить, где мой сын, что с ним, и почему вернулись деньги? Так в полной неизвестности прошли три месяца и вдруг, я получаю большой, тяжёлый конверт. Открываю, из него выпадает несколько фотографий, на которых мой сын с автоматом и на танке, снятый в духе Рембо. Дрожащими руками достаю письмо:

– Мама, здравствуй! Привет и твоему мужу с Жориком.
Долго не писал, потому что был три месяца в Чечне. Выполнял свой воинский и гражданский долг. Стреляли в меня, стрелял я. Но, слава Богу, даже не ранен остался. В часть к нам приезжал батюшка, и я крестился.

В одну минуту я увидела весь текст, и начала просто криком кричать, чем, наверное, испугала Жору. Он деликатно помолчал, затем, взглянув на фотографии, осмелел спросить:

– А что, у Кости что-нибудь плохое в армии?

– Нет, – помотала я головой сквозь рыдания.

– Что же ты тогда, плачешь, девчонка? – сказал он это с презрением и чувством превосходства в свои четыре с половиной года.

Прочитала вслух всё письмо. Старший его брат писал, что был в должности комбата, приходилось и «груз 200» отправлять. Дальше что-то про льготы теперь. На одной из фотографий он выглядит как голливудский киногерой, но не на двадцать четыре года, а на все «далеко за тридцать», видимо после боя или после других каких потрясений.

Жорик был под впечатлением весь день. А вечером, ложась спать, он мечтательно сказал:

– Вот бы Костя к нам приехал, прямо на танке!

– А если бы он ещё прыгнул из вертолётa, с парашютом на наш двор, было бы, наверное, и ещё лучше? – спросила я с иронией, которую маленький мальчик не заметил.

– Да, это было бы лучше! – охотно согласился он.

На другой день, Жорик явился в садик совершенно в приподнятом настроении и сказал, выпятив грудь (его просто распирало от гордости!):

– Мой брат – комбат! – при этом он, покрутив носком ботинка, ещё и показал внушительно конверт. Выпросил у меня с вечера:

– «Мамочка, давай покажем фотографии! Ты их сразу потом и заберёшь».

Был торжественный показ, и потрясённые маленькие мальчики не говорили поначалу ничего, но когда я уже уходила, в дверях услышала:

– Хорошо тебе, Жорик, у тебя брат на танке ездит. Приедет, прокатит нас? Попросишь его?

Смешные! Сама же пошла в церковь, чтобы заказать благодарственный молебен за чудо, что сын жив и здоров.

О ПРОЕКТЕ «ДРУГОЕ НЕБО»

Проект «Другое небо» был инициирован творческим объединением «СлоВолга» в партнёрстве с поэтической ассоциацией Le Printemps des Poètes. Художественный руководитель ассоциации – поэт Жан Пьер Симеон.

Образ «другого неба», упомянутый в одном из стихотворений Полем Верленом — не что иное, как метафора обновляющего духа поэзии. «Поэзия спасёт мир» - так называется одна из последних книг поэта Жана Пьера Симеона, и таковы, в действительности, возможности подлинного стихотворения, обновляющего привычные реалии и освобождающего сознание. Проект предполагает знакомство с новыми именами современных русских и французских поэтов, которое стало возможным благодаря переводчику и поэту Кристине Зейтунян-Белоус.

Нельзя не сказать несколько слов о подходе к переводу, в основе которого лежит бережное отношение к оригинальному стихотворению и стремление сохранить его структуру, поэтому работа над переводами велась в контакте с авторами. Точность перевода в данном случае заключается в стремлении уйти от адаптированной выразительности стиха к неуловимости авторской интонации. Шероховатость, непрочность метафор, неустойчивость смыслов отдана на произвол читательскому восприятию. Собственно, речь идёт о достижении правильной степени непонятности стиха, о том, чтобы не упростить и не загладить всё интересное, что в них есть.

Это актуально в связи с достаточно консервативным восприятием современной европейской поэзии, которое продиктовано традиционными представлениями о русской школе перевода, о классической метрической поэзии..

Просодия французской поэтической речи не всегда воспроизводима средствами русской просодии, но в некоторых случаях всё же удаётся найти такие соответствия.

Возможно, отсылки к рифмованной поэзии, и в частности, переводам французских парнасцев и символистов не всегда оправданы с точки зрения устройства языка, его живого, переменчивого состояния.

В то же время, при знакомстве с современной французской поэзией можно увидеть некоторые сходные тенденции с русской поэзией в области поиска новых языковых и поэтических форм, в образной структуре стихотворения, выборе тем, обращении к мировому опыту поэзии.

В рамках проекта были переведены также русские поэты, стихи которых опубликованы на сайте поэтической ассоциации Le Printemps des Poètes – Сергей Шестаков, Наталья Азарова. Андрей Тавров, Сергей Бирюков, Павел Жагун, Юрий Казарин, Леонид Немцев.

Le Printemps des Poètes отобрала для перевода семь поэтов – это Клод Версей, Патрисия Кастекс Менье, Альбан Желле, Тьерри Ренар, Мари-Клэр Банкар, Фабьен Куртад, Жан-Мари Барно..

За каждым из поэтов стоят разные поэтические школы, и они интересны именно неповторимостью авторских интонаций. Исполненная печального комизма поэтическая игра Клода Версея не похожа на непредсказуемый фейерверк смыслов поэтики Альбан Желле, внимание к пластике языка Фабьен Куртад разнится с иероглифичными трёхстишиями Патрисии Кастекс Менье, мотив стихотворений Жана Мари Барно – поиск подлинной реальности, которой является поэзия, сомнения в самой возможности существования этой реальности и в то же время - ощущение её единственности. В стихах Тьерри Ренара – с первых же, наступающих друг друга строк – «так слушай, слушай», через потоки дождя и мелькание улиц можно услышать «эту жизнь - всего лишь слово», данное взаймы мгновению, которое не может закончиться, пока слово длится.

Собственно, ради этих мгновений всё и затевалось.

Ольга Соколова,
куратор проекта «Другое небо»

Альбан Желле

Альбан Желле родилась в 1971 году в городе Геранд. сегодня проживает в городе Сомюр. *В настоящее время Альбан Желле руководит ассоциацией «Литература и поэтика» в Сомюре,, которая занимается организацией авторских встреч, литературных вечеров, литературной резиденцией. Она организует поэтические вечера-встречи в Саффоре. в Удоне. В 2003 году за свое произведение «Свежий воздух» она получила премию Первооткрывателей. . В течение многих лет руководит издательскими секциями . Автор 13 поэтических книг, среди которых «Мы танцуем вальс», издательство «Потантий», 2012, «Вот», издательство «Контр-Аллэ», 2012, «Я, лошадь», издательство «Жака Бремона», 2007, «Если я от этого мира», издательство «Шэн», 2012а Бремона», 2007, «Если я от этого мира», издательство «Шэн», 2012.*

соломинки в гриве, кто из нас
ухаживает за другим

снимаю седло

эхо слов в ушах
наши речи жужжат, в поисках решений

пусть катятся, пусть встряхнутся
я станцюю налегке
назову тебя серной

жаль, что нельзя дотронуться до слов, к нам обращенных

медлительность возможно нам к лицу
невзирая на опаску наших внутренних летучих змей

в голове вращается хвойный лес
мне знаком труд деревьев,
их корни вырабатывают листву
в подполье и разбираются
в немислимой системе времен
и восстанавливают течение

других участков, рапсовых полей,
для стад и наших глаз
не перескакиваю на другую тему, просто ищу
на что опереться, внутри, снаружи, ищу
названия для глав, ищу
соломенные крыши, пару плеч

в этот день вернулись пумы,
без предупреждения, ты помогаешь мне направить взгляд,
мы делимся кастрюлями
дрожит спина, снимаю обувь
в примерочной

ни один грузовик не гонится за мной, в смотровом стекле
слежу за вулканами и ухвертками,
внимательно как собака-поводырь

я незрячий, я же поводырь

другие склоны надо бы подправить
карабкаясь по ним как акробаты
но мы забыли снаряжение, канаты,
все веревки, шлюзы

девять бакланов на берегу реки сушат крылья
а ты скачешь по своим кувшинкам
разбрасываешься формулами, как дилетант

возвращаюсь к нашим встречам

со мной белый пони как очевидность,
он вздрагивает,
воздержимся от исчерпывающих объяснений,
возделаем времена года,
а пока я расчищаю заросли

Перевод с французского Кристины Зейтунян-Белоус

Мари-Клэр Банкар

Мари-Клэр Банкар проживает в Париже. Почетный профессор современной французской литературы в Университете Париж-IV (Сорбонна), автор эссе и статей посвященных периоду 1880-1914 годов, о Париже и его писателях (четыре тома, с 1880 до наших дней), и современной поэзии. Лауреат поэтических премий Макса Жакоба, А.Виньи, Ж.Сьюпервьеля, «Осенней премии» Общества литераторов, и поэтической премии Лиона за 2006 год. Член жюри премии Аполлинера, Ивана Голя, Макса-Поля Фушэ, и других премий. Проводит многочисленные чтения и мастерские во Франции и за рубежом. Поэзия Мари-Клэр Банкар была темой коллоквиума в Международном Культурном Центре Серизи-ла-Саль: " Мари-Клэр Банкар: изобретение жить".

За свое поэтическое творчество Мари-Клэр Банкар получила в 2012 году премию Робера Ганзо фонда Франции.

У Мари-Клэр Банкар вышло в свет 15 поэтических сборников

Воспоминания. Проступающие будто
ископаемые всплывают на поверхность земли
мечтаешь их зарыть
но рука мертвеца сильнее
она выталкивает их
из недр
Он эту руку протянул с единственным стремлением
в ладонь тебе втиснуть
голод, резню
мстительность послевоенных дней
великолепные разлады
повторно возникающие
полвека спустя, и те же речи
распотрошенные
те же избиения
длань павшего все так же поднимается
и дирижирует оркестром. Все та же канитель!

Ты, мое тело, умеешь
руководить исподтишка
жизнью моей,
что бежит без меня.

Дай мне
руку, чтоб смотреться в ней, другое тело для ласки

позволь куснуть
остаток жизненного бутерброда
и подумать об огромном воображении метаморфоз
которые
когда-то преображали жизнь людей.

Приходит издалека, надеется, зовет,
семя безумия среди людей

Произрастает,
стремится к свершению,

Населяет развалины
живыми привидениями,

Соединяет пространства
и,
порой,
просто поглаживает деревянный стол.

Мечтает об единственном письме
открытом на неисчислимом.

Случайность, или тайный ответ?

Обнаружился утром перед дверью
квадратик земли
глубоко вырытый в асфальте.

Обещающий дерево
рядом с прохожими.

Растет во мне желание жить еще, возможно в тесноте,
но жить — воистину -
беспокойно, временно и весело, у выросшего дерева...

Тьерри Ренар

Тьерри Ренар родился 14 августа 1963 года в Лионе. Среднее образование получил в лицее имени Жака Бреля в городе Вениссьё. Выпускник Консерватории драматических искусств в Лионе. Его заметили в 1978 году в качестве актера, поэта и ведущего шоу в лионском регионе. Длительное время делил свою жизнь между писательством и театром.

Тьерри Ренар причастен к основанию поэтического журнала «ОБ». Возглавлял, в качестве директора, издательство «Пароль д'об», впоследствии был директором издательства «Ла пас дю ван». Обладатель «Премии К » за 2001 год.

Создатель и официальный представитель «Эспас Пандора» в Вениссьё - организации, распространяющей и продвигающей поэзию, во всех формах и в любых состояниях.

Тьерри Ренар также известен тем, что подходит к поэзии и к чтению поэтических текстов в оригинальной и живой манере, предпочитая театрализацию традиционному чтению. Автор 20 поэтических книг

Мы здесь и жизнь всего лишь слово
Нам данное взаймы
– Так слушай, слушай...
Прямо сейчас в сплошном потоке новый ливень
И в прошлом как сейчас
Часами свежий дождь часами
По мостовой по крышам
По летним желтым нивам
По одежонке
– Можно сказать по всему миру!
По миру по миру амбалу недоделанному
И вдруг просвет на небе
Голубизна рисунка облаков
Вернулся день.
– Зачем же сохранять подобное мгновенье?

Воспоминание

Сегодня 8 января
1996 года
Я в Париже
Иду по улицам
Встречаю взгляд
Женский иногда
Франсуа Миттеран
Умер
Только что
Это глупо так
Глупо но уже далеко
Иду по улицам
Прохожу по проспекту
Толпа торопится
Миттеран скончался
Я в Париже
Спешит толпа
И больше нечего сказать

Перевод с французского Кристины Зейтунян-Белоус

Клод Версей

Клод Версей живет в Шалон-сюр-Сон. Автор раздела «Размышления» журнала «Дешарж». Эти авторские эссе легли в основу книги «Поэтик, этик и тик.»

Клод Версей пишет стихи более 20 лет. Сотрудничает с ассоциацией «Движение в защиту и за визуализацию современной поэзии через чтение или спектакли». Работает в качестве критика в I.D (Маршруты Разгрузки) на сайте www.dechargelarevue.com. Автор 10 поэтических сборников, среди которых - «Последняя поэма» а также «Последняя посмертная поэма», «Пишущая рука», 2015, «Тоббоганы, л'Арбр а пароль», 2012, «Справедливое дело», «Гро Текст», 2011.

Стих

ЛОВИТ ЖИЗНЬ

на слове

принимает книгу на веру

Алмазный твердый стержень

поэзии

пишет по стеклу жизни

жизнь

поэзия

ее кусает

Ангел грозный
стрелец белокурый курчавый с улыбкой медовой
безжалостный каратель детских мифологий

кладет на сердце мне свой перст
или возможно ноги дабы растоптать
доброжелательно и в самом произвольном

опьянении которым наслаждаюсь опрометчиво
среди скопищ моих страждущих братьев
братьев по слезам ведь им не терпится под игом

покуда я несправедливо воодушевлен
игрой присутствием своим на улице под синевой
огромной и тем, что жизнь проходит сквозь меня

как окно где танцует струя пыли
радуясь в луче тому
что она пыль танцующая

Патрисия Кастекс Менье

Патрисия Кастекс Менье родилась в Париже в 1956 году. Преподает французский и латинский языки. Ее стихи переведены на немецкий язык. Ее основные поэтические труды публикуются в издательствах «Шен», «Ле Де бле», «Л'Эпероннье». Произведения Патрисии Кастекс Менье присутствуют в разных хрестоматиях и поэтических журналах. Автор 14 поэтических сборников.

Даже боги оказались беспомощны

Взрыв недр,
скалы без деревьев,

крохи островов

птицам корм
на морской ладони.

Синева испокон веков.

Море и небо
соревнуются : кто древнее?

*Яннису Рицосу, Виктории Теодору, заключенным на
острове Макронисос*

Земля и небо
принадлежат людям.

Но приходилось
тайком

вставлять слова: «камни», «звезды»
в стихи.

Бутылки с секретиком
зарывали в землю,
с бумажкой
вложенной в горлышко.

Миниатюрные высказывания,
спасательные шлюпки,
никогда не вышедшие в море.

Перевод с французского Кристины Зейтунян-Белоус

Айдар Хусаинов. Стихотворения. – Уфа: ОЭ, 2014. – 40с.

Это маленькая симпатичная книжечка, которая, тем не менее, содержит много лаконичных стихотворений.

Практически во всех них можно отчетливо проследить один повторяющийся лейтмотив. Это водная стихия, объятая холодом и жаждущая тепла, чтобы переродиться, избавиться от тяжести существования и вознестись в виде тумана, дыма к чему-то доселе недостижимому.

Водная стихия здесь ассоциируется с жизнью человека. Он, потерявший привычные устремления и предчувствующий свой уход, находится в поисках новых жизненных смыслов. Он обращается к окружающему миру, к воспоминаниям, к Богу и находит не угаснувшую ценность любви.

Что интересно, большинство стихотворений датированы концом восьмидесятых годов.

Возможно, на творчество автора сильно повлиял период холодной войны между СССР и США, а также связанные с этим опасения приближающегося краха коммунистической идеи. Однако, Айдар не говорит об этом прямо. Лишь в одном стихотворении упоминаются слова «государство» и «право».

В целом, автор пишет простым доступным для всех языком. Он не использует сложных стилистических приемов или редких слов, для понимания которых нужно заглядывать в словарь. Но можно заметить, пару раз он обрывает стихотворение незаконченным словом. Такая вот изюминка.

«Покажи мне понятие бога, / Чтобы это случилось со мной. / Я в младенчестве был недотрогой / И привычно стоял за спиной»

Сергей Ивкин. «Символы счастья». – М.: «Вест-Консалтинг», 2015 – 144 с.

Это не просто книга – это часть художественного фильма «Виктория и Харитон». Но я постарался оценить ее в качестве самостоятельного творения.

Стихотворения очень непростые, поскольку автор пишет с богатой, неограниченной стереотипами мышления лексикой, создавая нетипичные образы, и демонстрирует свой индивидуальный стиль.

Кажется, что автор совершенно не подчиняется законам нашей вселенной и творит какую-то словесную магию, и очень хочется спросить,

как же ему это удастся. Одного прочтения часто не хватает, чтобы разобраться в задумке автора. Но это не мешает наслаждаться непредсказуемым блужданием мысли Сергея Ивкина.

В стихотворениях можно встретить много имён и названий, неприятных колющих словосочетаний, современных «грязных» словечек. Вместе с тем, там также присутствуют и интересно обыграны современные понятия: маршрутки, iPad, боди-арт и др.

Всё это, в сочетании с нескучным порывистым изложением, заставляет мозги «шевелиться», будоражит воображение.

Для меня осталось загадкой название книги. Символы счастья, после прочтения мною стихотворений, воспринимаются, как миражи, которым уже никто не верит. Уж слишком близкие к реальности сюжеты и образы используются. Часто ловил себя на мысли, что автор больше концентрируется на проблемных и негативных ситуациях. Тем не менее, эта книга останется для меня образцом интересного креативного мышления и яркого, полного жизни литературного стиля.

*«Дополнительных лёгких моих раскрываются крылья стрекозы. /
На окне у Варвары растёт птеродактиль алоэ»*

Н. Седов. «Конструктор: роман, рассказы» Николай Седов. – Тольятти. Литературное агентство В. Смирнова, 2014. – 212 с.

Центральный роман книги так и хочется назвать психологической фантастикой. Почему-то он у меня ассоциируется с фильмом «Эффект бабочки».

Основная линия повествования ведет читателя по пути становления личности главного героя, Аркаши, буквально с его первых воспоминаний. Читателю предстает довольно суровый реалистичный мир, недалекий от наших дней, не лишенный проблемных ситуаций.

Видно, какие выводы делает юный герой, сталкиваясь с этими ситуациями и своими мистическими переживаниями. Чувствуется, что автор знает тонкости детской психологии и умело их раскрывает. Во всяком случае, ему хочется верить.

Удивительно, как порой человеческая психика находит объяснение случайным совпадениям, заполняя пустоту тем, что оказалось «под рукой». А гибкое мышление ребенка подвержено этому в большей степени. Бывает в жизни такое, когда в состоянии гнева или обиды бросают необдуманные негативные эмоциональные пожелания или даже проклятья, а потом, наблюдая, как они свершаются, терзают себя чувством вины.

И чем сильнее потрясения, тем глубже они проникают в подсознание, откуда впоследствии тревожат мнительными фантазиями и психосоматикой.

«В припеве он услышит слова, которыми сможет определить состояние, начавшее преследовать его в первом классе, пронесенное через все школьные годы и захваченное во взрослую жизнь – состояние раздвоенности, постоянного пребывания между двумя мирами: «Ни там, ни тут»

«ЛитСреда»: журнал. – Самара, 2015, сентябрь/октябрь.

Сразу что бросилось в глаза – внутреннее оформление: узкие поля, смещенный текст, заголовки посреди страницы. Почувствовалась какая-то неразбериха, разрыв привычных литературных шаблонов. Эти люди любят эксперименты, подумал я.

Журнал содержит много небольших разнообразных разделов – литературное ассорти, в котором каждый найдет материал на свой вкус. Здесь в основном представлено творчество самарских авторов: и молодых, и опытных, и давно ушедших.

Также уделяется внимание иногороднему творчеству, что говорит об открытости по отношению к общей культурной среде. Более того, журнал содержит литературные переводы, идущие параллельно с оригинальными текстами. Такое отношение к другим языкам вызывает уважение.

Помимо творчества авторов в журнале можно встретить биографические данные, исторические сведения, интервью. А в конце находится объемное приложение, посвященное пятой Летней филологической школе СамГУ, на которой обсуждалось творчество самарского поэта Андрея Темникова. Все произведения, вошедшие в приложение, имеют его авторство.

Однако, я был немного разочарован отсутствием хотя бы отрывков или тезисов из обсуждений творчества данного поэта. Ведь, оставаясь один на один с книгой, читатель лишается возможности узнать другие точки зрения. А при наличии подобных комментариев мог бы возникнуть эффект присутствия или заочного диалога, что способно развивать мышление.

На сколько я понимаю, этот журнал еще молодой, есть куда развиваться, есть над чем экспериментировать. Самое главное, что у журнала есть свое благородное предназначение – представление местных самарских авторов.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«Ни плащом, ни курткой венскою / Мне себя не изменить. / Наряжаться – дело женское. / Наше дело – оценить.»

Евгений Чепурных

Ильдар Листопадов

Анна Горенко. «Сочинения». Москва. Летний сад. 2010 г. 224с.

Сказать, что я был удивлен, когда открыл эту книгу – почти ничего не сказать! Случилась абсолютно неожиданная встреча с поэтом – именно так почему то хочется говорить о книге Анны Горенко – именно не с текстами, а с человеком, поэтом.

Ничего подобного я не ожидал!! Голоса восхищения друзей-поэтов проходили мимо, не затрагивая внутреннего слуха – ну, короткая жизнь, ну, известность в узких кругах, ну иудейка... Это все ничего не дает!

Однако книга «Сочинения» сразу захватила внимание – особым ритмом, словом, паузами подлинного дыхания – не скажу что смерти, но ожидания ее. Может быть, честностью слов, не выпирающих, а нежно выстраивающихся по какой-то тайной команде, но кого?

Было ощущение, что слова надиктованы, расставлены вольно, но верно и связаны с прямым, лишенным публичной халтуры, обращением к сердцу читающего. Как это получается? Загадка! Вернее, тайна!

Потом было предисловие Владимира Тарасова, очень странные комментарии, вовсе не филологические, в которых именно это ощущение передано прохладнее и одновременно обоснованнее – да, Анна знала о раннем уходе, спешила, не хотела завязывать...

Передано и объяснено Тарасовым многое, но не все! Вопросы остались, а также осталось горько-сладкое послевкусие от встречи, от этих слов как-то неправильно, дико, самовольно расположенных на бумаге, бьющих или ласкающих непритворно...

Впрочем, сила поэта – всегда таковая и есть. Анна Горенко – поэт, бездоказательно, прочитав всю книгу, констатирую. И несколько слов напоследок:

«Цветы живут быстрее тленья вишен / еще быстрее и слаще жизнь вина/ я имени села сюда не слышу / но белая сладка его стена»

Виталий Кальпиди. «Izbrannoe». Стихи. Челябинск. Издательство Марины Волковой. 2015 г. 400 с.

Виталия Кальпиди особенно представлять не нужно. Он и так везде представлен. К тому же – часто представляется сам. Конечно, фигура речи, но и фигура поэта – значительная!!

Понятно, что личное знакомство ничего не добавляет влюбленному в стихи поэта читателю. И все же, я знаком с Виталием Кальпиди, виделся и разговаривал с ним не меньше пяти раз.

А книга «Избранное» прекрасна. Весь Кальпиди в одном томе и томе, надо сказать, внушительном!! Великолепные иллюстрации в стиле книг «Запахи стыда» и «Хакер»!!

Ну, а само содержание? Трудно сказать о предпочтениях, ибо все главное уже прочитано и измениться предпочтение не может... Я люблю стихи Кальпиди периода 1989-1999 годов. Любимые книги: «Ресницы», «Стихотворения», «Мерцание», «Запахи стыда».

Чем интересен для меня этот период? Огромной концентрацией сообщаемой читателю метафизической, экзистенциальной и метафорической информации. Помните, как Пушкин характеризовал творчество Е.Баратынского – поэт-мыслитель! Это может быть сказано и о творчестве уральского поэта.

Вот именно эта насыщенная, сама себя комментирующая, поглощающая, опережающая речь-мысль. Мыслеформы (гачевский термин затерт, но другого не нахожу) как архетипы – парят в текстах на правах хозяина, как бы не зная об авторе слов ничего. Да-да – не знают эти слова авторства совсем. Так и сказано: «Кто стоит за этой тишиной и вращает ручку центрифуги»?

И все-таки, имя автора на обложке. В.Кальпиди «Избранное». Читаем!

Мушиный танец звезд, на все, на все похожий/безумная шумит сухих небес листва/ и духа серебро во мне покрыто кожей/ несеребра.

Денис Липатов. «Другое лето». Нижний Новгород. 2015 г. 80 с.

Современная русская поэзия крайне разнообразна. Нет смысла доказывать тезис, однако, приятно привести достойный пример хорошей книги. Издана она в Нижнем Новгороде, там, собственно, где и проживает автор ее – поэт Денис Липатов.

Жизненная правда, да и жизненная проза этой поэтической книги – быт обитателей современного большого города, улицы, пивные, клиники, парки, сады, офисы, жители с их привычными нуждами и переживаниями.

Однако, не все так просто. Лирическое «я» книги – крайне двойственная фигура. Самое важное – рефлексия персонажа книги. Она всеобъемлющая, тотальная, постмодернистская. Тут все соединяется со всем. Глядя на мир – нельзя не удивляться. Вот герой Липатова и удивляется, терпит, тоскует, но довольно-таки довольно изощренно терпит. В быт-

бытие героя входят на равных правах и герои европейской философии, и персонажи батырских эпосов и русской истории, и Гомер, и Чехов, и Пермяков.

Интересно, что книга населена огромным количеством друзей-поэтов ... Тут и классики, и любимые авторы, и собутыльники, и авторы посланий, и незаменимые и внимательные собеседники. Именно к таким «героям искусства» и обращается автор, именно в них и видит адресатов городского поэтического письма. Без таких людей – не стоит город, как бы говорит Денис Липатов. И он, в общем-то, очень прав. Куда бы мы делись без своих друзей? Без поэтов?

Хорошая книга, действительно требующая продолжения. Надеюсь, оно последует.

*То Шемяка, то Дмитрий Жилка/ Так и вертятся на языке
/Разбавляя кривой ухмылкой/ Пьют рябину на коньяке.*

Сергей Сумин

Ульяна Канарейкина. «Поле чудес». Тольятти. 2015 г.

Эх, давно не брал я в руки хокку. И вот прочёл небольшую, лёгкую книжечку Ульяны Канарейкиной "Поле чудес". Одно дело, когда люди живут в деревне, там природа ближе и её больше, а в городе?

Автор двух- и трёх- стишиями приоткрывает нам дверцу в волшебный мир поля чудес, где веет прохладой и мотыльки унеслись порывами ветра. Собака и кошка тут, как тут и много птиц.

Возможно, множество птиц на страницах оставляет впечатление свободы и лёгкости. И общее впечатление светлое. А «поле чудес» - это местный топоним - большая поляна среди городского асфальта.

Вороны ходят по снегу/ хвостом следы замечают.

Слава Трошин

Алена Каримова. «Холодно – горячо». Казань. 2014 г.

Странная штука - название книги. Иногда оно впечатляет больше, чем её содержание, иногда же за блёклым заглавием может скрываться то, что способно вывернуть читателя наизнанку.

Некоторые авторы отводят удачно подобранным словам, вынесенным на обложку, чуть ли не 50% от её вероятностного успеха. Как бы то ни было, название книжки - тем более поэтического сборника – это оттиск её

КНИГА ЗА КНИГОЙ

содержания, почти буквально – выдавленная на поверхность книги под силой её внутреннего давления суть.

Что же, какой смысл вкладывал поэт в название сборника своих стихотворений - "Холодно - горячо"? Что для него эта книга: стихи, своими крайностями царапающие автора/читателя душу, или она - тире между крайностями - и есть то самое, запрытанное меж двух ощущений – между Слишком и Слишком?

На мой взгляд – второе. Как мост между Холодно и Горячо – именно такова тонкая книжка с тёплым акварельным рисунком на твёрдой обложке поэта Алёны Каримовой.

Не стих за стихом - над большой, как жизнь, водой (озёра, реки, океаны, дожди, снега и даже капля "водопроводной" Ниагары есть в этом небольшом по объёму сборнике) Алёна возводит мост – которым по сути своей и является книга, - пытаюсь соединить между собой две крайности, два берега. И ей это удаётся: удаётся держаться между надменностью и горячностью, сохранять нормальную человеческую температуру – температуру человеческого тепла и редкую сенситивность – со-чувствие.

Читая не больные стихи, коих всегда больше, чем здоровых, а вот такие – по-человечески и в хорошем смысле нормальные, невольно ловишь себя на мысли, завидуя душевному здоровью автора – не про тебя ли?

«Странностям нет числа. / Ближний молчит, дурак, / я бы его спасла, / если бы знала как»

Станислав Богданович

Сергей Матюшин. «Место под облаком». Уфа, изд-во «Китап». 2011 г. 208 с.

Эту книгу я бы рекомендовал непременно перечитать. Второй и третий раз... От начала и до конца. Хотя рассказы в ней совсем неровные. Как неровен бывает ландшафт. Как неровной бывает жизнь. Как неровными и сбивчивыми бывают разговоры о самом важном в жизни.

Ну, может ли быть, например, ровным искушение святого Степанова из рассказа «Место под облаком». Там и эдакий дежурный доктор Фауст из городской больницы, и главврач в роли Мефистофеля, и бесы разного калибра, и босховский ад вымирающей деревушки. Повествование постоянно сбивается на резонерство человека, который не может примириться с переделкой мира под новоявленных «сильных мира сего» и принять замену системы двуличия, «дубалектики» на жизнь, где проповедуется норма «большие рыбы съедают маленьких».

Ходульность, конечно, не оправдывается социальностью. Грубые мазки, утрированно броские детали, пресловутая толстая цепь из платины (уже не из золота) на шее у главного беса. Это было бы карикатурой, если б не было так близко к реальности. Но попробуйте ответить на вопрос вопросов: как жить человеку порядочному, пошедшему на поводу у зла? И, может, согласитесь, что проще убить героя, чем ответить.

Более продуктивная попытка найти ответ на сходный вопрос предпринимается в рассказе «По первому снегу».

Между этими двумя подходами очень длинный анекдот «Лунные погоды», эдакий чеховский рассказ о дачном удовольствии на новый лад.

«Лишо и Лёша» – о мороке ксенофобии, нависшем над нашим бытием, ещё один «проклятый вопрос», актуальный на фоне последних лет.

«Второе крыло надежды» – об утрате надежды, о мертвящей неумолимости беды. О, если б это был рассказ о чуде, о верности близких! Но это честное повествование о мучительном завершении жизненного пути рядового, в общем-то, человека. Мучительном вдвойне оттого, что сама финальная черта превращается в неопределённо растянутую дорогу без надежды.

Лучшие рассказы – в конце. «Маленький, старинный, озерный» – поэма в прозе о русской провинции, с трагичной подоплёкой современных деревенских междоусобиц, восходящих к дихотомии Авеля и Каина.

Тем светлее переход к бытию городка Осташков, что на Селигере, с его угрями копчеными для Кремля и тремя тоннами жмыха для престарелых психдиспансера в Ниловой пустыни. Но – блуждающие острова, но – чудотворцы, но – живая история, но – свет по всей земле из этих краёв...

И горечь, и ирония, и запальчивость квасного патриотизма. И любовь. К городку, воздуху его, непреходящим жителям и тому, что выше и вне всяких слов, к пространству, куда и не ходит ничего, но автор туда непременно уплывёт, не может не уплыть. И мы вместе с ним.

«Такие светлые дали распахиваются для здоровья и жизни, из богдельни, да и эхма, гой еси, в дискотеку, растудыт твою в пятьсот сил ломовых»

Игорь Силантьев. «Жизнь легка: Сборник стихов». Москва, Языки славянской культуры, 2015. 96 с.

Осознание ответственности за жизнь приходит к людям по-разному. Не только за свою лично. За ту, что происходит вокруг. Я далёк от мысли, что поэты, как люди, более склонные к рефлексии, чаще и быстрее прочих

достигают этого осознания. Но часто именно они оказываются необходимым для этого телескопом. Или лупой. Или окном. Или зеркалом. Человек хочет быть цельным и самодостаточным. «Звездой, выстрелом, громом, горой», а не собачьей лапой.

Человек мечется от желания просто жить, до мечты «быть могучим, как карьерный экскаватор». Его «жжёт зарыться в землю» и хочется знать, «что на меня смотрят боги». Он растерян, встревожен и занят делами и собой. Но иногда к нему приходит поэт. А это повод взглянуть на мир под другим углом. С иной степенью причастности к тому, что в нём происходит.

У читателя стихов Игоря Силантьева больше шансов «прожить нечаянный дождь и жизнь», признаться, что «я нахожу себя в тех, кого вижу вокруг» или «я знаю, что всё дело во мне». Это ведь очень много – понять, что ты не сторонний наблюдатель, испытать «надежду, хоть что-то исправить».

Мы, большей частью, обычные, неприметные люди, и поэт... хорошо, хорошо! – лирический герой, которого одолевает «соблазн... стать серым, плоским и жалким», который «с утра ободран похмельем» и рад «за красотку с надутыми формами» (всё, как у многих из нас, не правда ли?), способен показать нам, как однажды с утра можно «отложить привычные дела» или просто «сложить себя из вещей и событий.»

И понять, что ты заполняешь собой пространство – от «тупичка на краю вселенной» до звёздных полей, и время – от динозавра до подходящей электрички, и человека – от желания «забиться под плинтус» до несостоявшегося Будды. Осознать свою равнозначность природному явлению, слитность с космосом, которые так легко потерять в человеческой ипостаси.

Надо «только перестать лгать самому себе и всем вам». «И голос вернуть». «И найти себе имя».

«Меня не оставляет чувство./Что в этом мире не происходит и с той доли/ Добра, подаренного небом./Это теперь и на мне»

Дмитрий Чернышев. «Железная клетка». Изд-во Марины Батасовой, Тверь. 2014 г.

Попробуйте представить, что конец времен наступил. Цивилизация кончилась. Пески времён занесли её осколки. И некий археолог будущего или иного времени откапывает крупницы минувшей культуры, пытаясь по этим разрозненным фрагментам воссоздать мир, о котором он имеет некое

представление, но не более того. Его задача усложняется тем, что перемешаны слои разных эпох и народов. Что он поймёт о нас, нашей истории и нашей культуре?

Нечто подобное предстоит неискушённому, но пытливому читателю книги стихов питерского поэта Дмитрия Чернышева. Мне показалось интересным взглянуть на неё именно с этой точки. (Точки сбора, как уточнили бы поклонники известного антрополога).

Это позволяет открывать книгу на любой странице: какая разница, откуда начинать складывать паззл, кусочков в котором заведомо меньше необходимого количества. Можно попробовать сделать ставку на логику и знания, непрестанно адресуясь к справочникам, словарям и пресловутому google'у. Читатель многого добьётся в плане самообразования. Но поймёт ли он, чем дышал поэт, о чём бредил? Пожалуй, по результативности это будет напоминать попытку склеив, кое-как разбитую восточную вазу, почувствовать запах цветов, некогда, стоявших в ней.

Попробуйте иной способ. Уловите дыхание поэта, читающего эти странные тексты, попытайтесь настроиться на этот ритм. Временами вам будет не доставать воздуха, а то вдруг захлебнётесь запахом некой экзотической пряности.

Вслушивайтесь в себя, вглядывайтесь в пространство, что разворачивается на вашем пути, поймите обрывки возникающих мимо вашей воли мыслей и странных чувств. Быть может, вам повезет, и вы ощутите, как шаг за шагом разворачивается вокруг вас многоуровневый, пронизанный энергетическими и эмоциональными связями, сумрачный, как древний город перед рассветом. Мир, удерживаемый от распада лишь железным каркасом одухотворённой мысли его творца и созерцателя.

И – обязательно дождитесь рассвета в этом мире...

«Вдруг, в середине ноября – ветка сирени / торчит на бледно-зелёном небе бесстыдно и ароматно! / а дети верят в справедливость / и плачут безутешно»

«Бельские просторы», июль 2015 №7, Уфа. Редакция журнала «Бельские просторы».

Юбилейный 200-й номер башкирского журнала стал галереей его лучших авторов за 17 лет, начиная счёт от легендарного Мустая Карима, с великолепными экскурсами в литературоведение, краеведение и публицистику.

Редкая для любого журнала возможность от начала до конца выдержать высокий литературный уровень, предъявить читателю воплощённый в публикациях принцип: чтобы создавать современную литературу, необязательно читать стихи, стоя на шкафу или голышом орать непристойности с колокольни, можно просто жить в этом мире, отзываясь на его боль и радость словами, каждое из которых стоит на своем месте.

Многие имена, не выделяясь в современном литературном шумноцветье, после знакомства на этих страницах вызывают желание дополнить заветную книжную полку их публикациями.

Таков Пётр Храмов, с отрывком из романа «Инок». Взгляд мальчика на бытие страны в её минуты роковые наивен, но чист и притягателен. «Лошадь понравилась мне... тем удивительным сочетанием невыразимо вольного с невыразимо подневольным, что так роднит лошадей с хорошими русскими людьми». «Всем своим покорным высшему суеверию видом они (работники лесопилки) словно бы говорили, что... великую пролетарскую истину никогда не поймёт тот, кто не бьёт и не мучает, тот, кто не врёт и не пресмыкается, тот, кто не может увечить живое естество жизни». Восприятие жизни героем романа открывает то глубинное, живое человеческое состояние, внешнее проявление которого принято называть изрядно потёртым словом «гуманизм».

Тема эта, после короткого периода востребованности, вновь активно сталкивается на обочину очередной столбовой дороги – спасибо «Просто-рам» за верность человеческому.

Неуловимо рифмуются с прозой Храмова простые слова поэта Юрия Андрианова, первого редактора «БП»: «Это просто и в меру нелепо – / Навалившись спиной на дом, / Слушать умное, позднее небо / Над родным деревянным гнездом». И ещё: «Это просто – без всяких досужих... / Это свойственно сердцу – любить. / Но влюблённым трудней равнодушных / Говорить почему-то и жить...»

Быстрая, но важная встреча с уже знакомым мне Сергеем Матюшиным (рассказ «В конце сезона»). Короткая реприза, как подчас внезапно и неотвратимо настигает человека тяжесть ответственности за содеянное им.

В том же русле выдержаны и литературоведческие работы Ромэна Назирова – «Распрямление человека» (удивительно современный анализ пушкинского «Медного всадника», как картины противостояния исторической необходимости и – человека) и Александра Касимова – «Обновление жажды» (о вековой схватке любовной лирики с имперскими страстями).

Невозможно пропустить задающие необходимую глубину краеведческие исследования Зинаиды Гудковой «Уфимские лесопромыш-

ленники Чижовы» и Руфа Игнатьева «Местоположение Уфы до начала XIX столетия».

И – читать обязательно! – остроумные и глубокие рассуждения переводчика Марселя Гафурова «Не так просто, как кажется» о проблемах художественного перевода на примере башкирской литературы.

В целом, юбилейный 200-й номер – весомый аргумент в пользу тезиса: реализм по-прежнему актуален и может говорить об окружающем мире и времени то, что необходимо для человека, чтобы остаться человеком.

*«Мы припадали к родине собою,/ Ее пытаюсь вылечить собою,
И было это радостью и болью,/ И было это – более, чем бой.»*
(Светлана Хвостенко)

**Антология независимой литературы Тольятти (1990-2014 гг).
Сост. Сергей Сумин. Тольятти, 2015 г. 370 с.**

«Ну, это далеко не вся литература Тольятти», – сказали мне как-то с ироничной усмешкой, полистав только что вышедший том «Антологии». И что можно было возразить на это? Что любая антология не полна по определению? Что попытка охватить неформальную и самиздатовскую литературу неизбежно обречена на лакуны? Что всякий подобный проект упирается в субъективизм и вкусовщину составителя, и никто не объемлет необъятного?

Я скажу так: большая удача для Тольятти, что нашёлся сумасшедший, сделавший первый (и большой!) шаг в этом направлении. Теперь есть издание, которое мы можем критиковать, дополнять и править, но – главное! – мы можем им руководствоваться, используя в качестве справочника, хрестоматии, памятника литературы, не делавшей упор на официальные публикации, на финансирование, гранты, административную поддержку.

Литературы настроения, момента, действия, эксцесса, создатели которой не особо пытались застолбить себе место в вечности, занимались подчас «игрой в бисер», не беспокоясь о том, чтобы быть понятыми, тем более массово признанными. Большая часть текстов «Антологии» – то, что принято называть «маргинальной литературой», далёкой от всеобщего восприятия и по задаче, и по сути своей. Не секрет, что культура вообще представляет собой тонкий слой масла на черствой корке человеческого бытия.

Культура не коммерческого плана (я сознательно волюнтаристски объединяю в это понятие очень разнородные слои) в этом слое представля-

ет собой пленку молекулярной толщины. Можно сколь угодно дискутировать о степени и характере влияния этой тончайшей плёнки на существование и развитие человеческого сообщества, но сохранить, зафиксировать во времени хотя бы её фрагменты – действительно необходимо. Пусть даже потомки пожмут плечами: «Этрусское – нечитаемо». Надо, чтобы у них была эта возможность – пожать плечами над фрагментами непонятной им культуры.

«...Я знаю – мне надо дойти. / До Жизни. До Мира. До самой последней былинки. / Не знаю чего, но я знаю – мне надо найти!» (Виктор Ляшенко)»

«Наша чушь всегда краше вашей чуши / чаще и чище (Ладо Мирания)»

Сергей Пиденко

Темников, А. Фанки Фунги : Поэма грибов / Андрей Темников, Сергей Рутинов. – Екатеринбург – Москва : Кабинетный учёный : Фабрика комиксов, 2014. – 248 с. : ил.

Про эту удивительную книгу написано уже много. Я опять смотрю на вступительную аннотацию: «отважный и увлекательный опыт писателя Андрея Темникова и художника Сергея Рутинова». Отважный и увлекательный...

В 2000-м начал создаваться этот художественный мир. А после почти половины пути, после смерти Андрея Анатольевича Темникова в 2006-м Сергей Рутинов медленно, обстоятельно, с любовью и уважением к предмету (а наш любимый предмет – настоящая литература, честное и серьёзное искусство) «доделывал» эту поэму, утопию, этот «роман-комикс», «первый графический роман, созданный в жанре стереосинхронизма».

Как бы ни обозвать эту вещь, как бы ни обозначать жанр «Фанки Фунги», - она в пику этому завораживает как раз своим многообразием (поэтому, наверно, тут многие, если не все литературные жанры сосуществуют). И настоящий комикс: не в вульгарном, обывательском смысле. Вот в чём уникальность этого «альбома» (можно и так назвать – и так называли – книгу), уникальность проекта. Я не помню подобного произведения в литературе (возможно, вспомнит кто-то эрудированнее меня). Сюжет - в двух равноправных пересекающихся потоках - текстовом и графическом, которые не дублируют друг друга, но создают стереоэффект. Рисунки не являются иллюстрациями, а текст - подписями. Сюжет движется текстом - а

КНИГА ЗА КНИГОЙ

потом вдруг черно-белая графика без единого слова, иногда надолго. А когда текст и графика вступают в противоречие, опровергают друг друга, - возникает особое напряжение, снять которое может только воображение читателя. Так вот это напряжение между текстом и комиксом, я считаю, и делает стилистическую симфонию «Фанки Фунги».

Многие обманутся в ожиданиях. Любители «простого» текста жестоко споткнутся, потому что автор текста – мастер. Любители «понятных» картинок тоже: художник – тоже мастер. Но эта книга и не для них. Тут, чтобы понять (а тогда «знаете, как будет приятно?»), нужно поработать и разумом, и сердцем.

«Невзирая на то что всё в романе прикидывается шокирующе непривычным, поняв логику языка «Фанки Фунги», можно научиться понимать то, что раньше не получалось».

Сергей Зотов

«Если вы примете два эти правила: учтете напряжение между текстом и рисунком; примете одержимость пестротой за выявление тайной связи вещей, то никаких больше пояснений вам не понадобится».

Андрей Темников

Потому что создатель не то прям как палка

Не то слепой

И собрать редко рассыпанные чудеса

Это значит помочь ему провести

Пальцем по краю

Нащупать на них и орла и решку

Из стихотворения Silvi'и («Фанки Фунги»)

Сергей Щёлоков

Багаудинов Марат. Родился в 1984 году в Ижевске. Окончил Ижевскую государственную медицинскую академию (2007) и аспирантуру на кафедре патологической физиологии (2011). Учился в Литературном институте им А.М. Горького (2004/2005, семинар поэзии Г.И. Седых), окончил Институт экономики и управления Удмуртского государственного университета (2013). Живет в Ижевске, работает врачом Республиканской клинической психиатрической больницы. Первая публикация состоялась в литературном журнале «Луч» (Ижевск) в 2004 году. Входил в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» в 2004, 2009 и 2012 годах. Живет в Ижевске.

Бауман Андрей. Родился в 1976 году в Ленинграде. В 1998 году окончил философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Литературный редактор журнала «Проект Балтия» (Санкт-Петербург). Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия», «Гвидеон», «Новый берег», «Плавучий мост», «Зинзивер», «АльтерНация» и на сайте «Полутона». Первая книга стихов «Тысячелетник» (М. : Русский Гулливер, 2012) была в 2011 году, в процессе подготовки к изданию, удостоена премии «Дебют». Тексты переведены на итальянский и литовский языки.

Деришева Екатерина. Родилась в 1994 году в г. Мелитополь (Украина), окончила Экономико-правовой колледж ЗНУ по специальности "Разработка программного обеспечения" (2014), учится на заочном отделении филологического факультета ХНУ им В.Н. Каразина, специальность "журналистика". Работает менеджером по продажам. Автор сборника стихов "Сплав". Публиковалась в журналах "Радуга", "Новая реальность", "Камертон", "Ликбез" и других. Живет в Харькове.

Дейч Дмитрий. Родился в 1969 году в Донецке. Жил в Армении, на Крайнем Серере, в Москве и Санкт-Петербурге. С 1995 г. в Израиле. Малая проза Дейча печаталась в антологии «Очень короткие тексты», составленных Максом Фраем сборниках новой прозы «Пять имён», «Секреты и сокровища: 37 лучших рассказов 2005 года», «Укус и крокодилы: лучшие рассказы 2006 года», «Русские инородные сказки», «Прозак», «78», журналах «Многоточие» (Донецк), «Солнечное сплетение» и «Двоеточие» (Иерусалим), «Воздух» (Москва). Живет в Тель-Авиве.

Кабанов Александр. Родился в 1968 году в городе Херсоне. Украинский поэт, живущий и работающий в Киеве, пишущий на русском языке. Автор 10-ти книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др. Стихи Александра Кабанова переведены на: украинский, белорусский, английский, немецкий, нидерландский, финский, грузинский и др. языки. Главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры». Живет в Киеве.

Канарейкина Ульяна. Поэт, художник. Участник коллективных и индивидуальных выставок. Живет в Тройнике.

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в различных изданиях. Работает программистом. Живет в Тольятти.

Крыжановский Вячеслав. Родился 25 мая 1971 в Омске. Поэт, художник. Окончил Новоалтайское художественное училище, художественный факультет Дальневосточного государственного института искусств. Один из основателей и первый руководитель (1994–1997) дальневосточного литературного объединения «Серая лошадь». Участник выставки бук-арта «Автораритет Библио» (М., 2000), Небольшого фестиваля молодых и красивых поэтов (СПб., 2001), фестиваля медиапоэзии «Вентилятор» (СПб., 2009), а также ряда художественных выставок. Книги: «Зеркало» (Владивосток, 1995), «Fabula rasa» (СПб., 1998), «Как-то так» (Владивосток, 2014). Стихи переведены на итальянский и украинский языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

Крусанов Павел. Родился в семье служащих в 1961 году.. Часть детства прожил в Египте. Окончил Педагогический институт им. А. И. Герцена (ЛГПИ) по специальности «география и биология». С 1989 года публикуется в официальных изданиях (журналы: «Родник», «Звезда», «Русский разъезд», «Московский вестник», «Черновик», «Сумерки», «Соло», «Октябрь», «Комментарии»). С 1992 года — член Союза писателей Санкт-Петербурга. Лауреат премии журнала «Октябрь» за роман «Укус ангела». Финалист литературных премий: «Северная Пальмира» (1996), «АБС-премия» (2001), «Национальный бестселлер» (2003). Живет в Петербурге.

Липатов Денис. Родился 19 апреля 1978 года в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева (2001 год). Стихи и проза печатались в журналах: «Нева» (№1, 2007) (Санкт-Петербург), «Континент» (№145, 2010), «День и Ночь» (№3, 2010, Красноярск), «Крещатик» (№1(63), 2014), «Луч» (2007, Ижевск), «Транзит-Урал» (2009, Челябинск), «Ликбез» (2011, Барнаул), «Новая реальность» (2011, Кыштым-Челябинск), альманахах «Новые писатели» (2004, 2007, 2012 Москва, «Книжный сад», «Вагриус»), «Времена перемен» (2009, Пермь) и др.

Евгений Морозов. Родился в 1976 году в Нижнекамске. Закончил Елабужский государственный педагогический институт, по специальности филолог. 8 лет работал учителем русского языка и литературы в школе села Прости. В настоящее время ведёт занятия по компьютерной грамотности, шашкам и шахматам в подростковом клубе «Аметист». Публиковался в журналах «Сетевая словесность», «Артикль», «Новая реальность», «Дарьял», «Белый ворон», «Идель», «Новая литература». Автор книги «Классический жёлтый песок». Живет в Нижнекамске.

Немцев Леонид. Родился в 1975 г. Поэт, прозаик. Окончил Самарский университет, кандидат филологических наук и преподаватель литературы. Автор двух книг стихотворений и прозы: "Неф певчих, неф бродяжий" и "Наставники кусающих страниц". Автор романа «Две Юлии». Живет в Самаре.

Пермяков Андрей. Родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает в фармацевтической промышленности. С 2007 года публикует стихи, прозу, критические статьи в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Новый мир» и др., а также в ряде альманахов. Участник и один из основателей товарищества поэтов «Сибирский тракт». В 2013 году в Санкт-Петербурге вышла книга стихов «Сплошная облачность». Лауреат Григорьевской премии 2014 г.

Сопыряев Дмитрий Сергеевич. Родился 26 ноября 1983 года в г. Ульяновске. Закончил УлГТУ по специальности: «Теплогазоснабжение и вентиляция». В данный момент работает в сфере информационных технологий инженером-программистом. Пишет стихи и прозу с 2002 года. Живет в Ульяновске.

АВТОРЫ

Степанова Валентина родом из Тольятти. Окончив Фёдоровскую школу в 1972 г., поехала учиться в Ленинград. Сразу поступила в ЛГУ. Изучала на филологическом факультете древние языки: латинский и древнегреческий. Преподавала в университетах: Волгограде, в Тольятти в Академии (ныне ТАУ). Живет в Тольятти.

Чередеева Лидия. Родилась в 1971 году во Владивостоке. Окончила факультет русской филологии Дальневосточного государственного университета (1994). Участник Второго небольшого фестиваля поэтов СПбЛит-Гида (СПб., 2002).

Книги: «Невинные слабости» (СПб.: Своё издательство, 2013), «Второй хвост» (Владивосток: niding.publ.UnLTd, 2015). Живёт в Санкт-Петербурге

Шиляева Александра. Родилась в 1994 году в посёлке Балезино Удмуртской республики. В 2005 году переехала в Пермь. Публикации: Удмуртская молодёжная газета «Мост» 2003 г. Пермский журнал "Вещь" 2012 г. и 2014 г., пермская газета «Свежак» 2014 г. В 2015 году выпустила дебютный сборник стихотворений "Дяденька-мужик". Живёт и учится в Москве.

Подписано в печать 20.03.2016 г.
Формат 60х84/16. Усл. п. л. 9,42.
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Тираж 150 экз. Заказ 300.
Отпечатано в ООО типография “Полиар”,
445020, г. Тольятти, ул. Родины, 36а.